

Свами Вивекананда

КАРМА-ЙОГА

ПРАКТИЧЕСКАЯ ВЕДАНТА

2-е издание

Москва

Амрита-Русь
2012

УДК 612.21:615.82
ББК 53.59
В41

Вивекананда Свами

В41 Карма-Йога. Практическая веданта / Свами Вивекананда. — 2-е изд. — М.: Амрита, 2012. — 224 с.

ISBN 978-5-413-00666-5

Люди часто заблуждаются, думая, что цель, к которой стремится человечество, состоит в достижении так называемого счастья, т.е. возможно большего количества наслаждений при наименьшей сумме страданий. Такой взгляд — глубокое заблуждение, и он же причина всех бедствий в этом мире. Наслаждения преходящи и полного удовлетворения не дают.

Философы Востока ставят перед нами другой идеал: они говорят, что целью стремлений должно быть познание истины и что к этой цели идет все человечество. Наслаждения же и страдания являются при этом только пособиями. Оставляя в душе разные впечатления, они формируют «характер» человека.

То, что по общепринятому выражению человек «узнает», на самом деле, говоря точным языком психологии, он «открывает», снимая покрывало с собственной души, хранящей в себе бесконечное знание.

ISBN 978-5-413-00666-5

© Оформление.
ООО «Амрита», 2011

КАРМА-ЙОГА

Карма и ее влияние на характер

Слово «карма» происходит от санскритского «кри» — делать. В технике этим словом называют вообще результаты всякой работы, в метафизике оно употребляется иногда для обозначения следствий наших прежних поступков, в Карма-Йоге же подразумевается любая работа, труд, деятельность.

Люди обыкновенно думают, что цель, к осуществлению которой стремится и должно стремиться человечество, состоит в достижении так называемого счастья, т.е. возможно большего количества наслаждений при наименьшей сумме страданий. Такой взгляд — глубокое заблуждение, и он же причина всех бедствий в этом мире. Наслаждения преходящи, и каждый, после более или менее продолжительной погони за ними, часто сопровожда-

емой ожесточенной борьбой, приходит наконец к убеждению, что полного удовлетворения они не дают.

Философы Востока ставят перед нами другой идеал: они говорят, что целью стремлений должно быть познание истины и что к этой именно цели, хотя и не сознавая того, идет как все человечество в совокупности, так и каждый отдельный человек. Наслаждения же и страдания являются при этом только могущественными пособниками. Оставляя в душе разные впечатления, они формируют «характер» человека, представляющий собой сумму всех его стремлений и склонностей. В образовании характера и придании ему той или другой формы одинаково участвуют как благоприятные факторы, так и дурные. Изучая историю великих людей, легко проследить, что в огромном большинстве случаев несчастья и бедность оказывались для них более полезными учителями, чем счастье и богатство, и порицания чаще, чем похвалы, вызывали наружу их внутренний огонь.

Знание — прирожденное достояние человека; оно все в нем самом и ниоткуда извне не появляется. То, что по общепринятому выражению человек «узнает», на самом деле, говоря точным языком психологии, он «открывает», снимая покрывало с собственной души, содержащей в себе бесконечное знание. Говорят, что Ньютон открыл закон притяжения. Но где он нашел его? Скрывался ли этот закон в каком-нибудь тайнике внешней природы? Может быть, в центре земли, или в яблоке,

падение которого повело к его открытию? Нет, падение яблока только побудило Ньютона углубиться в себя, разобраться в своих собственных мыслях. Изменяя порядок расположения отдельных их звеньев, он нашел между ними новое, не известное ему раньше звено, которое и назвал законом притяжения.

Все знание, каким когда-либо обладал мир, всегда исходило из ума человека. В уме каждого из нас находится беспредельная библиотека Вселенной, и внешний мир дает только толчки, побуждающие нас знакомиться с ее содержанием. Как я уже сказал, наши знания как бы покрыты покрывалом. Когда оно постепенно приподнимается, говорят, что мы «учимся». У всех людей покрывало это по-разному закрывает содержание ума: у невежды оно лежит плотно, у более знающего человека — несколько приподнято, а у всеведущего — совсем снято. Вы спросите, пожалуй: да разве могут быть всеведущие люди? Несомненно, они всегда были в мире и теперь существуют, а в грядущие циклы их будут миллиарды.

Знание таится в уме, как огонь в куске кремня, и внешние воздействия, подобно трению или удару огнива, вызывают этот скрытый огонь. Также и со всеми нашими чувствами и действиями. Внимательно разбираясь в них, мы видим, что радости и печали, улыбки и слезы, смех и плач, благословения и проклятия, похвалы и порицания, — все это исходит изнутри нас под воздействием внешних толчков и ударов. В результате получается то, что

мы представляем собой; действия же и чувства наши, вместе взятые, составляют карму, в широком смысле этого слова, и эту карму мы производим постоянно в течение всей нашей жизни.

Многие явления и действия складываются из огромного числа слагаемых. Когда мы стоим, например, на берегу моря и слушаем шум прибоя, мы знаем, что ударяющие о камни волны состоят из многих миллионов маленьких волн, из которых каждая производит шум; но эти шумы не улавливаются нашим слухом и, только сливаясь с другими в один общий громкий гул, становятся слышными. Подобным же образом каждое биение нашего сердца вносит свою долю участия в огромное целое его работы; но отдельно мы их не ощущаем, а они замечаются нами только в большей или меньшей совокупности. Так же и характер человека состоит из множества мелких стремлений и склонностей, которые вместе определяют его сущность. Поэтому, чтобы сказать о человеке, что он велик, недостаточно знать его великие деяния, а надо прежде наблюдать его в повседневных условиях жизни. Чрезвычайные обстоятельства поднимают иногда совершенное ничтожество на значительную высоту, и всякий безумец при известной обстановке может оказаться героем; но действительно велик лишь тот, кто велик всегда и во всяком положении.

Карма действует на характер, как самая могучая сила, с какой только приходится считаться. Человек является как бы центром, к которому стремятся все силы Вселенной. Он вбирает их в себя,

а затем изливает в окружающий мир огромным потоком. Этот центр и есть настоящий человек, всемогущий, всеведущий. Он привлекает к себе всю Вселенную; добро и зло, счастье и бедствия, — все течет к нему непрерывной струей и облекает его со всех сторон. Из всего этого он вырабатывает обратный поток стремлений, называемый характером, который и проявляет в своей деятельности. Притягивая все к себе, человек обладает способностью и все направлять от себя, чтобы оно действовало и приносило плоды.

Карма вырабатывает характер человека, а характер — волю; воля же посредством мысли производит все, что составляет продукт общественной и личной деятельности человека. Города и корабли, машины и орудия — все это только внешние проявления воли. Много было людей с могучей волей, способной преобразовать мир, и эта воля создана их кармой; все эти люди были великими тружениками. Но для выработки такой воли требовалась настойчивая работа в течение многих веков. Одной человеческой жизни недостаточно, чтобы могли сформироваться такие гиганты, как, например, Будда. Теорией наследственности также нельзя объяснить появление их. Мы знаем, что отец Будды был один из тысяч царьков, не обмолвившихся ни одним словом на благо человечества, которым часто не повиновались их собственные слуги. Как же он мог произвести на свет сына, боготворимого половиной мира? Откуда взялась та гигантская воля Будды, которой он охватил весь мир? Как накопилась ее необычайная сила?

Очевидно, она должна была существовать раньше и постоянно расти в течение веков, пока в лице Будды не излилась на человечество. На этом развитие ее не остановилось; рост ее продолжался и продолжается до сего дня.

И все это произведено кармой, работой, трудом. Без труда ничего не дается. Это вечный, непреложный закон. Если и могут иногда возникнуть сомнения в этом, то последствия неизбежно заставят признать его истину. Можно всю жизнь добиваться богатства, обмануть тысячи; но если вы не заслужили его личным трудом, ваша жизнь в конце концов станет тягостной и невыносимой. В нашей воле накапливать средства для всевозможных физических наслаждений, но использовать из них мы сможем лишь те, которые действительно заработаны нами. Невежда может приобрести все книги, какие только есть на свете, но прочтет только те, которые подходят к уровню его развития. Наша карма определяет, что мы заслужили и что можем усвоить. На нас самих лежит ответственность за то, что мы собой представляем.

Но если наше состояние теперь — результат наших прошлых действий, то, несомненно, следует, что и наша будущность обуславливается нашей настоящей деятельностью, а значит, от нас зависит стать тем, чем сами пожелаем. Для этого необходимо только знать условия, при которых усилия увенчиваются наибольшим успехом, — надо научиться работать.

Но вы спросите, зачем учиться труду? Ведь каждый и без учения так или иначе трудится. Дело в том, что возможна напрасная трата энергии, расходование сил на пустяки. В Гите говорится, что Карма-Йога учит трудиться умело, научно, т. е. с наибольшими результатами. Вы должны помнить, что цель всякого труда только вызвать силу ума, уже находящуюся в нем, пробудить душу. В человеке заложены как сила, так и знание, а всякого рода труд только вызывает их, заставляя этих гигантов проснуться.

Человек работает по разным побуждениям; труд без побудительной причины немыслим. Одни стремятся к славе, богатству и власти, и работают ради приобретения их; другие ищут Неба и трудятся, чтобы заслужить его; третьи стараются передать после смерти свое имя потомству. В Китае, например, никто не получает титула при жизни, а за выдающиеся заслуги деятеля почетный титул дается его умершему отцу или деду, и находятся охотники трудиться ради этого. Последователи некоторых магометанских сект всю жизнь работают, чтобы после смерти им соорудили большую гробницу. Я знаю людей, которые уже при появлении на свет ребенка начинают готовить для него гроб. Предполагается, что чем больше и изящнее гроб, тем лучше будет этот человек. Даже благотворительность преследует нередко корыстные цели. Натворив всяких злодейств, люди строят храм или одаряют духовенство в расчете получить от него «паспорт» на Небо. Они думают, что такая благотворитель-

ность очистит их, искупит все грехи и даст свободу. Таковы некоторые из побуждений к труду.

Но в каждой стране есть также люди, трудящиеся для того, чтобы приносить добро, и не заботящиеся ни о мирских выгодах, ни о Небе. Есть и другие, не думающие вовсе о результатах своего труда, а оказывающие помощь бедным и вообще человечеству просто потому, что считают это хорошим делом и любят все хорошее. Это те, о которых сказано, что они — соль земли.

К каким же результатам приводит деятельность, руководимая этими разными побуждениями? Погоня за славой, властью, богатством редко увенчивается немедленным успехом. Цели эти обыкновенно достигаются, когда мы уже состарились и почти покончили с жизнью, да и тогда достигаются не вполне; достигается лишь слабая удовлетворенность, и этим все и кончается. Если же человек трудится абсолютно бескорыстно, он выигрывает гораздо больше. Даже материальное бескорыстие оплачивается несравненно лучше. Любовь, честность и отсутствие эгоизма не только красивые слова — в них заключается огромная сила, и тот, кто в состоянии трудиться хотя бы пять дней или даже пять минут без всякого эгоистичного побуждения, не думая о будущем — ни о Небе, ни о наказании и ни о чем подобном — тем самым обнаруживает в себе способность стать могущественным нравственным гигантом. Трудиться так не легко, но в глубине души мы чувствуем цену такого труда и сознаем все благо, которое

он приносит. Сдерживание себя — самое высшее проявление силы. В самосбуждении проявляются гораздо высшие качества, чем в каком бы то ни было свободном действии. Экипаж, запряженный четверкой, может спуститься с холма в карьер, но можно заставить лошадей спустить его и шагом. В чем же больше проявится сила правящего лошадьми, в предоставлении им бежать, как они хотят, или в сдерживании их? Брошенный в воздух шар пролетает некоторое расстояние, падает на землю и вся заключавшаяся в нем энергия истрачивается, не производя никакого дальнейшего результата. Но бросьте тот же шар и с той же силой в стену, он пролетит меньшее расстояние, но, встретив препятствие, произведет сильное нагревание. Всякое действие, свободно следующее за эгоистическим побуждением, рано или поздно прекращается и исчезает бесследно, не вызвав в нас никакой новой силы; при воздержании же такая сила в нас разовьется в виде могучей воли и характера подобного тому, каким отличался Будда и другие великие основатели религий.

Глупцам не постичь этого секрета, и, тем не менее, они хотят управлять человечеством. Им невдомек, что они могли бы даже покорить мир, если бы трудились и ждали. Ждите несколько лет, удерживайтесь от безумного желания властвовать и, когда мысль о власти совсем оставит вас, вы будете в состоянии подчинить себе все и всех. Люди гонятся за несколькими долларами, не останавливаясь перед обманами и обкрадыванием ближних, не подозревая того, что, воздержись они от такой

жизни несколько лет, и характер их так развился бы, что стоило бы им только пожелать и они стали бы миллионерами. Увы, мы все такие глупцы... Большинство из нас смотрит вперед не дальше нескольких лет, подобно тому как зрение некоторых животных не простирается дальше нескольких шагов. Наш мир очень мал, но у нас нет терпения заглянуть, что находится за его пределами, и в этом наша слабость, наше бессилие.

Не следует пренебрегать никаким трудом. Пусть те, кто не знает ничего лучшего, трудятся сначала ради эгоистических целей, ради имени или славы; но при этом надо только постоянно отдавать себе отчет в своих побуждениях и ставить себе все высшие и высшие цели. «Мы имеем право на труд, но не на плоды его». Оставьте в покое плоды; не заботьтесь о результатах. Помогая кому-нибудь, не думайте, как этот человек отнесется к вам в будущем. Задавшись сделать добро или великое дело, не беспокойтесь о том, что из него выйдет.

При таком идеале труда мы наталкиваемся на трудно разрешимый вопрос. — Если необходима напряженная деятельность, и мы должны постоянно безостановочно трудиться, то как примирить такое требование с рекомендуемым в то же время идеальным покоем. Перед нами две картины: одна представляет жизненную борьбу, неустанный труд среди вихря общественной жизни; другая — самоотречение, спокойствие, уединение. Ни та, ни другая из этих картин, очевидно, не полна и не может привести к цели. Неподготов-

ленный человек, вздумавший осуществить идеал самоотречения, оставаясь в водовороте мира, при первом же столкновении с ним будет уничтожен подобно тому, как рыба, живущая в глубине моря, где давление воды уравнивало ее внутренние центробежные силы, разрывается в куски, как только всплывет на поверхность. С другой стороны, возможно ли для человека, привыкшего к житейским волнениям и суете, сохранить полное спокойствие в одиночестве и удовлетвориться им? Нет, если он и останется при таких условиях в живых, то кончит без сомнения домом для умалишенных. Чтобы достигнуть идеала, необходимо подготовить себя так, чтобы среди полной тишины и уединения уметь найти самую напряженную деятельность и в вихре общественной суеты — тишину и уединение пустыни. Познавший такой секрет самообуздания управляет собой. Он идет по шумным улицам большого торгового города, а его ум спокоен, как если бы он находился в пещере, куда не доходит ни один звук, и, оставаясь совершенно спокойным, в то же время усиленно работает. Это настоящий идеал Карма-Йоги. И если вы достигли такого состояния, вы действительно узнали секрет труда.

Но всегда необходимо начинать с азбуки, приниматься за тот труд, который достался нам на долю, и становиться с каждым днем все более и более бескорыстным. При этом следует стараться понять, какие именно мотивы побуждают нас исполнять ту или другую работу. В первые годы мы увидим, что почти все наши побуждения эгоистичны,

но постепенно эгоизм будет уступать перед настойчивым стремлением к бескорыстию; личные интересы все реже и реже будут руководить нашими действиями, и наконец наступит время, когда мы станем совершенно бескорыстными. В этот момент все силы человека сосредоточатся, и познание истины, которою он овладеет, начнет сразу проявляться в полной силе.

Каждый велик на своем месте

Согласно философии *санкхья*, в природе существует три рода сил, называемых на санскрите *саттвы*, *раджас* и *тамас*. В физическом мире они проявляются как притяжение — *тамас*, отталкивание — *раджас* и управление обеими — *саттва*. *Тамас* характеризуется темнотой или неподвижностью, *раджас* — деятельностью, при которой каждая частица стремится удалиться от центра притяжения; *саттва* же представляет собой регулятор, приводящий обе предыдущие силы в надлежащее равновесие.

Эти три силы присущи каждому человеку. Всякий может заметить, что временами в нем преобладает *тамас* — он становится ленивым, бездеятельным, малоподвижным, связанным какими-нибудь идеями или просто ленью; иногда перевес оказывается на стороне *раджаса*, деятельности, и, наконец, бывает время, когда обе эти силы находятся в спокойном равновесии. Последнее состояние обуславливается преобладанием *саттвы*. У всех людей какая-либо из этих сил является главной. Характерные черты *тамаса* — бездеятельность, тупость, лень; *раджаса* — деятельность, даровитость, энергия; *саттвы* — мягкость, спокойствие и благородство, следствия уравновешенных деятельностей и инертности. Во всяком творе-

нии — в животных, растениях и человеке — мы видим более или менее типичное проявление всех этих различных сил и свойств.

Эти три элемента, или деятеля природы, составляют главный предмет наследования Карма-Йоги. Знакомя нас с их сущностью и способами ими пользоваться, она помогает нам лучше выполнять наш жизненный труд. Человеческое общество представляет собою организацию, слагающуюся из отдельных частей. Это организм, в состав которого входят разные нации, классы и сословия. Всем нам известны слова «нравственность» и «долг», но понятия, выражаемые этими словами в разных странах в одно и то же время различны: нравственное в одной стране может считаться в то же время крайне безнравственным в другой. Например, в одной стране двоюродные братья и сестры могут вступать между собой в брак и вдовцы жениться на сестрах своих умерших жен, в другой на такие браки смотрят как на безнравственность; в одной — можно жениться или выходить замуж только один раз, в другой — несколько раз и т.д. Такое же различие в понятиях о нравственности встречается и в других областях жизни. Несмотря, однако ж, на это, в нас таится сознание, что сущность нравственности везде и всегда одна и та же.

Понятие о долге также различно у разных народов: в одной стране человека осуждают, если он совершает известные поступки; в другой — его осудят, если он не совершает их. По мнению одного класса общества, долг заставляет поступать известным

образом, другой класс держится совершенно обратных взглядов, и поступки одних приводят в ужас других. Мы это отлично знаем и все-таки убеждены, что понятие о долге должно быть одно, общее всему миру. Перед нами открыты два пути — путь невежды, признающего только один путь к истине и отрицающего все другие пути, и путь мудреца, находящего, что, соответственно нашему умственному строению или различным планам существования, понятия о долге и нравственности могут быть различны. По мнению последнего, то, что составляет долг в одном состоянии, при одной совокупности условий, не будет и не должно быть долгом в другом.

Следующий пример пояснит это. Все великие учителя проповедовали: «Не противься злу». Непротивление рекомендовалось ими как высший нравственный идеал. Но каждому из нас ясно, что если бы все жители какой-либо страны попытались вполне осуществить это правило на деле, государственный строй этой страны немедленно рухнул бы, общество распалось бы, и насильники и злодеи завладели бы нашей собственностью и жизнью и поступали бы с нами, как им угодно. Достаточно одного дня такого непротивления, чтобы общества не существовало. А между тем в глубине нашего сердца мы невольно чувствуем истину этого учения; непротивление злу нам кажется все-таки высшим идеалом, к которому следует стремиться. Но проповедовать это учение равносильно осуждению огромной части человечества. Такая проповедь заставляла бы людей чувство-

вать, что они всегда поступают дурно, возбуждала бы в них сомнения в правильности их поступков, ослабляла бы их волю, и это постоянное самоосуждение породило бы больше пороков, чем всякая другая слабость. Для человека, который начинает презирать себя, уже открыта дверь к вырождению, и это верно не только относительно отдельных людей, но в разной степени и целых наций.

Наш первый долг не презирать себя. Чтобы подвигаться вперед, мы должны сначала верить в себя и затем уже — в Бога. Тот, кто не имеет веры в себя, никогда не может уверовать и в Бога. Поэтому следует помнить, что долг и нравственность при разных условиях различны, и что сопротивление злу не только не всегда дурно, но при некоторых положениях, в которые может быть поставлен человек, составляет его прямой долг.

Многие из европейцев и американцев, которым случилось познакомиться с Бхагавад Гитой, вероятно, испытывали удивление при чтении первой ее главы, где Шри Кришна называет Арджуну лицемером и трусом за его отказ сражаться с родственниками и прежними друзьями на том основании, что непротивление — высший идеал любви. Для всех нас это великий урок, указывающий на то, что во всем крайности сходны: когда световые колебания слишком медленны, мы их не видим и не видим их также, когда они очень быстры. То же и со звуком: мы одинаково не слышим слишком низких, как и слишком высоких нот. Такое же внешнее сходство бывает и между разными рода-

ми непротивления. Один не противится, потому что слаб, ленив и нерешителен; другой знает, что может уничтожить противников одним ударом, но не наносит его, а благословляет своих врагов. Первый грешит и не получает за свое непротивление никакой награды, другой совершил бы грех, оказав сопротивление.

Будда отказался от трона, и это было действительное отречение, но не может быть никакой речи об отречении нищего, которому не от чего отрекаться. Итак, говоря о непротивлении как об идеале любви, следует давать себе отчет в том, что говорим. Прежде всего необходимо уяснить, обладаем ли мы достаточной силой, чтобы противиться. Если обладаем и не противимся, мы совершаем великое дело любви; но будет прямой противоположностью, если мы, бессильные противиться, стараемся обмануть самих себя, объясняя свой образ действия побуждениями высшей любви. Арджуна испугался, увидев перед собой сильную рать противников, и лишь тогда «любовь» заставила его забыть свой долг перед страной и королем. Вот почему Шри Кришна назвал его лицемером: «Ты говоришь как мудрец, но твои действия обличают в тебе труса. Поэтому вставай и сражайся!» Такова основная идея Карма-Йоги. Карма-йог понимает, что непротивление есть высший идеал, но вместе с тем знает, что оно бывает таким лишь тогда, когда в нем проявляется сила человека, обладающего ею в действительности, и что то, что называется непротивлением злу, — только ступень на пути развития этой высшей силы, непро-

тивления. Прежде чем приобретется способность осуществить этот высший идеал, пусть человек трудится, борется, разит врага с плеча. Только когда он обладает силой побеждать, его непротивление будет добродетелью.

Однажды я встретил на родине человека, которого знал раньше как глупого и тупого, это был полный невежда, не желавший ничему учиться и живший как дикий зверь. Он спросил меня, что ему следует делать, чтобы познать Бога, достигнуть свободы. «Умеешь ты лгать?» — спросил я его. «Нет», — ответил он. — «Тогда ты должен научиться. Лучше лгать, чем быть зверем или деревянным чурбаном, ты ничего не делаешь, где тебе достигнуть состояния, которое выше всякой деятельности, спокойно и чисто, ты слишком туп даже для того, чтобы быть безнравственным». Это, конечно, крайний случай, и мои слова не следует понимать в буквальном смысле. Они значили, что человек должен быть деятелен, чтобы путем труда достигнуть совершенного спокойствия.

Бездеятельности следует всячески избегать; деятельность же — всегда противление. Давайте odpor всему злему, как умственно, так и физически; и только достигнув успеха в противлении, вы познаете настоящее спокойствие. Легко сказать: «Не чувствуйте ни к кому ненависти, не противьтесь ничему злему». Но мы знаем, что это значит в действительности. Когда взоры общества устремлены на нас, мы можем делать вид, что не противимся, но в груди у нас злокачественная язва: мы

сознаем, что сделали бы лучше, если б боролись. Желая богатства и в то же время зная, что домогаться его считается безнравственным, вы, может быть, не осмелитесь отдаться борьбе за него, но все ваши мысли день и ночь будут заняты мыслями о приобретении денег. К чему, тогда послужит это очевидное лицемерие? Погружайтесь в свет, добивайтесь богатства, почестей, власти, и когда достигнете исполнения ваших желаний, испытаете все радости и страдания, какие оно может вам дать, вы увидите, что все это вздор, из-за которого не стоило трудиться, и почувствуете себя спокойными и способными к отречению. Не удовлетворив же своих желаний, не испытав этого рода деятельности, невозможно достигнуть состояния спокойствия, чистоты и самопожертвования. Идеи о чистоте и отречении проповедовались тысячи лет. Каждый с детства слышал о них и, несмотря на это, очень мало людей действительно достигало их полного осуществления. Не знаю, встретилось ли мне за всю мою жизнь хотя бы двадцать человек, истинно спокойных и способных не противиться, а я объехал полмира.

Всякий человек должен избрать себе собственный идеал и стараться осуществить его. Это более верный путь к совершенствованию, чем брать чужие идеалы, не имея надежды достигнуть их. Если мы заставим ребенка пройти сразу двадцать миль, то он умрет на пути, а если один из тысячи и дотащится как-нибудь до конца, то окажется истощенным и полумертвым. Это ошибка, в которую мы обыкновенно впадаем. Нигде, ни в каком

обществе вы не встретите двух мужчин или женщин с одинаковым умом, способностями и волей. Конечно, и идеалы их должны быть различны, и мы не вправе порицать или осмеивать эти идеалы, какими бы они ни были. Пусть каждый делает лучше что ему по силам для осуществления своего идеала. Не судите меня по вашему идеалу и себя — по моему. Нельзя к яблоне предъявлять те же требования, что к дубу, и, наоборот, от дуба ждать яблок. У каждого из них свое мерило, так же как и у всех нас.

Характерная черта плана творения — единство в разнообразии. Как ни различаются мужчины от женщин, а те и другие между собой, в самой их сущности, несомненно, есть нечто общее. И тем не менее, различия в индивидуальных характерах классовых и половых являются естественными видоизменениями закона творения. Отсюда следует, что мы не должны ко всем применять одну меру или ставить для всех один общий идеал. Это может привести к противоестественной борьбе с собой, в результате которой явится презрение к себе, лишаящее человека способности стать истинно религиозным и добрым. Наша обязанность ободрять каждого в его стремлении жить согласно требованиям его собственного идеала и в то же время стараться приблизить по возможности этот идеал к истинному.

В системе нравственности индусов этот взгляд был установлен еще в очень древние времена. В старых рукописях и книгах об этике указаны

различные правила для людей разного положения в обществе — для главы и прочих членов семейства, для *санньяси* (человека, отрешившегося от мира) и для ученика.

Всякий человек, проходя жизненный путь, должен, согласно индусским священным книгам, исполнять свои особые обязанности, кроме общечеловеческих. Выйдя из детского возраста, индус считается учеником, затем женится и становится главой семьи, хозяином дома, а состарившись, удаляется от дела и наконец покидает мир и становится *санньяси*. Каждому из этих периодов жизни предписаны известные обязанности, определяемые его собственной природой. При этом следует заметить, что жизнь женатого человека считается настолько же высокой, как и жизнь ученика и человека, посвятившего себя религиозному труду, — ни одно из этих положений не выше другого. Король на троне не более велик и славен, чем дворник на улице. Лишите властителя его трона, заставьте исполнять обязанности дворника и посмотрите, как он справится с ними. Возведите на трон дворника и посмотрите, как он станет управлять. Нельзя говорить, что человек, ушедший от мира, выше, чем человек, живущий в мире. Оставаться в мире и прославлять Бога труднее, чем отказать от мира и вести спокойную и удобную жизнь. Все разнообразные житейские положения сведены в Индии к двум — к положению главы дома, хозяина, и подвижника. Хозяин обзаводит семьей и исполняет обязанности гражданина; подвижник покидает мир с целью всю свою энер-

гию посвятить религии — проповедовать и молиться Богу. Посмотрим же, чья жизнь труднее. Прочтя несколько прекрасных отрывков из Маха-Нирвана-Тантры, касающихся этого вопроса, мы увидим, что выполнять в совершенстве обязанности хозяина — задача чрезвычайно трудная. «Главной целью домохозяина должно быть познание Бога и преданность Ему. В то же время он должен постоянно трудиться, исполнять свои обязанности и все плоды своей деятельности посвящать Богу».

Не легко трудиться в этом мире, не заботясь о результате, помогать человеку и никогда не думать, что тот обязан быть за это благодарным, служить добру, не рассчитывая на известность или славу и не ожидая решительно ничего. Даже самый отъявленный трус становится храбрым и глупец способным совершать геройские подвиги, если рассчитывают на одобрение общества; но постоянно делать добро, не ожидая похвалы своих ближних и не заботясь о ней, это — действительно самая высокая доступная человеку жертва. Тяжела обязанность хозяина добывать средства к жизни. Тем не менее, он должен исполнять ее, не прибегая ко лжи или обману и обкрадыванию других, постоянно помня, что его жизнь должна быть посвящена служению Богу, бедным и нуждающимся.

«Зная, что мать и отец видимые представители Бога, хозяин всегда и всем должен угождать им. Если мать и отец довольны сыном, доволен им

и Бог. Тот ребенок действительно хорош, который никогда не грубит своим родителям».

«С родителями не следует позволять себе шуток, проявлять нетерпение, гнев или раздражительность. При встрече с родителями дети должны низко кланяться, вставать и в их присутствии и не садиться, пока не получают разрешения».

«Если хозяин заботится о еде, питье и одежде для себя, не подумав прежде о том, снабжены ли всем этим его родители, дети, жена и бедные, он совершает грех. Мать и отец произвели на свет детей, и потому последние должны переносить тысячи лишений, чтобы доставить им покой и все необходимое».

Таковы же обязанности хозяина и относительно жены. «Муж должен всегда помогать жене, как будто бы она была его матерью и даже, будучи крайне расстроенным и взволнованным, не бранить ее и никаким другим способом не выражать ей гнева».

«Кто допускает относительно посторонней женщины хотя бы мимолетные нескромные мысли, тот идет в мрачный ад. Никто не смеет прикасаться к чужой женщине, а в ее отсутствие — к принадлежащей ей одежде».

«При женщинах не следует употреблять неприличных слов, и в каком бы то ни было обществе хвалиться своими способностями или говорить:

«Я сделал это, я сделал то». «Хозяин должен всегда относиться к жене с любовью и доверием, стараться ничем ее не беспокоить, называть ее нежными, как нектар, именами, доставлять удовольствия и одарять нарядами. Тот, кто заслужил любовь чистой женщины, преуспел в своей религии и обладает всеми добродетелями».

Обязанности по отношению к детям следующие: «Сын должен быть окружен самой тщательной заботой, пока не достигнет четырехлетнего возраста; после чего его следует учить и воспитывать. Когда ему исполнится двадцать лет, отец перестает считать его мальчиком; тогда они равны, потому что сын сам становится хозяином. Так же точно следует растить и дочь, воспитывая ее тоже самым заботливым образом. А когда она выходит замуж, отец должен дать ей приданое и средства к жизни».

«Далее следуют обязанности хозяина к своим братьям и сестрам, к их детям, если они бедны, к другим родственникам, к друзьям и к прислуге. Затем идут его обязанности по отношению к односельчанам, бедным, и вообще всем, кто обращается к нему за помощью. Если хозяин, имея достаточные средства, не старается одаривать родственников и бедных, считайте его зверем; он не человек».

«Следует избегать чрезмерной заботы о самом себе, о пище, одежде и своей внешности. Хозяин должен быть чист сердцем и телом, всегда деятелен и скор в работе».

По отношению к врагам он должен вести себя героем. «Оказывать им сопротивление — обязанность хозяина». Он не смеет сидеть в углу, хныкать и лепетать вздор о непротивлении. Не обнаружив мужества перед врагами, он не выполнил своего долга. С друзьями же и родственниками его обязанность быть кротким, как ягненок.

«Долг хозяина не оказывать почтения людям порочным, иначе он поощрял бы безнравственность. Но с его стороны будет большой виной, если он недостаточно внимателен к хорошим, заслуживающим уважения людям. В дружбе он должен быть разборчив: не набирать друзей, где попало, но прежде чем сближаться с людьми, стараться ознакомиться с их деятельностью и узнать, как они обращаются с другими. Только всесторонне выяснив это, можно дружить».

Хозяин не должен говорить о трех вещах: о своей славе, знатности и способностях, о своем богатстве или бедности и обо всем, что ему доверено по секрету».

«Если он сделал какую-нибудь ошибку или начал дело, в котором потерпит неудачу, — большое это дело или малое — он не должен об этом рассказывать». Какая польза выбалтывать свету свои ошибки и неудачи? Ведь их нельзя сделать несуществующими; свет же симпатизирует только тому, кто крепок и силен. За свои ошибки все равно придется потерпеть, и надо только стараться не повторять их. Разглашение же своих

неудач не только бесполезно, но и лишает человека возможности исполнять свои житейские обязанности».

«Мужчина не должен говорить, что он беден или богат, особенно же хвалиться своим богатством. Держать это про себя — его религиозный долг», а не только житейская мудрость. «Если он не поступает так, его могут счесть безнравственным».

«Хозяин — основа, опора общества; он главный добытчик. Бедные, слабые, дети, женщины и вообще неспособные к работе — все живут за счет хозяина, и потому на нем лежат особые обязанности, для выполнения которых он должен чувствовать себя сильным и не думать, что занимается делом, недостойным его идеала. В то же время он должен упорно трудиться для приобретения, во-первых, знания и, во-вторых, богатства. Если он не исполняет этого, он ничто. Хозяин, не заботящийся об увеличении своего богатства по лени или потому, что имеет достаточно для ведения праздной жизни, безнравственен, от него зависят сотни, а если бы он приобрел еще, сотни других наших ли бы в нем поддержку».

Если бы в вашей столице сотни людей не боролись из-за богатства и не приобретали его, откуда явилась бы вся эта цивилизация, эти огромные дома призрения? Погоня за богатством непредосудительна, если при этом имеется в виду помощь другим.

Хозяин — центр и жизнь общества. Для него благородное приобретение и трата богатства — своего рода молитва, служение Богу. Добиваясь богатства, хорошими, конечно, средствами и с хорошими целями, он так же достигает спасения, как и анахорет, молящийся в своей келье. В его деятельности проявляется в другой форме та же добродетель самоотречения и самопожертвования, внушаемая чувством преданности Богу и всему, что Его.

«Он должен стараться всеми способами приобрести доброе имя и не делать следующих вещей: играть на деньги, сближаться с порочными людьми, лгать и причинять другим страдания».

Люди часто берутся за дела, выполнить которые бессильны, и, чтобы достигнуть своих целей, прибегают к обману. Между тем во всех делах время играет существенную роль, и его следует принимать во внимание: неудачное сегодня может иметь большой успех завтра.

«Хозяин должен говорить правду, но говорить мягко, употребляя выражения приятные и полезные людям, и не позволяя себе ни хвастать своими делами, ни говорить о чужих делах».

«Сооружая водоемы, насаждая вдоль дороги деревья, устраивая приюты для людей и животных, дороги и мосты, хозяин достигает тех же результатов, что и величайший йог». Сказанное составляет сущность содержания той части учения Карма-

Йоги, которая рассматривает деятельность хозяина, его обязанности.

Дальше в нем есть стих, где говорится, что «если хозяин умирает в битве, сражаясь за родину или религию, то он достигает той же самой цели, что йог созерцанием». Это указывает на то, что является долгом для одного — не является долгом для другого, и в то же время отрицает общепринятое мнение, что одни занятия унижают, а другие возвышают человека. Каждому положению соответствует известный род труда, и мы должны исполнять свои обязанности сообразно с обстоятельствами, в которых находимся.

Во всем этом проводится одна идея — осуждение слабости, идея, которая мне особенно симпатична во всех наших учениях о философии, религии и труде. Читая Веды, вы постоянно встречаете слово «бесстрашие». Страх — признак слабости. Исполняя свой долг, не следует обращать внимания ни на насмешки, ни на презрительные улыбки света.

Человек, покинувший мир с целью посвятить себя молитве, не должен думать, что те, кто живет в миру и трудится для его блага, не угодны Богу; равно как и живущий в миру не должен считать отказавшихся от мира низкими бездельниками. Каждый велик на своем месте.

Я поясню это сказкой.

У одного короля было обыкновение всякому приходящему в его государство *санньяси* предлагать вопрос: кто выше, тот ли, кто отказывается от мира и становится *санньяси*, или тот, кто живет в миру и несет обязанности хозяина. Много мудрецов старалось разрешить этот вопрос. Одни утверждали, что выше *санньяси*, другие — что домохозяин. От тех и других король требовал доказательств их правоты, и когда они затруднялись исполнить это, приказывал им жениться и нести обязанности хозяина.

Наконец пришел молодой *санньяси*, и на тот же вопрос короля отвечал: «О король, каждый велик на своем месте». — «Докажи мне это», — сказал король. — «Чтобы убедиться в правоте моих слов, — ответил *санньяси*, — ты должен пойти со мной и несколько дней прожить так же, как я». Король согласился и последовал за *санньяси*. Пройдя несколько чужих владений, они очутились, наконец, в столице, где готовилось большое торжество. Везде раздавались звуки музыки и барабанов и крики герольдов. Народ собрался на улицах в праздничных одеждах и ему объявлялся какой-то указ. Король и *санньяси* остановились и слышали от герольда, что принцесса, дочь короля этой страны, будет выбирать себе мужа из числа собравшихся.

В Индии был старый обычай, по которому принцессы сами выбирали себе мужей. У каждой из них, конечно, были в этом отношении свои требования: одна отдавала предпочтение красоте, другая — учености, третья — богатству и т.д. Невесту в велико-

лепном наряде приносили на троне и герольды объявляли, что принцесса такая-то будет выбирать себе мужа. Все соседние принцы в самых роскошных одеждах присутствовали здесь, и их герольды перечисляли достоинства своих владельцев и основания, по которым те надеются быть избранными. Затем принцессу обносили кругом, чтобы она могла видеть своих претендентов и выслушать их предложения. Относительно тех, кто ей не нравился, она не делала никаких замечаний, а просто говорила своим носильщикам: «Вперед», избраннику же бросала венок, и он становился ее мужем.

Принцесса страны, в которую пришли король и *санньяси*, совершала такую же церемонию. Это была самая красивая из принцесс всего света и к тому же наследница престола своего отца, так что ее мужу предстояло в будущем стать правителем государства. Она хотела выйти замуж за самого красивого человека, но долго не могла найти ни одного, отвечающего ее вкусу. Несколько раз уже повторялись такие церемонии, но выбор не останавливался ни на ком. Теперь собрание превзошло великолепием все прежние: сошлось больше, чем когда-либо народу и зрелище было самое блестящее. Принцесса уже прибыла, и носильщики переносили ее на троне с места на место. Она, по-видимому, не обращала внимания ни на кого, и все начинали уже беспокоиться, что и теперь никто не будет избран. Как раз в это время пришел и стал в стороне, наблюдая происходящее, молодой, прекрасный, как солнце, *санньяси*. Трон с принцессой пронесли около

него, и как только она его увидела, тотчас остановилась и бросила ему венок. Молодой *санньяси* поймал венок и отбросил его, воскликнув: «Что за бессмыслица? Ведь я *санньяси*, какой же для меня брак?» Король-отец, полагая, что этот человек будучи беден не смеет и думать жениться на принцессе, сказал ему: «Моя дочь получает половину королевства теперь и другую после моей смерти», и с этими словами снова возложил на него венок. Тот отбросил его опять со словами: «Что за вздор, я не хочу жениться», и быстро ушел. Но принцесса так сильно влюбилась в этого молодого человека, что решила или выйти замуж за него, или умереть, и пошла за ним, чтобы вернуть его. Тогда первый *санньяси* сказал пришедшему с ним королю: «Пойдем за этой парой», и они отправились, держась, однако, на довольно большом расстоянии. Пройдя несколько миль, молодой *санньяси* вошел в лес. Принцесса и двое других последовали за ним. *Санньяси* хорошо знал этот лес и все запутанные тропинки в нем, бросился по одной из них и скрылся из виду. После долгих напрасных поисков принцесса села под деревом и стала плакать, так как, кроме того, что не нашла *санньяси*, не могла найти теперь и выхода из леса. Тогда наш король и *санньяси* подошли к ней и сказали: «Не плачь, мы покажем тебе дорогу, но теперь слишком темно, чтобы найти ее. Вот большое дерево, отдохнем под ним, а рано утром мы проводим тебя».

На этом дереве было гнездо с двумя птицами и тремя их птенцами. Глава семьи посмотрел вниз,

увидел под деревом трех людей и сказал жене: «Дорогая, что нам делать? К нам пришло несколько гостей. Сейчас зима, у нас нет огня». Затем он полетел, нашел кусочек горящего дерева, принес его в клюве и уронил перед гостями. Те прибавили дров и развели яркий огонь. Но маленькая птичка не удовлетворилась этим. Он опять сказал жене: «Дорогая, нам нечем угостить этих людей; они голодны, а мы хозяева и наша обязанность накормить всякого, кто приходит к нам в дом. Я должен сделать, что могу. Я отдам им мое тело», и он бросился в огонь. Гости видели падающую птичку, хотели спасти ее, но она была слишком быстра, ринулась в огонь и убилась. Жена погибшей птички видела, что сделал ее муж и сказал: «Здесь трое людей и только одна маленькая птичка для их еды. Этого мало; мой долг, как жены, не допустить, чтобы сделанное мужем пропало даром — пусть они получают и мое тело», тоже бросилась в огонь и обожглась насмерть.

И тогда три птенца, видя, что сделано отцом и матерью, а также, что для гостей все еще было недостаточно пищи, сказали: «Наши родители сделали, что могли, и все-таки этого недостаточно. Наш долг завершить дело наших родителей, пусть и наши тела идут туда же». И они все бросились в огонь.

Люди были изумлены тем, что видели, и, конечно, не могли есть этих птиц. Кое-как они провели ночь без пищи, а утром король и санньяси показали принцессе дорогу из леса, и она пошла обратно к своему отцу.

Тогда *санняси* сказал королю: «Король, ты видел, что каждый велик на своем месте. Если хочешь жить в миру, то, подобно этим птицам, будь готов во всякую минуту пожертвовать собой для других. Если же предпочитаешь отказаться от мира, будь похож на того молодого человека, для которого прекраснейшая женщина и королевство — ничто. Хозяин должен смотреть на свою жизнь, как на жертву для блага других, а избравший жизнь отречения не смеет бросить даже взгляда на красоту, деньги и власть. Каждый велик на своем месте, и долг одного не является долгом для другого».

Бескорыстная благотворительность — секрет труда, ведущего к спасению

Помогать другим, удовлетворяя их материальные нужды, без сомнения, дело великое. Но помощь тем важнее, чем она продолжительнее и чем острее нужда, которую она устраняет. Если нужда человека устраняется на один час, это, конечно, помощь; если она может быть устранена на год, помощь больше; но самой большой помощью будет та, которой нужда устраняется навсегда. Духовное знание — единственная вещь, могущая навсегда устранить нужду, все другое удовлетворяет ее только на время. Все нужды человека окончательно исчезнут только тогда, когда изменится его природа. Способность испытывать нужду уничтожается только духовным познанием, и потому высшая помощь, какая может быть оказана человеку, — это помощь духовная. Приносящий людям духовную помощь самый великий благодетель человечества, и наиболее могущественные люди те, которые в состоянии удовлетворять духовные нужды. Духовно сильный и здоровый человек, если захочет, будет силен во всех отношениях, а пока не достигнута духовная сила, даже физические нужды не могут быть удовлетворены надлежащим образом. За духовной помощью следует помощь умственная. Дать знание гораздо важнее, чем дать пищу, одежду и даже жизнь, потому что

истинное назначение человека заключается в познании истины. Знание — жизнь, невежество — смерть. Мало цены в жизни, проходящей ощупью в темноте, среди невежества и страданий. Материальная помощь, хотя, конечно, тоже очень важная, стоит на последнем месте. Поэтому в вопросе о помощи другим мы должны всегда стараться не впасть в заблуждение, думая, что материальная помощь — единственная, какую можно оказать человеку. Она, напротив, последняя и самая меньшая, потому что не дает продолжительного удовлетворения. Страдание, которое я испытываю, когда голоден, устраняется едою, но голод возвращается опять; мое страдание может быть уничтожено совсем только тогда, когда я удовлетворен выше всякой потребности. Тогда голод не сделает меня несчастным и никакое страдание, бедствие или горе не будут в состоянии нарушить мое спокойствие. Итак, самая ценная помощь та, которая может сделать вас сильными духовно, за нею идет умственная помощь и за этой — физическая.

Мировые страдания не могут быть излечены благотворительностью материального характера; физические нужды, а с ними и страдания, всегда будут чувствоваться, пока не изменится природа человека, и материальная помощь, сколько бы ее ни оказывали миру, не изменит его вполне. Единственное разрешение вопроса о зле и страданиях — сделать человечество чистым. Невежество — мать всего зла и всех страданий, какие мы видим. Просветите людей, сделайте их сильными духом, и если это будет достигнуто, если челове-

чество станет чистым, духовно сильным и образованным, только тогда, но не раньше, исчезнут в мире страдания. Мы можем все здания в стране обратить в приюты, можем переполнить страну госпиталями, но человеческие страдания будут по-прежнему существовать, пока не изменится характер человека.

В Бхагавад Гите на каждом шагу говорится, что все мы должны неустанно трудиться и что труд по своей природе состоит из добра и зла. Нет работы, в которой не было бы ничего хорошего; не может быть и такой, которая бы никому не причиняла вреда. Всякий наш труд необходимо представляет смешение добра и зла, и оба эти элемента принесут результаты, которые произведут их карму; доброе дело окажет хорошее действие, злое — дурное, но то и другое будут все-таки оковами для души. Несмотря на это, нам предписывается постоянно работать. Разрешение вопроса об этой связывающей природе труда дает Гита. Она говорит, что если мы не привязываемся сами к работе, которую исполняем, то и она не будет иметь никаких связующих последствий для нашей души. Постараемся понять, что значит эта «непривязанность» к работе.

В Гите центральная идея — необходимость непрестанной работы при отсутствии всякого интереса к ее результатам. Сравнивая ум с озером, Гита говорит, что каждая маленькая струя или волна, раз возникнув в уме, — если она даже будет подавлена — не уничтожается совсем, но оставляет по-

сле себя след и в будущем может появиться вновь. Этот след с возможностью возврата волны — какова бы ни была его природа — называется *сам-скара*, или врожденная склонность. Всякий наш труд, всякое движение тела, каждая наша мысль оставляют впечатления в материи ума, и если такие впечатления даже не замечаются нами, то все же они достаточно сильны, чтобы работать в нас подсознательно. То, что мы представляем собой в каждый данный момент, определяется суммой таких прежних впечатлений. Моя личность, мой настоящий характер, как вообще характер каждого человека, определился всей суммой впечатлений прошлой жизни и прежних мыслей. В случае если преобладали благоприятные впечатления, сформируется хороший характер, а если дурные — дурной. Когда человек постоянно слышит дурные слова, имеет дурные мысли, совершает дурные поступки, его ум будет полон дурными впечатлениями или следами их, и они бессознательно будут управлять его мыслями и действиями. Эти дурные впечатления продолжают работать, и результаты их работы, в свою очередь, будут злыми. Такой человек окажется злым, и ничем помочь этому нельзя, так как сумма впечатлений создает в нем сильное побуждение совершать дурные поступки. Он становится как бы машиной, управляемой этими впечатлениями, и они побуждают его делать зло. Если же ум человека направлен в хорошую сторону, то сумма умственных впечатлений будет побуждать его делать добро, даже наперекор ему самому. Человек, совершивший столько добрых дел и имевший столько хо-

роших мыслей, что в его природе явилась непреодолимая склонность к добру, не может никому причинить зла, если бы даже захотел сделать зло, потому что его ум под влиянием всей суммы приобретенных склонностей воспрепятствует этому, не допустит освободиться из-под влияния добрых впечатлений. В этом случае говорят, что характер человека установился.

Как черепаха вбирает свою голову и ноги внутрь своего щита, и вы скорее убьете ее, чем она выйдет из него, совершенно так же упорен и характер человека, управляющего побудительными центрами и органами. Он господин своих внутренних сил, и ничто не может заставить его поступить против воли. Вследствие постоянного отражения добрых мыслей и добрых впечатлений, получаемых умом, склонность к добру усиливается, и в результате появляется способность управлять *индриями* (органами чувств и движения). Только таким образом установится характер; только тогда будет обретаена истина. Такой человек спасен навеки: он уже не способен сделать какое бы то ни было зло. Вы можете поставить его в какие хотите условия, поместить в любое общество — для него не будет никакой опасности. Но существует еще высшее состояние, чем обладание добрыми наклонностями, — это стремление к освобождению. Следует помнить, что свобода души — предмет стремлений всех индийских йогов, и что каждый из них одинаково достигает этого результата. Путем труда человек может достигнуть того же, чего в огромной

степени достиг Будда размышлением. Он был деятельный *джнан*.

Освобождение значит полная свобода — свобода от оков, как добра, так и зла. Золотая цепь настолько же цепь, как и железная. В мой палец попала заноза, игла; я извлекаю ее другой иглой и затем бросаю обе. Для чего мне беречь вторую, если и та, и другая прежде всего колючки? Так, дурным стремлениям противодействуют хорошие, и дурные следы в уме уничтожаются новыми волнами хороших стремлений, пока все злое не исчезнет или, хотя и останется в каком-нибудь уголке нашего ума, будет подавлено и вполне подчинено. Но впоследствии и хорошие стремления должны быть также побеждены. Только таким образом «привязанный» становится «непривязанным». Трудитесь, но не позволяйте действиям или мыслям производить сколько-нибудь сильное впечатление на ум.

Пусть маленькие волны приходят и уходят, пусть мускулы и мозг производят огромную массу действий, но не позволяйте им производить глубокое впечатление на вашу душу. Как же это сделать? Легко видеть, что впечатление всякого действия, к которому вы привязаны, остается надолго. Я могу в течение дня встретить сотни лиц и между ними одно, которое люблю. Оставшись ночью наедине, я могу попытаться вспомнить все виденные мною лица; но из них в моем уме явится только одно, которое я видел, может быть, только в течение секунды, но которое люблю; все остальные

исчезли. Моя привязанность к этому отдельно-
му лицу оставила в моем уме более глубокое впе-
чатление, чем все остальные. Физиологически
все впечатления были одинаковы: каждое лицо,
увиденное мной, дало изображение на сетине,
и мозг воспринял этот рисунок. Но действие их
на ум было неодинаково. Лицо, на которое я, мо-
жет быть, взглянул только мельком, произвело на
меня более глубокое впечатление, потому что не
похожие на него другие лица не нашли в моем уме
благоприятных ассоциаций, — так как большин-
ство, вероятно, были для меня совершенно новы-
ми, и я о них никогда раньше не думал, — одно же
лицо, на которое я едва взглянул, такие ассоциа-
ции нашло. Я, может быть, представлял его в уме
целые годы, знал о нем сотни вещей, и один вид
его встретил в моем уме множество родственных
представлений, которые при этом и воспрянули
вновь. Это воздействие на мое внутреннее зрение
было во сто раз сильнее, чем вид всех прочих лиц
вместе, и оно вдруг, и совершенно естественно
произвело на мой ум огромное впечатление. Поэ-
тому не будьте «привязаны», предоставьте работе
идти своим порядком; пусть работают наши моз-
говые центры, работайте постоянно, но не позво-
ляйте ни одной волне покорить ваш ум.

Трудитесь, как если бы вы были чужестранцем,
временно приехавшим в страну. Работайте не-
прерывно, но не привязывайтесь к вещам этого
мира — рабство ужасная вещь. Этот мир не посто-
янное ваше жилище: он только одна из многих сту-
пеней, по которым вы должны пройти. Помните

великое изречение *санкхья*: «Вся природа для души, но не душа для природы». Истинный смысл существования природы — воспитание души; она не имеет никакого другого значения и существует только для того, чтобы душа приобрела знание и путем знания достигла свободы. Помня это постоянно, мы никогда не будем привязаны к природе, будем знать, что природа — это книга, которую мы должны прочесть, но когда ознакомимся с ее содержанием, она не будет иметь для нас никакой ценности. Вместо этого, мы отождествляем себя с природой, думаем, что душа создана для природы и дух для тела, что согласно простонародной поговорке: «Человек живет, чтобы есть, а не ест, чтобы жить». Мы постоянно впадаем в эту ошибку, смотря на природу, как на себя самих, и привязываемся к ней. А как только эта привязанность явилась, она производит на душу глубокое впечатление, связывающее нас и заставляющее работать не как свободных людей, но как рабов.

Главный смысл этого учения в том, что мы должны работать как господа, а не как рабы; трудиться постоянно, но не подневольно. Разве вы не видите, как все работают? Десяносто девять из ста трудятся по принуждению; вся их работа корыстна, и в результате получается страдание. Работайте свободно! Работайте из любви! Любовь никогда не является, пока нет свободы. У раба не может быть истинной любви. Если вы купите раба, закуете его в цепи и заставите работать, он, как раб, будет производить работу, но любви к ней не будет. Когда мы сами трудимся ради мирских вещей,

в нас также не может быть любви к работе, и она не будет настоящей. То же самое, когда мы трудимся для родственников или друзей. Корыстная работа — работа рабская, и признаки, по которым можно судить, корыстна она или нет, следующие. Всякий акт любви приносит с собой счастье; не может быть истинного дела любви, следствием которого не были бы мир и блаженство. Действительное существование, действительное знание и истинная любовь вечно связаны друг с другом и представляют собой три в одном. Где одно из них, там должны быть и другие два. Это три вида одного и того же Существования — Знания — Блаженства. Существование относительно представляется нам в виде мира; относительное знание — в виде знания мирских вещей; относительное же блаженство составляет основание всякой действительной любви, какую только знает человеческое сердце. Поэтому истинная любовь никогда не причиняет страдания ни любящему, ни любимому.

Когда мужчина любит женщину, он желает, чтобы она без остатка принадлежала ему, и чувствует ревность к каждому ее движению, хочет, чтобы она постоянно стояла или сидела возле него, когда он попросит. Он всегда раб ее и желает, чтобы и она была его рабой. Если женщина не делает того, что хочет мужчина, он испытывает страдание. Это чувство болезненно, и потому не может быть любовью. Любовь никогда не вызывает болезненной реакции, она приносит только блаженство, если же происходит обратное, то это не лю-

бовь, а что-то другое, что мы ошибочно считаем любовью. Если вы приобрели способность любить вашего мужа, жену, детей, весь свет, всю Вселенную так, что ваша любовь не вызывает ни страдания, ни ревности, никакого другого эгоистичного чувства, то вы способны быть не привязанными.

Кришна говорит: «Смотри на меня, Арджуна! Если я на одно мгновение перестану работать, вся Вселенная умрет. Мне ничего не нужно от Вселенной, я единственный ее Властелин, я ничего не получаю от работы — зачем же я тружусь? Я работаю потому, что люблю мир». Бог не привязан, потому что любит — истинная же любовь никогда не связывает. Где есть только мирская привязанность, сильное пристрастие к материальным благам, там, знаете, вы видите чувство чисто физическое, — род притяжения, существующего между частицами материи. Здесь одно тело притягивает к себе другое, и если они не могут достаточно сблизиться, является болезненное чувство. В истинной же любви физическая привязанность совершенно отсутствует; любящие могут быть за тысячи миль друг от друга, и их любовь остается то же самой; она не умирает, и никогда не вызывает какой бы то ни было болезненной реакции.

Чтобы выработать в себе такое отсутствие привязанности, надо трудиться почти всю жизнь; но когда оно достигнуто нами, мы осуществили цель любви и становимся свободными. Оковы природы спадают с нас, и мы видим природу такой, какая она в действительности. Природа не порабощает

нас больше, мы остаемся свободными и не соображаемся с результатами нашей работы. Кто станет тогда заботиться о результатах. Человек, трудящийся свободно и любя, не нуждается в них. Он вполне бескорыстен и его работа не может ни в ком вызывать страдание.

Разве вы спрашиваете что-нибудь от ваших детей в ответ на то, что даете им? Относитесь же так и к посторонним лицам, городу или государству: делайте для них все доступными вам способами и не ждите ничего в замен. Если вы в состоянии сохранить положение всегда дающего и все свободно предлагаете миру без мысли о возврате, ваша работа не свяжет вас. Привязанность является только тогда, когда вы ждете чего-нибудь взамен своего труда.

Если работа раба развивает себялюбие и привязанность к результатам, то работа того, кого можно назвать хозяином своего ума, вызывает блаженство непривязанности, т.е. свободы. Мы часто говорим о праве и справедливости, но эти слова обыкновенно значат не больше, чем детская болтовня. В действительности поступками людей руководят только сила и сострадание. Проявление силы всегда вызывается себялюбием. Все стараются извлечь как можно больше из силы и преимуществ, которыми обладают. Сострадание, наоборот, — это само Небо. Чтобы быть добрыми, мы должны быть сострадательными. Даже справедливость и право основаны на сострадании. Всякая мысль о награде за понесенный труд мешает

духовному совершенствованию и в конце концов приносит много страданий. Только труд, производимый как добровольная жертва человечеству или природе, не влечет за собой никакой сковывающей нас привязанности.

Для тех, кто верует в Личного Бога, есть другой путь для осуществления идеи сострадания и бескорыстной благотворительности. Он состоит в отношении к труду, как к служению Богу, и в предоставлении Ему всех плодов труда. Прославляя Его таким образом, мы, конечно, не вправе ожидать от людей какой бы то ни было награды. Сам Бог работает беспрестанно и никогда ни к чему не имеет привязанности. Как вода не может смочить листа лотоса, так труд не может связать бескорыстного человека возбуждением привязанности к результатам. Несебялюбивый и не имеющий привязанности человек может окунуться в самую пучину суетного и порочного города и не впадает в грех.

Иллюстрацией к этой идее полного самопожертвования может служить следующая сказка. После сражения при Курукшетра пять братьев Пандавов совершили великое жертвоприношение и щедро одарили бедных. Весь народ выражал изумление по поводу громадных размеров и стоимости жертвы и говорил, что таких жертв мир еще никогда не видел. Но когда церемония закончилась, пришел маленький ихневмон, половина тела которого была золотая, а другая обыкновенная коричневая. Он покатался по земле на холме, где совершалось жертвоприношение, и затем сказал окружающим:

«Все вы лгуны, здесь не было никакой жертвы». — «Как? — воскликнули те, — по-твоему, это не была жертва? Разве ты не знаешь, сколько денег и всякого добра потрачено на бедных, не знаешь, что все они стали богатыми и счастливыми? Это была самая удивительная жертва из всех когда-либо совершенных людьми».

Но ихневмон продолжал: «Слушайте. В одной деревушке жил брамин с женой, сыном и невесткой. Они были очень бедны и перебивались милостыней и скудным подаванием, которое получали за проповеди и поучения брамина. В этой стране наступил трехлетний голод, и бедная семья нуждалась больше прежнего. Наконец она дошла до того, что голодала уже пять дней. На шестой день отцу посчастливилось добыть немного ячменя; он принес его домой и разделил на четыре части, по одной на каждого члена семьи. Они приготовили из него кушанье и только собирались приступить к еде, как послышался стук в дверь. Отец открыл ее, а там стоял гость. Гость в Индии — священное лицо, и к нему относятся как к Богу. Поэтому бедный брамин пригласил его войти и поставил перед ним свою порцию. Гость в один миг съел ее и сказал: „О, вы меня убили, я оставался без пищи десять дней, и эта маленькая порция только усилила мой голод“. Жена брамина предложила отдать ему свою долю, хотя муж и возражал: „Ну, нет, этого не будет“, она настояла на своем. „Это бедный человек, — сказала она, — наша обязанность, как хозяев, заботиться, чтобы он был сыт, и так как ты не можешь ничего больше

предложить ему, то моя обязанность отдать ему мою порцию". И она отдала ему свою часть. Тот съел ее, но голод все еще мучил его. Тогда сын сказал: „Возьми и мою порцию, сын должен помогать отцу в выполнении обязанностей“. А когда гость не был удовлетворен и этим, то и жена сына отдала ему свою часть. Этого оказалось довольно, и гость ушел, благословляя их, а ночью брамин и вся его семья умерли от голода. Несколько крошек пищи, от которой они отказались в пользу гостя, упало на пол. И вот когда я пришел в их шалаш и покатался по полу, половина моего тела стала, как вы видите, золотой. После того я обошел весь свет, надеясь найти место, где была принесена подобная жертва, но нигде не нашел его; нигде другая половина моего тела не обратилась в золото. Вот почему я утверждаю, что здесь не было никакой жертвы». Такое представление о милосердии угасает в Индии, великих людей в ней становится все меньше и меньше.

Когда я начинал учиться английскому языку, то прочел книжку рассказов, из которых первый был о благонравном мальчике, который, поступив на работу, отдал часть заработка своей старой матери. Такой его поступок расхваливался на трех или четырех страницах. Но в чем же дело? Ни один индусский мальчик никак не мог бы понять великого нравственного достоинства этого поступка. Я сам понял смысл нравоучения, только познакомившись с западным лозунгом — «все для себя», следуя которому люди действительно берут все себе, оставляя на произвол судьбы отцов, матерей,

жен и детей. Но это отнюдь не должно быть руководящим правилом хозяина.

Теперь вы видите, что Карма-Йога учит даже на пороге смерти помогать каждому, ничего не требуя для себя. Пусть вас обманывают миллионы раз, никогда ничего не спрашивайте и никогда не думайте, что из этого выйдет. Не хвалитесь вашей благотворительностью и не ждите благодарности; но скорее будьте благодарны тем, кто доставит вам случай проявить милосердие.

Таким образом, ясно, что быть идеальным хозяином гораздо труднее, чем идеальным *санньяси*. Настоящая трудовая жизнь так же, если не более, трудна, как и жизнь отречения.

Что такое долг?

Изучая основы Карма-Йоги, необходимо знать, что такое труд, а из этого естественно вытекает вопрос, что такое долг. Принимаясь за что-либо, прежде всего следует выяснить свое отношение к предпринимаемой работе, установить свой долг по отношению к ней. Только при этом условии возможно хорошо исполнить свою задачу. Но понятие о долге, как мы уже видели, у разных народов различно. Магометанин видит свой долг в исполнении предписаний Корана, индус говорит, что его долг изложен в Ведах, а христианин — что его долг то, что предписывается Библией.

Итак, в определенные исторические периоды у всех народов понятие о долге различно. Оно изменяется также в зависимости от положения того или другого лица в обществе. Слово «долг», подобно всякому абстрактному термину, не поддается точному определению, мы можем составить понятие о нем только по его признакам, практическому применению и результатам.

Все, что происходит перед нами, вызывает в нас естественное или выработанное привычкой побуждение реагировать на него так или иначе, и заставляет наш ум обдумывать положение дела. Иногда он находит, что при данных обстоя-

тельстввах следует действовать известным образом; в другое же время, даже при тех же условиях признает этот способ действия неправильным. Обыкновенное понятие о долге, независимое от времени, состоит в том, что всякий честный человек следует указаниям своего собственного разума или, как чаще выражаются, в своей совести. Но что же именно возводит то или другое действие в степень долга? Если у христианина есть кусок мяса и он не даст его другому, чтобы спасти того от смерти, он, наверное, почувствует, что не исполнил своего долга. Если же индус осмелится в подобных же условиях дать кусок мяса другому индусу, он вследствие своего воспитания и привычки тоже, наверное, сочтет, что нарушил свой долг.

В истекшем столетии в Индии была секта *тугов*, которые считали своим долгом убивать и грабить всякого, кого только могли; и тот, кому удавалось убить больше, считался, по их понятиям, лучшим. Если бы человек вышел на улицу и застрелил кого-либо, он, наверное, почувствовал бы сожаление о своем поступке, думая, что поступил дурно и нарушил свой долг. Но если тот же человек, сражаясь, как солдат, в рядах своего полка, застрелил не одного, а двадцать человек, то будет напротив очень доволен собой, полагая, что выполнил свой долг замечательно хорошо. Из этого легко видеть, что долг определяется не поступками, а чем-то иным. Поэтому дать объективное определение долга совершенно невозможно. Да, объективного понятия о долге нет, долг существует только

с субъективной точки зрения. Всякое действие, возвышающее нас и приближающее к Богу, — доброе дело, и составляет наш долг; заставляющее же нас опускаться и удаляться от Бога — дурное дело и противоположно долгу.

С субъективной точки зрения мы можем видеть, что известные поступки возвышают и облагораживают нас, тогда как другие унижают и низводят на степень животного. Нельзя, однако, сказать, наверное, в применении ко всем людям и всяким обстоятельствам, какой именно род действий способен вызвать те или другие последствия. Тем не менее, есть понятие о долге, принятое людьми всех веков, сект и стран. Оно выражено в одном санскритском афоризме так: «Не обижай ни одно существо; непричинение вреда ни одному существу — добродетель; причинение вреда всякому существу — порок». Это единственное всеобщее и, по возможности, объективное определение долга, какое только доступно нам. О долге с субъективной точки зрения нельзя сказать больше того, что настроение, сопровождающее известные действия, может быть возвышающим и облагораживающим, тогда как сопровождающее другие унижает нас даже в наших собственных глазах.

Бхагавад Гита часто указывает на обязанности в зависимости от происхождения и положения в обществе. Эти условия в обществе в значительной степени определяют умственное и нравственное отношение человека к различного рода общественной деятельности. Поэтому наш долг делать

то, что может возвысить и облагородить нас соответственно идеалам и роду занятий того общества, в котором мы родились. Но при этом необходимо помнить, что в разных странах и обществах наибольшим уважением пользуются не одни и те же идеалы и роды занятий. Упущение этого из виду составляет главную причину той ненависти, которую часто обнаруживают одни народы по отношению к другим.

Американец думает, что, поступая согласно обычаям своей страны, он действует наилучшим образом, и что всякий, не исполняющий их, дурной человек. Индус только свои обычаи признает правильными, считает их самыми лучшими, и на всякого отступающего от них смотрит, как на человека порочного. Это заблуждение, в которое мы все легко впадаем, вполне естественно, но очень вредно, так как служит причиной грубого обращения, которое мы на каждом шагу встречаем. Прибыв в эту страну, я как-то шел по ярмарке в Чикаго. Кто-то подошел ко мне сзади и очень сильно дернул за мой тюрбан. Обернувшись и увидев приличного и изящно одетого молодого человека, я заговорил с ним по-английски, и он был очень обескуражен, вероятно, потому что не предполагал, что я знал английский язык. В другой раз на той же ярмарке меня с явным намерением сильно толкнул какой-то субъект. Когда я спросил, зачем он это сделал, он также сконфузился, рассыпался в извинениях и наконец сказал: «Но вы так одеты». Симпатии этих людей ограничивались тесными пределами их языка и моды. Эти люди,

обошедшиеся со мною из-за моего костюма так невежливо, были, по всей вероятности, очень добрыми людьми и, может быть, во всех отношениях хорошими отцами и гражданами, но доброта их натуры исчезала, когда они видели человека, не так как они одетого. К иностранцам везде относятся недружелюбно, потому что они вообще не умеют держать себя в новой обстановке. Вот почему они обыкновенно и выносят ложные впечатления о народах, которых видели. Матросы, солдаты и торговцы ведут себя в чужих краях очень странно, хотя им и в голову не пришло бы делать подобные вещи у себя дома. Может быть, поэтому китайцы и называют европейцев и американцев «чужестранными дьяволами».

Чтобы избежать этого, следует помнить одно: надо всегда стараться смотреть на обязанности других их собственными глазами и никогда не судить об обычаях других рас или людей по своему образцу. «Я не образец для всей Вселенной». «Я должен приспособляться к миру, а не мир ко мне».

Эти великие правила следует твердо усвоить. Мы видим, что обстановка изменяет самую природу наших обязанностей; и исполнять надлежащим образом долг, который определен для нас в данное время, — лучшее, что мы можем делать в этом мире. Каждый поставлен в то или иное положение в жизни и должен исполнять обязанности этого положения. В природе человека есть, однако, одно опасное свойство, — он никогда не судит о себе

правильно, но часто считает себя достойным занимать трон, как сам король. Между тем, если бы он даже и был способен на это, он должен сначала показать, что вполне исполнил обязанности своего собственного положения, и, когда сделает это, высшие обязанности сами явятся. Пусть человек покажет миру, что он достаточно силен для хорошего выполнения маленькой роли, которая ему дана, и тогда получит другую, высшую.

Когда мы начинаем усердно трудиться, природа толкает нас справа и слева и скоро заставляет найти настоящее свое место. Ни один человек не может долго занимать с успехом положение, к которому неприспособлен. Бесплезно роптать на необходимость приспособляться к природе. Никакая работа не унижает человека. Нельзя ни о ком судить по роду исполняемых им обязанностей, а следует обращать внимание на его характер и настроение, с которым он исполняет свою задачу.

Дальше мы увидим, что даже это понятие о долге должно измениться впоследствии и что самый высокий и благородный труд дается только тогда, когда почти исчезает у нас всякое внешнее побуждение. Трудясь из чувства долга, мы придем к труду без всякой мысли о долге, когда труд производится ради него самого и является своего рода молитвой и даже чем-то еще высшим. Это самый высший идеал труда, и путь к нему лежит через долг. Мы увидим, что философия понятий о долге — выражается ли он в форме этики или люб-

ви — та же самая, что и философия йога, задача ее ослабить низшее «я» настолько, чтобы истинное высшее «Я» могло проявить себя в полном блеске своего величия, — сократить растрату энергии на низшем плане существования настолько, чтобы душа могла проявиться на высших и более обширных планах. Это выполняется постоянным отвержением низких желаний, что и составляет наш долг. Вся организация общества развилась — сознательно или бессознательно — путем ограничения низменных себялюбивых желаний, ведущим к безграничному расширению истинной высшей природы человека. С субъективной точки зрения, себялюбие и чувственность ведут к пороку и безнравственности, тогда как бескорыстная любовь и самоуправление развивают добродетель. Это закон долга, вполне установленный.

Долг редко бывает сладок. Только когда любовь смягчает его ход, он катится мягко, иначе представляет сплошное трение. Какие родители могли бы без любви исполнять свои обязанности по отношению к детям? Дети — по отношению к родителям, мужья — к женам, жены — к мужьям? Не встречаемся ли мы в жизни каждый день с разного рода трениями? Долг сладок только при свете любви, а любовь сияет только при свободе. А разве свобода в том, чтобы быть рабом своих чувств — гнева, ревности — и массы мелких слабостей, которые каждый день возникают и не могут не возникать в человеке? Во всех этих мелких шероховатостях, с которыми мы встречаемся в жизни, высшее выражение свободы и силы есть сдержан-

ность. Женщины, побуждаемые раздражительностью и ревностью, часто осыпают порицаниями мужей, думая, что обеспечивают тем свою «свободу», и не сознают, что этим только проявляют свою рабскую натуру. То же бывает и с мужьями, вечно находящими недостатки в своих женах.

Целомудрие — первая добродетель в мужчине и женщине. Мужчина, которого — как бы он ни был развращен — не могла бы направить на истинный путь кроткая, любящая и чистая женщина, явление крайне редкое. Этот мир еще не до такой степени плох. Я много слышал во всех странах о чувственности и о развращении мужчин, но личный опыт показал мне, что чувственных и распутных женщин несколько не меньше. Если бы американские женщины были так добры и чисты, как они постоянно стараются убедить иностранцев, то я не сомневаюсь, что в этой стране не было бы ни одного развратного мужчины. С кем бы тогда мужчины распутничали? Что это за чувственность, которую не могла бы победить чистота и целомудрие? Добрая целомудренная женщина, которая на каждого мужчину, кроме своего мужа, смотрит как на свое дитя и относится как мать, так сильна своей чистотой, что не найдется ни одного мужчины — каким бы скотом он ни был — который не почувствовал бы желания дышать в ее присутствии атмосферой святости.

Каждый муж должен смотреть на всех женщин, кроме своей жены, как на свою мать, дочь или сестру, а человек, желающий быть учителем рели-

гии, к каждой без исключения женщине должен относиться как к своей матери. Положение матери — самое высшее в мире, так как на нем мы учимся и упражняемся в самом высоком бескорыстии. Только любовь Бога выше материнской любви, всякая другая — ниже. Долг матери, как и отца, заботиться прежде о детях и уже потом о себе. Но если, наоборот, родители проявляют заботу прежде всего о себе даже в таких мелочах, как пища, берут себе лучшие куски, предоставляя детям остатки, то в результате между ними возникают отношения, которые можно наблюдать между птицами и их птенцами. Последние, как только у них выросли крылья, не узнают больше своих родителей. Воистину блажен мужчина, способный смотреть на женщину как на воплощение материнства Бога! Блаженна женщина, для которой мужчина представляет отцовство Бога! Блаженны дети, которые смотрят на родителей, как на воплощенное Божество!

Единственный способ совершенствоваться состоит в исполнении того долга, который у нас под руками, и в укреплении своих сил. Таким образом мы будем все более и более подниматься по лестнице совершенствования, пока не достигнем самого высшего состояния. Нет долга, которым можно было бы пренебрегать. Повторяю опять, что тот, на долю которого выпала работа более скромная, не ниже того, кто призван к более высокому труду; что о человеке надо судить не по роду его обязанностей, но по способу выполнения их. Действительным мерилom человека служит то, как он

справляется со своим делом. Башмачник, который может очень скоро сделать пару прочных и изящных башмаков, несомненно, как человек, выше профессора, ежедневно болтающего вздор.

Один молодой *санньяси* уединился в лесу и там долгое время размышлял, молился и упражнялся в йоге. После двенадцати лет упорного труда и упражнений, однажды, когда он сидел под деревом, ему на голову упало несколько сухих листьев. Он взглянул вверх и, увидев ворону и журавля, которые дрались на вершине дерева, рассерженный вскрикнул: «Это что такое? Как вы смеете ронять мне на голову сухие листья?!» При этом бросил на них такой гневный взгляд, что из глаз его брызнули струи пламени и обратили птиц в пепел. Обнаружив в себе такие йогические способности, что одного его взгляда было достаточно, чтобы сжечь ворону и журавля, он пришел в полный восторг.

Спустя некоторое время ему случилось быть в городе, чтобы добыть хлеба. Подойдя к одной двери, он сказал: «Матушка, дай мне хлеба». На это изнутри дома послышался голос: «Подожди немного, мой сын». Молодой человек подумал: «Несчастливая женщина, как ты смеешь заставлять меня ждать. Ты еще не знаешь моей силы!» Едва он подумал это, как из дома опять раздался голос: «Мальчик, не думай о себе слишком много: здесь нет ни вороны, ни журавля». Он был поражен и решил ждать, а когда наконец из дома вышла женщина, упал к ее ногам и сказал: «Матушка, как вы это узнали?» Она ответила: «Дитя мое, я не знаю ни вашей

йоги, ни ваших упражнений. Я простая заурядная женщина, а заставила тебя ждать потому, что мой муж болен и я ухаживала за ним, так как это мой долг. Я всю жизнь старалась исполнять свой долг, когда была девушкой — как дочь, теперь, замужем, — как жена. Вот вся моя йога, благодаря которой свет озарил меня и я могу читать твои мысли и знать, что ты делал в лесу. Но если хочешь узнать больше того, что слышал от меня, иди в такой-то город, на ярмарке ты увидишь мясника, и он скажет тебе кое-что такое, чему научиться будет для тебя очень полезно». *Санньяси* подумал было: «Зачем мне идти в город, да еще к мяснику?» (Мясники относятся к низшей касте, их зовут *чатандалами* и к ним никто не прикасается, потому что они убивают животных.)

Но после разговора с женщиной, его ум несколько просветлел, и он пошел, куда ему было сказано. Подойдя к городу, он увидел ярмарку и на ней высокого, тучного мясника, который отрубал огромным топором куски мяса от туши, болтал и торговался с разными людьми. Молодой человек сказал себе: «Господи! Неужели от этого человека я должен узнать истину? Ведь это если не совершенное ничтожество, то, наверное, воплощение дьявола». В это время мясник взглянул на него и сказал: «А, Свами, это ты прислан сюда той женщиной? Присядь, пока я кончу мои дела». *Санньяси* сел, подумав: «Что это творится со мной?» Мясник между тем продолжал продавать мясо, а когда окончил торговлю, забрал деньги и сказал *санньяси*: «Ну, теперь пойдем ко мне». Они отправились

и, когда подошли к дому мясника, тот указал *санньяси* место, где подождать, а сам вошел в дом. Дав там отцу и матери умыться и накормив их, он вышел, сел напротив *санньяси* и сказал: «Ну, господин, ты пришел, чтобы видеть меня; чем же могу служить тебе?» *Санньяси* предложил ему несколько вопросов о душе и о Боге и услышал целую лекцию, составившую затем книгу — Вьядха Гиту. Книга эта даже в настоящее время чрезвычайно почитается в Индии, так как заключает в себе самые высокие порывы мысли, каких когда-либо достигала метафизика. Вы слышали о Бхагавад Гите, поучении Кришны; так вот, когда прочтете ее, вы должны прочесть и Вьядха Гиту, представляющую собой в сжатом виде самую сущность философии веданты.

Когда мясник окончил свою речь, *санньяси* был вне себя от изумления. «Почему же вы в этом теле? — воскликнул он. — Почему с таким знанием вы пребываете в теле мясника и исполняете такую грязную, мерзкую работу?» — «Сын мой, — ответил *чандала*, — нет мерзких обязанностей, нет обязанностей нечистых. Мое происхождение, условия и все, что меня окружало со дня рождения, были таковы, что я должен был стать мясником, торговать же научился, будучи мальчиком. Я ни к чему не привязан и стремлюсь как можно лучше выполнять свой долг домохозяина и чем могу сделать своих отца и мать счастливыми. Я не знаю вашей йоги, не был *санньяси* и никогда не удалялся от мира в лес; и несмотря на это, достиг всего, что ты слышал и видел, только бес-

страстным исполнением долга, соответствующего моему положению».

В Индии есть ученый, великий йог, один из удивительнейших людей, каких я когда-либо встречал в жизни. Это человек — особенный. Ему легко было стать учителем, но он не захотел этого. Он никого не хочет учить, и если вы ему предложите вопрос, ничего не ответит. Но если вы спросите его о чем-нибудь и несколько дней подождете, то во время разговора он сам возбудит этот вопрос и удивительно осветит его. Однажды он сообщил мне секрет совершенной работы. Он сказал: «Пусть цель и средства соединятся в одно целое, в этом секрет работы». Когда вы что-либо делаете, не думайте ни о чем другом. Совершайте вашу работу как высшее богослужение и все время посвятите этой работе. Эта молитва работой должна совершаться ради нее самой. Так, в приведенной выше истории мясник и женщина исполняли свой долг весело, с полным усердием и непринужденностью, и результат был тот, что свет озарил их. Всякая обязанность священна, и преданность долгу — самая высшая молитва Богу. Она, несомненно, источник великой помощи к просветлению и освобождению заблудшей и невежественной души от *баддхаса*, или оков.

Эти истории ясно указывают, что честное исполнение обязанностей во всяком положении в жизни, без привязанности к результатам и последствиям, ведет к самому высшему осуществлению совершенствования души.

Наши обязанности в значительной степени определяются условиями, в которых мы находимся, и не являются сами по себе ни высокими, ни низкими. Только работник, лично заинтересованный в результатах своей работы, ропщет на характер обязанностей, выпавших на его долю; для работника же, ничем не связанного, все они одинаково хороши и представляют собой орудия, которые уничтожают себялюбие и чувственность, и таким образом неминуемо обеспечивается свобода души. Мы все склонны оценивать себя очень высоко. В детские годы я имел обыкновение воображать себя великим императором или каким-либо другим могущественным лицом. Думаю, что и вы мечтали о подобном. Но это все грезы, а справедливость природы неизменно сурова и неумолима. Наши обязанности определяются нашими заслугами в гораздо большей степени, чем нашими желаниями. Добросовестным исполнением обязанностей, которые ближе всего к нам, — долга, который, так сказать, в наших руках, мы укрепляем силу, мы даже можем достичь положений, дающих те права и обязанности, которых больше всего стремятся достичь люди и которые выше всего почитают в жизни и обществе. Соперничество порождает зависть и убивает доброту сердца. Для человека, вечно недовольного, все обязанности противны, ничто не может удовлетворить его, и вся его жизнь обречена на неудачи. Будем трудиться, делая все, что бы ни оказалось нашим долгом, будем всегда готовы подставить наши плечи под колеса жизни. Тогда мы, наверное, увидим Свет.

Мы помогаем себе, а не миру

Прежде чем рассмотреть, каким образом преданность долгу помогает нам в духовном развитии, позвольте познакомить вас с другим значением слова «карма». Во всякой религии есть три части: философия, мифология и ритуал, или обрядность. Философия составляет, конечно, существенную часть всякой религии; мифология объясняет ее и иллюстрирует легендарными описаниями жизни великих людей и рассказами о разных чудесах. Обряды придают философии еще более конкретную форму и делают ее понятной для каждого. Ритуал — это карма, необходимая в каждой религии, потому что никто из нас не в состоянии понять абстрактных вещей, прежде чем достигнет очень высокого духовного развития. Люди воображают, что легко могут понимать все, но, когда дело доходит до практики, оказывается, что отвлеченные идеи усваиваются с большим трудом. В этих случаях огромную помощь оказывают символы, без которых мы часто не в состоянии представить себе отвлеченные понятия. Поэтому символы и употреблялись с незапамятных времен всякого рода религиями. Без символов мы, собственно говоря, не можем и думать. Наши слова не что иное, как символы мысли, да и вся Вселенная только символ, за которым стоит ее сущность — Бог.

Религиозные символы выросли сами, естественным путем, а не придуманы людьми разных религий. Если бы было иначе, то почему некоторые из них соответствуют известным идеям почти всякого человека и распространены повсюду? Многие из вас думают, что крест стал символом впервые в христианской религии. На самом деле он был им уже задолго до Моисея и составления Вед, раньше появления какого-либо известного нам памятника истории человечества. Его можно найти у ацтеков и финикийян и, по-видимому, решительно у всех народов. Равным образом и символ распятого Спасителя — человека на кресте — был известен также везде. Круг был великим символом во всем свете. Затем чрезвычайно распространенным символом была свастика. Одно время думали, что его распространили по всему свету вместе со своим учением буддисты, но потом оказалось, что за целые столетия до буддизма он употреблялся у разных народов, его нашли в Вавилоне и Египте.

Что же это показывает? Это показывает, что все эти символы не могли быть чисто условными. Для них, очевидно, должно было существовать определенное основание, какое-то естественное соотношение между ними и человеческим умом. Язык также не результат уговора, между людьми никогда не было соглашения выражать те или другие понятия известными словами. Идеи и слова по самой природе своей неразлучны, и никогда не было никакой идеи без соответствующего слова, или слова без соответствующей идеи.

Символы для выражения идей могут быть звуковые и световые. Глухонемые, например, очевидно думают не звуковыми символами. Каждая мысль в уме имеет форму, как соответствующую ей часть. В санскритской философии это называется *нама-рупа*, имя-форма. Невозможно создать по соглашению систему символов, как равно и язык. Во всемирных ритуальных символах мы имеем выражение религиозной мысли человечества. Легко толковать, что нет никакой надобности в обрядах, храмах и во всяком подобном «хламе», как в последнее время называют их каждый ребенок, нельзя не заметить, что молящиеся в храмах во многом отличаются от тех, кто в них не молится. Это происходит оттого, что ассоциация известных храмов, обрядов и других конкретных форм каждой религии имеет свойство возбуждать в умах их последователей мысли, символами которых эти формы служат. Поэтому отвергать ритуалы и символизацию крайне неразумно. Изучение и применение их составляет одну из частей Карма-Йоги, науки труда. Эта наука рассматривает также много других вопросов и, между прочим, об отношении между мыслью и словом и о том, что может быть достигнуто силой слова. Все религии признают силу слова, а некоторые из них даже утверждают, что вся Вселенная создана Словом. К такому заключению приводит следующее соображение: Слово есть внешнее выражение мысли Бога, а так как Бог думал и хотел прежде, чем творил, то создание, очевидно, произошло от Слова.

В сутолоке и суете материальной жизни наши нервы утрачивают тонкую чувствительность, становятся жесткими, как железная проволока. Чем старше мы становимся, чем дольше подвергаемся житейским невзгодам, тем больше они грубеют, и мы лишаемся, наконец, способности, замечать даже вещи, постоянно происходящие вокруг нас и резко бросающиеся в глаза. Но человеческая природа все же предъявляет по временам свои права и заставляет нас исследовать некоторые из этих повседневных случаев и приходить от них в изумление; удивляться же — значит делать первый шаг к приобретению знания. Помимо высшего философского и религиозного значения Слова, звуковые символы играют огромную роль и в повседневной человеческой жизни.

Я говорю, стоя на некотором расстоянии от вас, но колебание воздуха, произведенное моей речью, доходит до вашего уха, касается ваших нервов и часто против воли производит впечатление в вашем уме. Что может быть удивительнее этого? Человек называет другого «дураком», тот вскакивает, сжимает кулак и бьет первого по лицу. Посмотрите, какая сила слова! Женщина несчастна и плачет. Приходит другая женщина и говорит ей несколько ласковых слов; поникшая фигура плачущей вдруг выпрямляется, ее горе проходит, и она уже улыбается. Подумайте, что за сила! И мы постоянно пользуемся ею, не думая о ней и не задаваясь лишними вопросами. Знание природы этой силы и использование ее также составляет часть Карма-Йоги.

Наш долг — помогать другим. Это называется дарить добро миру. Но почему мы должны делать миру добро? Потому что на самом деле то, что кажется помощью миру, — является помощью себе. Тщательное исследование вопроса показывает, что мир совсем не требует нашей помощи; он создан вовсе не для того, чтобы вы или я приходили к нему на помощь. Я как-то читал проповедь, в которой было сказано: «Этот мир прекрасен, потому что дает нам время и возможность помогать другим». Великолепное изречение! Но ведь в известном смысле оно чистое богохульство. Разве не богохульство говорить, что мир нуждается в нашей помощи? Нельзя отрицать, что в мире много страданий и что стремление помогать другим — самое высокое из наших побуждений. Но с течением времени мы все-таки неизбежно приходим к заключению, что, помогая другим, мы помогаем только себе. Когда я был ребенком, мне подарили несколько белых мышей. Они сидели в небольшой клетке, с устроенными поперек нее маленькими колесами так, что, когда мыши пробовали перелезть через них, колеса вертелись, и мыши никак не могли перебраться на другую их сторону. То же происходит с миром и нашей помощью ему. Стараясь помочь другим, мы помогаем только себе, упражняя свои нравственные силы.

Мир сам по себе не добр и не зол, каждый человек вырабатывает для себя свой собственный мир. Если слепой станет думать о мире, то для него он будет только мягок или тверд, холоден или горяч.

Мы олицетворяем собой то массу счастья, то массу несчастья, и это бывает с нами сотни раз в жизни. Как общее правило, молодые — оптимисты, а старые — пессимисты. У первых вся жизнь еще впереди, и оттого кажется им прекрасной; у вторых же она почти прожита, их дни сочтены, а сотни желаний все еще борются в их груди, и так как они не могут удовлетворить их, то все представляется им в мрачном свете. Но как те, так и другие безрассудны. Взгляд на жизнь зависит от настроения, с каким мы смотрим на нее, и опытный человек никогда не назовет ее ни хорошей, ни дурной. Когда огонь нас согревает, мы говорим: «Как прекрасен огонь!» Когда он обжигает нам пальцы, мы браним его. Но сам по себе он ни хорош, ни дурен. Сообразно тому, как мы пользуемся им, он производит в нас то или другое чувство. То же и с миром. Он совершенен в том смысле, что вполне приспособлен к достижению цели, для которой создан, и совсем не нуждается в том, чтобы мы ломали себе голову, придумывая, как помочь ему. Можем не сомневаться, что он прекрасно просуществует и без нас.

И все же мы должны стараться делать добро. Это желание — наша высшая нравственная побудительная сила к деятельности, но при обязательном условии всегда помнить, что право помогать другим приносит пользу только нам самим.

Не становитесь на пьедестал и, подавая бедному пять центов, не думайте, что вы облагодетельствовали его; но благословляйте судьбу, что встретили этого бедняка и подаванием ему може-

те помочь себе. Счастлив не получающий, но дающий. Будьте благодарны, что можете упражнять в мире вашу способность к милосердию и таким образом становиться чистым и совершенным.

Все добрые дела способствуют нашему очищению и совершенствованию. Но что же лучше всего нам делать? Учреждать госпитали, создавать приюты, строить дороги? Можно, конечно, организовать благотворительный Комитет и собрать два или три миллиона долларов; на миллион построить госпиталь, другой истратить на балы и шампанское, из третьего дать половину украсть служащим, остальное пусть пойдет бедным. Но к чему все это? Случится буря и в пять минут сметет все наши сооружения; произойдет землетрясение и разрушит все наши города, госпитали и дороги. Бросим же пустые разговоры об оказании помощи миру; он не нуждается ни в вашей, ни в моей помощи. А все-таки мы должны трудиться и постоянно делать добро, так как это дает счастье нам самим, представляет единственный для нас способ стать совершенными. Ни один нищий, которому мы помогали, не должен нам ни одного цента; мы же обязаны ему всем, потому что они позволяют нам упражнять на них наши силы в любви к ближнему, сострадании и благотворительности.

Большая ошибка думать, что сделанное нами приносит пользу миру, или помощь отдельным лицам. Это глупая мысль, а все глупые мысли приносят страдания. Мы думаем, что помогли человеку, и ожидаем от него благодарности и, так как он не

выказывает ее, чувствуем себя несчастными. Почему мы должны ожидать что-либо в ответ на наши поступки? Будьте, наоборот, благодарны тому, кому помогли. Разве не огромная милость — дозволение прославлять Бога, помогая ближнему? Делая добро без мысли о вознаграждении и о последствиях, мы будем делать его от чистого сердца и избежим всех напрасных ожиданий и болезненного чувства, когда они не оправдаются. Никогда несчастье и страдание не следует за добрым делом, сделанным бескорыстно. Мир же будет вечно идти своим путем, со своим счастьем и своими страданиями.

Один бедняк, крайне нуждавшийся в небольшой сумме денег, как-то услышал, что если бы ему удалось добыть в свое распоряжение черта или какого-нибудь духа, то он мог бы заставить его приносить деньги и все, что угодно, и ему очень захотелось добыть духа. Он стал искать, от кого бы узнать, как получить его, и наконец нашел мудреца, обладавшего силой повелевать духами, к которому и обратился с просьбой помочь ему. На вопрос мудреца, зачем ему дух, он отвечал: «Я хочу, чтобы он работал на меня. Научи, как его достать, мне очень хочется иметь его». Мудрец на это сказал: «Ступай домой и не расстраивай себя напрасно». Но на следующий день тот опять пришел, плакал и упрасивал: «Помоги достать духа, мне он необходим». Мудрецу надоело его слушать, он дал ему талисман и сказал: «Вот тебе талисман, а вот магическое слово, повторяй его, дух придет и будет делать все, что прикажешь. Но берегись, духи ужасные существа, они должны

быть постоянно заняты, и если ты не дашь ему работы, он лишит тебя жизни». Человек ответил: «Это не трудно: я могу дать ему такую работу, что ее хватит на всю его жизнь». Затем он пошел в лес и после долго повторения магического слова страшный дух с огромными зубами явился перед ним и сказал: «Я черт. Ты победил меня своим заклинанием, но должен держать меня постоянно занятым; в момент же, когда оставишь меня без работы, я убью тебя». «Построй мне дворец», — приказал человек. Черт ответил: «Дворец построен». — «Принеси мне денег». — «Вот тебе деньги». — «Сруби этот лес и построй на его месте город». «Готово, что еще?» Тогда человеку стало страшно, и он подумал: «Мне нечего больше приказывать ему, он все делает в одно мгновение». Но черт настаивал: «Давай мне работу, или я тебя съем». Бедняк не мог придумать, чем бы еще занять черта, испугался, бросился бежать и, прибежав к мудрецу, молил его спасти ему жизнь. На вопрос мудреца, в чем дело, он отвечал: «Я не могу больше дать духу никакой работы. Все, что ни прикажу, он исполняет в один миг и теперь угрожает, что съест меня, если не дам ему нового дела». В этот момент прибыл дух и со словами «Я съем тебя» готовился проглотить его. Тот задрожал и стал снова умолять мудреца спасти ему жизнь. Мудрец сказал: «Ну, так и быть, я выручу тебя. Взгляни на эту собаку с хвостом закорючкой. Вытащи скорей твой меч, отсеки ей хвост и дай духу, чтобы он его выпрямил». Человек отрубил у собаки хвост и отдал духу, говоря: «Выпрями его». Дух взял хвост и медленно и осторожно выпрямил, но как только отпустил его, тот сейчас же свернулся опять. Он снова очень

тщательно выпрямил его, но как только отпустил, тот опять свернулся. Черт продолжал терпеливо выпрямлять, а хвост все сворачивался. Так шел день за днем, пока дух не выбился из сил. Тогда он сказал: «Никогда в жизни я не был еще в таком затруднительном положении. Я старый черт, много видел на своем веку, но ни разу еще мне не приходилось попасть в такую скверную историю. Предлагаю тебе сделку: ты меня отпустишь, а я оставлю тебе все, что дал, и обещаю не беспокоить тебя больше». Человек обрадовался и охотно принял предложение.

Этот мир — тот же собачий свернутый хвост. Люди сотни лет, каждый по-своему, стараются выпрямить его, но как только отпускают, он сейчас же сворачивался опять.

Когда мы поймем, что мир не может быть выпрямлен по нашему желанию, мы не станем увлекаться несбыточными фантазиями, не сделаемся фанатиками таких увлечений и научимся трудиться, не думая о результатах. Фанатики бывают разные: одни стараются распространить трезвость, другие — уничтожить курение, третьи — поднять вообще нравственность и т.д.

Мне случилось однажды встретиться с дамой, принимавшей участие в устройстве в Чикаго Народного дома, где рабочих развлекали музыкой и гимнастическими упражнениями. Заведя со мной разговор о вреде пьянства и курения, она сказала, что нашла средство против этих пороков, и на вопрос, что это за средство, ответила: «Разве

вы не знаете нашего Народного Дома?» Очевидно, по ее мнению, этот «Народный Дом» был универсальным лекарством против всего зла, унаследованного человеческим телом. В Индии есть люди, думающие, что если женщинам предоставить иметь по два или по три мужа, то этим будет излечено все зло. Но все это фанатизм, и нелепость думать, что он может вести человечество к прогрессу. Фанатики не умеют работать и только задерживают естественный ход развития, возбуждая несогласия, ненависть и гнев и заставляют людей бороться друг с другом. Мы думаем, что все, что мы делаем или чем обладаем, лучшее в мире, а то, чего не делаем или не имеем, ничего не стоит. Итак, когда вы заметите у себя склонность к фанатизму, вспомните собачий хвост закорючкой. Вам не нужно терзаться и проводить бессонные ночи из-за блага мира; все в нем будет совершаться, не сообразуясь с вашими желаниями. Господь Бог его Кормчий и Вседержитель и, несмотря на всякого рода фанатиков, мир будет продолжать жить Его попечением. Только избавившись от фанатизма, вы будете работать хорошо. Трудиться как следует и приносить добро, хотя и не более как себе самому, может только умственно уравновешенный, спокойный и благоразумный человек; фанатик же безумен, не умеет сочувствовать и никогда не выпрямит мира, и сам не станет чистым и совершенным.

Помните ли вы историю прибытия в вашу страну пассажиров «Май флавера», и как эти пуритане сначала были добры и безобидны, и как потом

стали преследовать туземцев? Это всегда одинаково повторяется в истории человечества. Даже те, кто сам бежал от преследования, начинают обыкновенно преследовать других, как только представится удобный случай. Я читал о двух удивительных кораблях — «Ноевом Ковчеге» и «Май флавере». Жидаы считают, что все люди и животные произошли от находившихся в Ноевом Ковчеге, а американцы — что почти половина человечества произошла от пассажиров «Май флавера». Едва ли встретишь в этой стране одного человека, который не говорил бы, что его дед или прадед прибыл сюда на «Май флавере». Это фанатизм другого сорта. Но какого бы рода он ни был, в девяноста случаях из ста у зараженных им должна быть дурная печень, пищеварение или вообще какая-либо болезнь. К этому заключению, несомненно, придут со временем и врачи. Я видел достаточно фанатиков, и Боже меня упаси встречаться с ними.

Все, что я наблюдал, сложилось у меня в твердое убеждение, что мы должны воздерживаться от всякого рода реформ, предлагаемых фанатиками.

Не думаете ли вы, что фанатики трезвости любят несчастных ближних, ставших алкоголиками? Они хлопочут только потому, что ожидают извлечь из своего фанатизма кое-что лично для себя. Едва кончается борьба за одну идею, они начинают новую из-за другой — и все ради добычи. Выйдя из общества фанатиков, вы узнаете, как настоящим образом любить и сочувствовать; для вас становится возможным сочувствовать алкоголи-

ку и признавать, что он такой же человек, как и вы. Тогда вы постараетесь понять многое, что заставило его пасть, и почувствуете, что если бы сами были на его месте, то, может быть, покончили бы самоубийством. Я помню одну женщину, жаловавшуюся мне на пьянство своего мужа. Он был действительно отъявленный алкоголик, но этот случай, когда я ближе с ним познакомился, только подтвердил мое убеждение, что огромное число пьяниц обязано этим пороком своим женам.

Моя обязанность говорить правду, а не льстить кому бы то ни было, и я должен сказать, что те своенравные женщины, которым не понятны слова «терпеть» и «быть снисходительными», чье ложное понятие о независимости приводит к желанию держать мужчину у своих ног и которые начинают стонать и визжать, как только мужчина осмелится сказать им что-нибудь не по нраву, — такие женщины составляют «отраву» мира, и надо удивляться, что они не доводят половину мужчин до самоубийства. Они добывают себе полуголодных проповедников, чтобы те держали их сторону и говорили им: «Милостивые государины, вы самые чудные существа, какие когда-либо были созданы». О таких проповедниках они трубят каждому: «Вот это проповедник!» — и дают им деньги и многое другое. Вот как они устраиваются. Но жизнь совсем не шутка, она немножко по-серьезнее.

В заключение позвольте попросить вас запомнить главные пункты сегодняшней лекции.

Во-первых, не следует забывать, что все мы должники мира, а мир ничем нам не обязан. Для всех нас большое одолжение, если нам позволяют делать что-нибудь для мира. Помогая миру, мы на самом деле помогаем себе. Во-вторых, следует помнить, что во Вселенной есть Бог. Неправда, что Вселенная носится без руля, нуждаясь в помощи от вас или от меня. Бог всегда присутствует в ней. Он бессмертен, вечно деятелен и бесконечно попечителен. Когда все спит, не спит Он. Он безостановочно работает, и все изменения и проявления мира производятся Им. В-третьих, мы не должны никого ненавидеть; мир всегда будет смешением добра и зла, и наш долг сочувствовать слабым и любить даже обидчиков. Мир — это большое гимнастическое заведение, в котором все мы должны упражняться, чтобы становиться духовно крепче и сильнее. В-четвертых, мы не должны быть фанатиками, потому что фанатизм противоположен любви. Вы слышите, как фанатик гладко рассказывает: «Я ненавижу не грешника, но грех». Но я готов пойти куда угодно, чтоб только посмотреть, как выглядит человек, который действительно может найти различие между грехом и грешником. Это легко говорить, но не легко сделать. Если бы мы могли отличать качество от сущности, мы бы уже были совершенными. И, наконец, чем мы спокойнее и чем меньше расстроены наши нервы, тем больше мы будем любить, и тем лучше будет наша работа.

Отсутствие привязанности есть полное самоотречение

Всякие наши действия вызывают в нас реакцию, т. е. возвращаются к нам. Они могут также оказывать влияние и на других людей, равно как и действия других людей могут влиять на нас. Все вы, вероятно, наблюдали, что, когда люди совершают дурные поступки, они сами становятся все злее и злее; начиная же делать добро, привыкают делать его постоянно и становятся нравственнее. Такое возрастающее влияние поступков не может быть объяснено ничем другим, как только тем, что мы действуем на других и реагируем на их воздействия. Возьмем для пояснения пример из физики. Если в комнате есть несколько одинаково настроенных инструментов, и вы извлечете звук из одного из них, то другие начнут вибрировать так, что издадут звук того же тона. Это показывает, что в инструментах одно и то же напряжение и на них подействовал один и тот же импульс. Подобно этому, если я совершаю какое-нибудь действие, мой ум находится в состоянии как бы некоторого колебания, и все умы, находящиеся в подобных же условиях, будут способны испытывать воздействие моего ума. Все умы одинакового напряжения будут одинаково реагировать на одну и ту же мысль. Само собой разумеется, что влияние мысли на умы будет различно, в зависи-

мости от расстояния и других причин; но ум всегда открыт для воздействия на него.

Предположим, что я совершаю дурной поступок. Мой ум при этом находится в известном состоянии колебания, и все умы всего мира, находящиеся в таком же состоянии, будут иметь возможность испытывать воздействие вибраций моего ума. Если же я делаю доброе дело, мой ум находится в другом состоянии колебаний, и все умы, так же настроенные, способны испытать его влияние. Эта способность одного ума действовать на другой будет больше или меньше, в зависимости от того, больше или меньше сила напряжения действующего и воспринимающего умов.

Продолжая сравнение ума с музыкальным инструментом, мы приходим к заключению, что как световые волны могут распространяться миллионы лет, прежде чем встретят какой-нибудь предмет, так и мысленные волны могут распространяться сотни лет, прежде чем встретят предмет, который будет вибрировать в унисон с ними. Поэтому возможно, что наша атмосфера полна таких мысленных вибраций, как добрых, так и злых. Каждая мысль, исходя из ума, распространяется до тех пор, пока не встретит предмета, способного воспринять ее; и всякий ум, открытый для принятия какого-либо из этих импульсов, воспримет его. Так, если человек совершает дурные поступки, он приводит свой ум в известное состояние напряжения; и все волны,

соответствующие этому состоянию, и которые, можно сказать, уже находятся в атмосфере, будут стремиться войти в этот ум. Вот почему человек, совершающий злые дела, становится все более и более злым. Его действия приобретают все большее напряжение.

То же бывает и с совершающим добро: он открывает себя для всех имеющихся в атмосфере волн добра, и его добрые дела становятся более напряженными. Поэтому, делая зло, мы навлекаем на себя двойную опасность, во-первых, открываем себя для всех окружающих нас злых влияний и, во-вторых, создаем зло, которое будет влиять на других, причем, возможно, что наше злое действие окажет свое влияние через сотни лет. Совершая зло, мы причиняем вред и себе и другим; делая же добро, приносим и себе и другим пользу. Подобно всем другим силам в человеке, эти силы добра и зла черпают свою мощь извне.

Согласно Карма-Йоге, действие, совершенное каким-нибудь человеком, не может быть уничтожено, пока не принесет своего плода; никакая сила в мире не может устранить его последствий. Если я совершаю дурной поступок, я должен пострадать за него, и никакая сила не в состоянии прекратить или отдалить мое страдание. Также, если я делаю доброе дело, никакая сила в мире не может помешать ему принести хорошие последствия. Причина должна иметь следствие; ничто не в состоянии нарушить этот закон.

Теперь мы должны рассмотреть один очень тонкий и серьезный вопрос, составляющий предмет Карма-Йоги. Все наши действия, как добрые, так и злые, тесно связаны друг с другом; мы не можем провести между ними границу и сказать, что эти действия безусловно хороши, а те безусловно дурны. Нет таких действий, которые не приносили бы одновременно и хороших плодов и дурных. Возьмем самый близкий пример. Я говорю вам, и некоторые из вас, пожалуй, находят, что я делаю хорошее дело; но в это же самое время я, может быть, убивают тысячи микробов, находящихся в атмосфере, причиняя таким образом им зло. Не может быть человеческого действия, которое было бы вполне хорошо или вполне дурно. Если поступок совершается на наших глазах, направлен на тех, кого мы знаем, и его действие для них благоприятно, мы говорим, что это очень хороший поступок. Например, вы видите действие моего разговора с вами на себя и можете назвать его очень хорошим, но как он действует на микробов — не знаете, и они, по всей вероятности, не разделят вашего мнения. Если мы разберем таким же образом наши дурные поступки, то также можем найти где-нибудь хорошие их результаты. «Кто видит, что в добром деле есть нечто злое и в злом нечто доброе, тот знает секрет труда».

Но что же из этого следует? Из этого следует, что как бы мы ни старались, мы не можем найти ни одного действия, которое было бы вполне хорошо, ни действия совершенно дурного, употребляя слова «хороший» и «дурной» в смысле причинения

и непричинения кому-нибудь вреда. Мы не можем жить или дышать, не обижая других; каждый кусок пищи, который мы съедаем, отнимается у другого; самая наша жизнь есть стеснение других жизней. Так говорит Бхагавад Гита. Мы должны неизбежно кого-нибудь вытеснять, будут ли то люди, животные или микробы. Если это так, то, очевидно, какое действие не может быть совершенно в смысле безобидности; мы можем трудиться целую вечность, но не найдем выхода из этого запутанного лабиринта. Сколько бы мы ни трудились, никогда не будет конца этому неизбежному смешению добра и зла в результатах труда.

Второй вопрос, который мы должны рассмотреть, — в чем заключается цель труда, его конечный результат? Мы видим, что во всех странах большинство людей верит, что наступить время, когда мир станет совершенным: не будет ни болезней, ни смерти, ни несчастья, ни безнравственности. Это прекрасная идея, могущая ободрять и вдохновлять невежд; но, подумав немножко, мы найдем, что ничего подобного быть не может. Ведь добро и зло представляют собой только лицевую и обратную стороны той же медали. Как же, обладая такою медалью, можно иметь добро и в то же время не иметь зла? Что понимается под совершенством? Выражение «совершенная жизнь» уже в себе самом заключает противоречие. Жизнь — это состояние постоянной борьбы между нами и всем, что не мы. В каждый момент нашей жизни мы ведем настоящую войну с внешней природой и, если бываем побеждены, жизнь

наша прекращается. Мы постоянно боремся за пищу и воздух; и если того или другого нам не достает, мы умираем. Жизнь вовсе не простая и гладко протекающая вещь, но ряд чрезвычайно разнообразных действий, сложная борьба между чем-то внутри нас и внешним миром; откуда ясно, что, когда борьба кончается, наступает конец и жизни.

Под идеалом счастья понимается состояние, с достижением которого совершенно прекращается борьба; но так как борьба и есть жизнь, то она может прекратиться только по прекращении самой жизни. Затем, прежде чем мы достигнем даже одной тысячной части этого идеала, земля значительно охладится, и нас уже не будет. Таким образом, тысячелетия Царства Божия не может быть в этом мире, хотя, быть может, оно и возможно где-нибудь в другом месте.

Мы уже видели, что, стараясь помогать миру, мы помогали самим себе, и главный результат труда для других состоит в очищении себя. Путем постоянно стремления делать добро другим мы стремимся забыть себя, и это забвение — один из самых важных уроков, которые мы должны усвоить в жизни. Человек воображает, что, добиваясь разных благ от других, он может сделаться счастливым, но после многих лет борьбы видит, что истинное счастье состоит в уничтожении себялюбия и что такого счастья не может дать ему никто, кроме него самого. Всякий акт благотворительности, всякая сочувственная мысль, всякая помощь кому-либо, вообще — всякое доброе дело лишает наше

маленькое «я» значительной части придаваемого им себе значения и приучает нас думать о себе, как о людях менее значительных и достойных, чем все остальные. Поэтому все это — добро.

Таким образом, мы видим, что *джнана*, *бхакти* и карма ведут к одной и той же цели. Высший идеал их — вечное и полное самоотречение, при котором нет «я», но все «ты»; и — сознает ли это человек или нет — Карма-Йога приводит его к этой цели. Проповедник религии может прийти в ужас от мысли о безличном Боге; он может настаивать на существовании личного Бога и желать сохранить свое тождество и индивидуальность, что бы он под этим ни понимал. Но его нравственные идеалы, если они действительно хороши, могут иметь в основании только самое высшее самоотречение. Оно основа всей нравственности и распространяется не только на людей, но на животных и ангелов; оно — главный принцип, проводимый всеми системами этики.

В этом мире есть люди разной высоты. В первых, Богочеловеки, делающие добро другим с полным самоотречением, жертвуя для этого даже жизнью. Это самые совершенные из людей. Если бы их было в какой-нибудь стране хоть сотня, этой стране нечего было бы никогда тревожиться за свою судьбу, но, к несчастью, таких людей очень мало. Затем есть так называемые добрые люди, делающие добро, поскольку это не вредит их собственным интересам; и наконец третий класс людей — народ дьявольский — за-

ботится только о пользе для себя в ущерб всем прочим.

Один санскритский поэт говорит, впрочем, что есть еще четвертый класс, не «заслуживающий даже названия», который вредит всем потому, что это доставляет ему наслаждение. Как на одном полюсе существования стоят люди, делающие добро ради добра, так на другом находятся люди, делающие зло ради зла. Последние не извлекают от этого никакой для себя пользы; но причинение зла — основное свойство их натуры. По словам нашего поэта, самый великий человек тот, кто проявляет высшую степень самоотречения, приносит самого себя в жертву для блага других.

В санскритском языке есть два слова, *праврити* — развертывающееся к себе, центростремительное, и *ниврити* — развертывающееся от себя, центробежное. Центростремительное то, что мы называем миром, «я» и «мое». Оно заключает в себе все предметы, постоянно обогащающие это «я» благосостоянием, деньгами, властью, известностью, славой, и отличается алчным стремлением собирать все в одном центре, в своем «я». Это *праврити* — естественное стремление всякого человеческого существа брать все отовсюду и нагромождать его около одного центра, своего драгоценного «я». Когда это стремление ослаблено и из него вырастает *ниврити*, тогда начинается истинная нравственность и религия. Как *праврити*, так и *ниврити* суть свойства труда, первое — дурной труд, второе — хороший. *Ниврити* — главная основа всей

нравственности и религии, и высшую его степень представляет полное самоотвержение, готовность свой ум и тело принести в жертву другому существу. Когда человек достиг этого состояния, он достиг совершенства карма-йога, самого важного результата благотельного труда. Если бы человек не излучал ни одной философской системы, если бы он не верил ни в какого Бога и ни разу в жизни не молился, но поскольку сила добрых дел привела его в состояние, при котором он готов отдать свою жизнь и все, что имеет, для других, — он достиг того же, чего достигает религиозный человек своими молитвами и философ своими знаниями.

Философ, труженик и благочестивый человек — все сходятся на одном пункте, и этот пункт — самоотречение, самоотверженность. Как бы ни различались философские и религиозные учения людей, все человечество становится с почтением и благоговением перед человеком, готовым жертвовать собой для других. Тут не явится никакого вопроса о вере или учении; и даже человек, отвергающий всякие религиозные идеи, почувствует при виде полного самопожертвования, что должен отнестись с уважением к проявляющему его. Разве вы не встречали самых набожных христиан, которые, читая «Свет Азии» Эдвина Арнольда, останавливались в почтительном изумлении перед личностью Будды, не проповедовавшего ни о каком Боге и ни о чем, кроме самопожертвования. Только фанатик не знает, что предмет его стремлений, цель его жизни те же самые, что и несогласных с ним. Посвятивший себя молитве и думающий постоян-

но о Боге, как и сеющий вокруг себя добро, приходят в конце концов к одному и тому же, говорят: «Да будет воля Твоя», и не оставляют для себя ничего. Это и есть полное самоотречение. Философ, благодаря своему знанию, видит, что кажущееся «я» не более как иллюзия, и без труда отказывается от него. Это самоотречение. На нем сходятся карма, *бхакти* и *джнана*, и его разумели все великие проповедники древности, когда учили, что Бог — не мир, что мир — одно, а Бог — другое. Одно называется миром, другое — Богом; под словом «мир» понимается себялюбие, под словом «Бог» — отсутствие его. Человек может быть на троне, жить в золотом дворце и не быть себялюбивым; тогда он живет в Боге. Другой может жить в шалаше, одеваться в рубище, не иметь решительно ничего мирского, и быть вполне погруженным в мир, если он эгоист.

Возвращаясь к одному из наших главных положений, повторяю, что мы не можем делать добра, не причиняя в то же время какого-нибудь зла, равно как не можем причинять зла, не делая какого-нибудь добра. Зная это, как же мы можем трудиться?

Существовали секты, желавшие разрешить этот вопрос поразительно нелепым способом: они проповедовали самоумерщвление как единственное средство уйти из мира, на том основании, что если человек живет, то он неизбежно должен убивать бедных животных и растения или как-нибудь иначе причинять кому-либо вред. По их мнению, единственным выходом было умереть. Это как высший идеал проповедовали, между прочим,

джайны. Такое учение кажется вполне логичным, но верное решение вопроса можно найти только в Гите, и состоит оно в том, что, совершая наш жизненный путь, мы не должны иметь ни к чему привязанности. Знайте, что вы — совершенно не то, что мир; вы живете в нем, но все, что бы вы ни делали, должны делать не для себя. Следствия всего сделанного для себя вы должны будете нести сами; если совершили доброе дело, последствия его для вас будут хороши; если дурное, испытаете дурные последствия. Всякий же ваш поступок, каков бы он ни был, совершенный не для себя, не будет иметь для вас никаких последствий.

В наших священных книгах есть очень ясное изречение, выражающее эту идею: «Если он, сознавая, что действует совсем не ради себя, убил весь мир или себя самого, он не убил и не убит». Поэтому Карма-Йога учит: «Не покидайте мир, живите в нем, черпайте, сколько можете, его сил, но если эти силы и могут доставить вам наслаждение, не делайте его целью вашего труда. Подавите сначала свое маленькое „я“ и смотрите на весь мир как на самих себя». Древние христиане имели обыкновение говорить: «Ветхий человек должен умереть». Этот ветхий человек — эгоистичная мысль, что весь мир сотворен, чтобы доставлять нам наслаждение. Глупые родители учат своих детей молиться: «Господи, Ты сотворил это солнце и луну для меня...» Как будто у Господа Бога не было другого дела, кроме созидания всего для их детей. Не учите подобным нелепостям. Есть безумные и другого рода, они думают, что все животные соз-

даны для того, чтобы быть убитыми и съеденными нами, и что Вселенная существует для того, чтобы человек ею пользовался. Все это глупости. Ведь и тигр может сказать: «Человек создан для меня», и молиться: «Господи, какие эти люди нечестивые; они не приходят ко мне сами и не ждут, пока я их съем; они нарушают Твой закон». Если мир создан для нас, то и мы созданы для мира. Идея, что мир создан для нашего наслаждения, в высшей степени вредная и унижающая нас. Мир существует не ради нас; каждый год из него уходят миллионы, другие миллионы приходят на их место, и мир этого не чувствует.

Поэтому чтобы трудиться как следует, надо, во-первых, отказаться от всякой мысли о привязанности; во-вторых, не вмешиваться в мирскую борьбу, но держаться от нее в стороне в роли наблюдателя и продолжать работать. Мой старый учитель обыкновенно говорил: «Смотрите на ваших детей, как на них смотрит нянька. Нянька возьмет вашего ребенка, будет ласкать его, играть с ним и относиться к нему так же нежно, как если бы он был ее собственным дитя; но как только вы откажете ей в работе, она тотчас собирает свои пожитки, уходит из дома и все, что имело вид привязанности, забыто ею. Для няньки оставить ваших детей и поступить к другим не представит ни малейшего огорчения. Так же точно и вы должны относиться ко всему, что считаете своим. Вы — нянька, и если верите в Бога, то верьте, что все, что вы считаете своим, на самом деле принадлежит Ему. Величайшая слабость часто выдает себя

за величайшую доброту и силу. Слабость думать, что кто-нибудь зависит от меня и что я могу сделать добро другому. Эта гордость мать всех наших привязанностей, от которых происходят все наши огорчения.

Мы должны понять, что никто во всем мире на нас не рассчитывает, ни один нищий не зависит от нашего милосердия, ни одна душа — от нашей благосклонности, ни одно живое существо — от нашей помощи. Все получают нужную помощь от природы и будут получать ее, хотя бы миллионов из нас здесь не было. Ход вещей не остановится из-за вас или меня; для вас и для меня, как уже раньше выяснено, огромная милость, что нам дозволяется путем помощи другим воспитывать себя. Это великая истина, которую мы должны узнать в жизни; и усвоив ее в совершенстве, мы никогда не будем несчастными. Мы можем тогда идти всюду и сходиться с каким угодно обществом, не подвергаясь никакой опасности. Можно иметь мужей и жен, целые полки слуг, управлять государствами, и все это не может причинить вреда, если постоянно держаться принципа, что мир не для нас и в нас не нуждается.

В этом году могли умереть некоторые из ваших друзей. Что же, остановился мир в своем движении и ждет, пока они вернутся? Ничуть, все идет по-прежнему. Итак, немилосердно гоните прочь мысль, что вы должны что-то делать для мира; мир не нуждается в вашей помощи. Думать, что человек рожден для того, чтобы по-

могать миру, — чистая бессмыслица. Это просто гордость, себялюбие, прикрывающее себя видом добродетели. Когда вы привыкли применять на практике эту мысль о независимости мира от вас и от кого бы то ни было, тогда ваш труд не вызовет никакой реакции в форме страдания. Если вы даете что-нибудь человеку, ничего не ожидая в ответ, его неблагодарность не произведет на вас никакого впечатления, потому что вы ничего не ждали и даже не думали, что имеете на что-нибудь право. Вы дали ему только заслуженное им; оно добыто для него его кармой, а ваша карма заставила вас принести его. Вам нечего гордиться, что вы что-то отдали миру. Мир сам заслужил полученное им своей кармой, а вы были не более как посыльным. Где же тут основание для гордости? В том, что вы передали не вами заработанное, нет ничего великого.

Когда вы освободитесь от чувства привязанности, для вас не будет ни добра, ни зла. Различие между добром и злом является только следствием эгоизма. Понять это сразу очень трудно, но со временем вы узнаете, что ничто в мире не может влиять на вас, пока вы сами не позволите. Ничто не имеет власти над человеческим «я», пока это «я» не утрачивает ума и независимости. Отсутствием привязанности вы побеждаете и уничтожаете силу всякого внешнего воздействия на вас. Легко сказать, что ничто не имеет силы влиять на вас, пока вы сами не позволите; но как узнать человека, ничему не позволяющему влиять на себя и которого внешний мир не может сделать ни счастливым,

ни несчастным. Признаком будет то, что падает ли на него гора, грозящая раздробить его, или же с ним происходят самые счастливые перемены, он в счастье и в несчастье одинаков — остается тем же при всяких обстоятельствах.

В Индии был великий ученый по имени Вьяса. Он известен как святой человек и как автор афоризмов Веданты. Его отец старался достигнуть совершенства, но не достиг его; дед и прадед стремились к тому же, но неудачно. Сам он достиг лишь отчасти, но его сын Зука уже родился совершенным. Вьяса учил сына мудрости и, научив истинному познанию себя, послал ко двору короля Джанаки. Это был великий король, и его называли Джанака — «Видеха», что значит «вне тела». Даже будучи королем, он совершенно забывал, что был в теле, всегда чувствовал себя только духом.

Мальчика Зуку отец послал к нему доучиваться мудрости. Король знал об этом и заранее сделал некоторые распоряжения. Когда мальчик явился к дворцу, стражи не выказали ему никакого внимания. Они предложили ему сесть, и он сидел у ворот три дня и три ночи, причем никто не говорил с ним и не спрашивал, кто он и откуда пришел. Его отца почитала вся страна, да и сам он был в высшей степени уважаемой личностью; и, несмотря на это, ничтожные простые сторожа не обратили на него никакого внимания. По прошествии трех суток вдруг появились министры и высшие сановники и оказали ему самый почетный прием. Они пригласили его во дворец, привели в великолеп-

ные комнаты, предложили ароматичную ванну и чудные одежды, и в течение восьми дней окружали его всевозможной роскошью. Торжественно спокойное лицо Зука не обнаружил ни малейшего изменения при подобной перемене в обращении с ним. Он был тем же среди роскоши, кем был и у ворот.

Наконец его привели к королю. Король сидел на троне, играла музыка, кругом танцевали и развлекались. Король дал ему наполненную до краев чашу с молоком и предложил обойти семь раз вокруг зала, не пролив из чаши ни одной капли. Мальчик взял чашу и пошел, сопровождаемый звуками музыки и окруженный со всех сторон восхитительными лицами. Он обошел зал семь раз, и ни одна капля молока не была пролита. Ум мальчика не могло привлечь ничто в мире, раз он сам не позволял влиять на себя. Когда он принес чашу к королю, тот сказал ему: «Я могу только повторить то, чему тебя научил твой отец и чему ты сам научился: ты познал истину и можешь идти домой».

Человек, научившийся управлять собой, не может подпасть под влияние чего-либо внешнего. Для него нет больше рабства, его ум стал свободным. Только такой человек способен надлежащим образом жить в миру. Обыкновенно мы встречаем людей, придерживающихся двух мнений относительно мира. Одни, пессимисты, говорят: «Как ужасен этот мир, как он порочен!» Другие, оптимисты, восклицают: «Как прекрасен мир, какой он чудесный!» Для тех, кто управляет своим умом, мир полон зла

или, в лучшем случае, представляет собой смесь зла и добра. Но когда мы становимся хозяевами своего ума, тот же мир представляется нам самым привлекательным. Ничто тогда не действует на нас, как добро или зло, но мы находим все таким, каким оно должно быть, т.е. гармоничным.

Некоторые люди, считающие сначала мир адом, часто, достигнув успехов в управлении собой, кончают тем, что называют его раем. Если мы твердо решимся работать над собой, чтобы достигнуть такого состояния, то с чего бы ни начали, наверное, окончим полным самоотречением. И как только в нас исчезнет наше призрачное «я», весь мир, казавшийся сначала полным зла, представится нам полным блаженства небом. Самая атмосфера нам покажется восхитительной, каждое человеческое лицо прекрасным. В этом цель и назначение Карма-Йоги, и таково достигаемое ею практическое улучшение жизни. Наши разные Йоги не противоречат друг другу; каждая из них ведет к той же цели, т.е. делает нас совершенными. Но в каждой из них необходимо усердно упражняться, весь секрет в упражнении. Прежде всего вы должны слушать, затем размышлять и потом упражняться. Это одинаково относится ко всем йогам. Надо слушать учение Йоги и стараться усвоить его, и многое, чего вы не понимали, постепенно станет для вас ясным.

Понять все сразу очень трудно, хотя объяснение всего уже и есть в нас самих. Никто никогда не был научен другим, но каждый должен учиться сам.

Внешний учитель дает только внушение, побуждающее внутреннего учителя работать, чтобы понять требуемое. Тогда наша собственная способность сделает его для нас ясным, и мы его поймем в нашей душе; это же понимание преобразуется в напряженную силу воли. Сначала явится чувство, затем желание, а из последнего вырастет страстная способность к работе, распространяющаяся по всем жилам, нервам и мускулам, пока все наше тело не превратится в орудие бескорыстного йога-работника, и желаемый результат полного самоотречения и совершенного бескорыстия не будет достигнут. Достижение этого результата не зависит ни от учености, ни от догматов, ни от веры. Будет ли к нему стремиться христианин или язычник, это все равно; вопрос только в том, бескорыстны ли вы. Если вы бескорыстны, то будете совершенны, хотя и не прочли ни одной религиозной книги и не ходили ни в какие храмы.

Каждая из йог может сделать человека совершенным даже без помощи других йог, так как все они преследуют одну цель. Йоги труда, мудрости и благочестия могут одинаково служить прямым и самостоятельным средством для достижения *мокши*. Только невежда говорит, что труд и философия различны. Ученый же знает, что, различаясь, по-видимому, друг от друга, они в конце концов ведут к одной и той же цели — к совершенству.

Свобода

Мы уже говорили, что слово «карма», имеющее в Карма-Йоге значение работы, труда, употребляется в психологии также в смысле причинности. Всякая работа, поступок и мысль производят действие, называемое кармой. Везде, где есть причина, должно быть и следствие, и это, согласно нашей философии, верно для всей Вселенной. Все, что мы видим, чувствуем и делаем, всякое действие, свершившееся где бы то ни было во Вселенной, будучи следствием прошлой работы, становится в свою очередь причиной, производящей свое собственное следствие. Это закон кармы, закон неизбежности причины и следствия.

Но что следует разуметь под словом «закон»? С психологической точки зрения, законом называется стремление серии явлений повторяться. Когда мы видим, что какое-нибудь событие следует за другим или случается одновременно с другим, то мы ожидаем, что такая последовательность или совпадение повторится опять. Наши древние логики и философы школы *ньяйя* называют этот закон *вьяпти*. По их мнению, все наши идеи о законе являются следствием ассоциации. Ряд явлений связывается в нашем уме с другими в некоторой неизменной последовательности, так что все, что мы замечаем когда-нибудь, непосредственно

связывается в нашем уме с другими фактами. Всякая идея или, согласно нашей психологии, волна, произведенная нашей умственной материей — *читой*, — должна вызвать появление других волн. Это психологическое понятие об ассоциации; и причинность только одна сторона великого и общего принципа ассоциации.

Распространенность во всем ассоциации на санскрите называется *вьяпти*. Понятие о законе во внешнем мире то же, что и во внутреннем, а именно — это ожидание, что известное явление последует за другим и что серии явлений будут повторяться, насколько мы в состоянии их наблюдать. Поэтому, строго говоря, закона в природе нет; и нельзя говорить, что закон притяжения существует как факт, или что какой бы то ни было закон объективно находится где-нибудь в природе. Закон это метод, способ, которым наш ум воспринимает ряд явлений; он только в нашем уме. Некоторые явления, случающиеся одно после другого или одновременно, за которыми у нас является убеждение в правильности их чередования и возврата, и которые таким образом делают наш ум способным узнать порядок следования всего ряда, образуют то, что мы называем законом.

Что же мы разумеем, называя закон всемирным? Наша Вселенная есть часть всего существующего, определяемая тем, что санскритские психологи называют *деза-кала-нимита*, и что известно европейским психологам как пространство, время и причинность. Она только часть бесконечно суще-

ствующего, отлившаяся в особую форму — форму пространства, времени и причинности. Часть всей совокупности существующего, наполняющая эту форму, составляет нашу Вселенную. Из этого необходимо следует, что закон возможен только в этой условной Вселенной; вне ее не может быть никакого закона. Когда мы говорим о Вселенной, мы имеем в виду только часть существующего, обнимаемую нашим умом, — Вселенную чувственную, доступную нашему зрению, осязанию, слуху и воображению, о которой мы можем думать. Только эта Вселенная подчинена закону, существующее же за ее пределами не может быть подчинено закону, потому что причинность не распространяется за пределы мира наших чувств.

Все находящееся вне области нашего ума и наших чувств не связано законом причинности, так как в области за пределами чувств нет мысленной ассоциации, а без ассоциации идей нет причинности. Только когда «существо» или существующее принимает название и форму, оно подчиняется закону причинности и о нем говорят, что оно под законом, потому что сущность всех законов — причинность. Из этого следует, что не может быть такой вещи, как свободная воля. В самых этих словах уже есть противоречие, так как воля — это нечто нам известное, а все, что мы знаем, находится в нашей Вселенной. Все же в этой Вселенной обусловлено пространством, временем и причинностью. Все, что мы знаем или можем знать, должно быть подчинено причинности, а то, что подчиняется закону причинности, не может быть

свободно. На волю действуют другие силы и она, в свою очередь, становится причиной. Но то, что превратилось в волю, а раньше не было волей, — что, приняв форму пространства, времени и причинности, обратилось в человеческую волю, — то было свободно и, освобождаясь от этой формы пространства, времени и причинности, становится свободным опять. Оно приходит свободным, принимает форму рабства, освобождается от нее и опять возвращается к свободе.

Поднимался вопрос: «От кого исходит эта Вселенная, в ком она пребывает и к кому идет?» И ответ был: «Исходит она из свободы, пребывает в рабстве и идет обратно к той же свободе». Говоря о человеке, мы разумеем только маленькую частицу того бесконечного существа, которое проявляется в этой форме, видимые нами тело и ум только часть целого; они, как и вся Вселенная, маленькие крупинки бесконечного существа. А все наши законы, наше рабство, наши радости и печали, счастье и ожидания — все это существует только в нашей маленькой Вселенной. Наши успехи и неудачи — все происходит внутри ее ограниченной области. Итак, вы видите, какое ребячество ожидать продолжения где-то нашей Вселенной, — этого создания нашего ума, — и надеяться попасть на Небо, понимая под Небом, в сущности, повторение того же мира, который мы уже знаем.

Вы видите сразу, что желание свести все бесконечное существование к известному нам ограни-

ченному и условному — желание ребяческое, неосуществимое. Когда человек говорит, что желал бы всегда иметь то, что имеет теперь, или ищет, как я как-то выразился, удобную веру, знайте, что он настолько дегенерат, что не в состоянии даже помыслить о чем-нибудь высшем, чем сам в настоящее время. Он стал совершенно тем же, что и ничтожное его окружающее, забыл о своей бесконечной природе, и все его мысли сосредоточились на ничтожных радостях, печалях и сердечных волнениях настоящего. Думая, что эти конечные вещи бесконечны, и не желая освободиться от своего легкомыслия, он отчаянно цепляется за *тришну* (жажду жизни), что буддисты называют *танка* и *трисса*.

Вне известной нам маленькой Вселенной могут быть миллионы видов счастья, миллионы существ, законов и причин; и все это вместе все же составит только часть нашей природы. Чтобы стать свободными, мы должны подняться выше пределов этой Вселенной. Здесь свободу найти нельзя. Полное уравновешение или то, что христиане называют неизреченным миром — миром, превосходящим всякое понимание, нельзя приобрести ни в этой Вселенной, ни в небе и ни в какой области, куда могут проникнуть наши ум, мысль и чувства, и которую наше воображение может представлять. Ни одно подобное место не даст нам свободы, потому что все такие места находятся внутри нашей Вселенной, а она ограничена пространством, временем и причинностью.

Можно представить себе сферы более эфирные, чем наша Земля, где наслаждения более тонки; но и эти сферы будут в нашей же Вселенной и потому в рабстве закона, а мы должны идти дальше, туда, где кончается эта маленькая вселенная и начинается истинная религия. Там кончаются здешние призрачные радости, печали и ограниченное познание вещей и начинается действительность. Не отказавшись от жажды жизни и сильной привязанности к нашему преходящему и условному существованию, мы не можем надеяться даже мельком увидеть проблеск бесконечной свободы, обретающейся за пределами нашей Вселенной. И есть только один способ достигнуть свободы, составляющей предмет всех самых благороднейших стремлений человечества, — отрешиться от кратковременной жизни, от нашей маленькой Вселенной, от земли, неба и всего, что ограничено и условно. Если мы освободимся от наших привязанностей к этой маленькой чувственной или умственной природе, мы тотчас будем свободны. Единственный способ освободиться от рабства — стать выше ограничений закона, подняться над областью, в которой господствует закон причинности.

Но в высшей степени трудная вещь освободиться от привязанности к этой Вселенной, и только немногие достигают этого. В наших книгах говорится о двух способах такого освобождения. Один называется *нети-нети* (не это, не это), другой *ити-ити* (это, это); первый — отрицательный, второй — положительный. Отрицательный спо-

соб в высшей степени труден. Он возможен только для людей очень высокого, исключительного ума и колоссальной воли, которые просто говорят: «Нет, я этого не хочу», и их ум и тело подчиняются их воле, и они выходят победителями. Но такие люди очень редки; огромное же большинство человечества избирает положительный способ, путь через мир, причем для того, чтобы разбить цепи, которыми его сковывает мир, оно пользуется теми же самыми цепями. Это тоже отрешение, только оно совершается медленно и постепенно, посредством ознакомления с находящимися в мире предметами и пользования ими. Таким путем приобретается опытность и знание природы вещей, которые приводят наконец к тому, что ум отказывается от всего мирского и утрачивает к нему всякую привязанность.

Первый способ освобождения от привязанности состоит в рассуждении, второй — в труде и опыте. Первый способ Джнана Йоги, характерная черта которого воздержание от всякого созидательного труда; второй способ Карма-Йоги, при котором труд не прекращается. В этом мире не трудится только тот, кто вполне удовлетворен Сущим — истинным «Я», — чьи желания не направлены ни к чему, что не «Я», чем ум никогда не удаляется от «Я», для кого «Я» важнее всего. Все остальные должны работать. Поток, свободно бегущий согласно своей природе вниз, падает в глубину и образует водоворот, а затем, покругившись некоторое время в этом водовороте, появляется вновь в виде свободного потока, чтобы течь дальше без

задержки. Каждая человеческая жизнь похожа на этот поток. Она вовлекается в водоворот, запутывается в этом мире пространства, времени и причинности, вращается здесь некоторое время, выкрикивая: «Мой отец, мой брат, мое имя, моя слава» и т.п., и наконец выходит из него и приобретает вновь свою первоначальную свободу. Вся Вселенная делает то же. Все мы, сознательно или бессознательно, трудимся, чтобы освободиться от грез этого мира, и приобретенный в этом мире опыт делает человека способным освободиться из водоворота.

Но что такое Карма-Йога? Она знание секрета труда. Мы видим, что вся Вселенная работает. Для чего она делает это? Для спасения, для свободы. Сознательно или бессознательно все, от малейшего атома до высочайшего существа, трудится ради этого, работая с целью приобрести свободу для ума, для тела, для духа, решительно для всего. Все постоянно стремится стать свободным, все бежит от рабства. Солнце, луна, земля, планеты — все старается уйти от рабства. Центробежные и центростремительные силы природы — типичные представители нашей Вселенной.

Карма-Йога открывает нам секрет и дает способ работать. Вместо того чтобы оставить нас подвергаться со всех сторон толчкам этой Вселенной и узнать способ трудиться только после долгой борьбы и надрыва сил. Карма-Йога открывает нам секрет труда, дает метод работы и учит вырабатывать в себе способность к производительному

труду. Огромная масса энергии тратится напрасно, если мы не умеем применять ее и пользоваться ею. Карма-Йога составляет науку труда: она учит нас, как наилучшим способом пользоваться всеми рабочими силами этого мира. Труд неизбежен, необходим, но мы должны трудиться только для самой высшей цели. Карма-Йога заставляет нас признать, что этот мир — мир пятиминутный, что он нечто, через что мы должны пройти, но что свобода не в нем, а должна быть за его пределами. Чтобы найти выход из рабства мира, мы должны проходить мир твердо и уверенно.

Могут быть исключительные личности — я о них уже говорил вам, — которые способны сбросить с себя мир, как змея сбрасывает кожу, и, встав в стороне, смотреть на него в роли зрителя. Такие исключительные существа, без сомнения, бывают, но остальное человечество должно медленно проходить мир и работать. И Карма-Йога указывает нам процесс, секрет и метод работать так, чтобы их труд приводил к самым лучшим результатам. Что же она говорит? Она говорит: «Трудитесь, не переставая, но отрешитесь от всякой привязанности к работе». Не отождествляйте себя ни с чем. Сохраняйте ваш ум свободным. Все, что вы видите, все страдания и несчастья, — необходимые условия этого мира; бедность, богатство и счастье — мимолетны, они вовсе не принадлежат нашей истинной природе.

Наша природа гораздо выше несчастья и счастья, выше всякого чувственного предмета, выше

воображения. Но несмотря на это, мы все время должны трудиться. «Страдания суть следствия привязанности, а не работы». Отождествляя себя с работой, которую делаем, мы чувствуем себя несчастными, в противном случае никакого несчастья не испытываем. Если прекрасная картина, принадлежащая другому, сгорит, человек не станет особенно печалиться; но если сгорит его собственная картина, каким несчастным он себя чувствует! А почему? Обе картины были прекрасны, может быть, даже копии с одного и того же оригинала, но в одном случае чувствуется гораздо большее несчастье, чем в другом. Это потому, что в одном случае человек отождествляет себя с картиной, а в другом — нет. Эти «я» и «мое» служат причиной всех несчастий. С чувством обладания приходит эгоизм, а эгоизм приносит несчастье. Каждое наше эгоистичное действие или мысль делают нас привязанными к чему-либо и мы тотчас становимся рабами.

Всякая волна в *читте*, которая говорит «я» и «мы», немедленно опутывает нас цепью и делает нас рабами. И чем больше мы говорим «я» и «мое», тем больше увеличивается наше рабство, тем сильнее становится страдание. Поэтому Карма-Йога говорит: «Наслаждайтесь красотой всех картин в мире, но не объединяйте себя ни с одной из них, никогда не говорите «моя». Когда бы вы ни сказали о какой-нибудь вещи «моя», страдание немедленно явится. Не говорите даже в уме «мое дитя». Имейте детей, но не говорите «мои дети». Если вы это говорите, вы будете несчастны. Вся трудность

в том, чтобы не говорить «мой дом», «мое тело». Тело не ваше, не мое и не чье-нибудь. Наши тела приходят и уходят, согласно законам природы; но мы свободны, будучи только зрителями. Тела наши не более свободны, чем картина или стена. Зачем же нам привязываться к какому-нибудь телу? Если кто-нибудь пишет картину, то, окончив, он отдает ее. Почему бы ему быть привязанным к ней? Пусть ее уносят. Не позволяйте возникнуть в вас корыстной мысли: «Я должен обладать ею». Как только такая мысль возникает, является страдание.

И Карма-Йога говорит: «Прежде всего уничтожайте в себе склонность к возникновению корыстных мыслей, и когда вы в состоянии воздерживаться от них, не позволяйте вашему уму становиться волной этого вида эгоизма. Тогда вы можете идти в мир и трудиться, насколько хватит сил и умения. Идите, куда хотите, смешивайтесь, с какими угодно людьми, никакое зло не замарают и не осквернит вас. Вы будете в мире, как лист лотоса в воде, к которому вода не может прикоснуться и смочить его». Это называется *вайролья*, бесстрастие, отсутствие привязанности Карма-Йоги. Кажется, я говорил вам, что без отсутствия привязанности не может быть никакого рода йоги. Отсутствие привязанности — основание всех йог.

Человек, переставший жить в домах, носить изящную одежду и есть хорошую пищу и ушедший в пустыню, может быть в высшей степени привязанным к чему-нибудь. Единственная оставшаяся

у него ответственность, тело, может сделаться для него самой важной вещью, и его жизнь — борьбой ради этого тела. Отсутствие привязанности выражается не во внешних наших действиях, но в том, что происходит исключительно в нашем уме; звено же, связывающее нас нашим «я» и «мое», находится в теле. Если у нас нет этой связи с телом и чувственными предметами, мы не привязаны, где бы и чем бы мы ни были. Человек может быть на троне и оставаться совершенно не привязанным; другой ходить в лохмотьях и, несмотря на это, может быть сильно привязан. Мы должны прежде всего достигнуть состояния непривязанности и затем работать не переставая. Карма-Йога дает метод, помогающий нам отрешиться от всех привязанностей. Но это дело очень трудное.

В Карма-Йоге указаны два способа отрешиться от привязанностей. Один для тех, кто не верит в Бога и ни в какую внешнюю помощь. Они предоставляются их собственной изобретательности, должны трудиться согласно своей воле и сообразно со своими способностями, и, говоря — «я не должен быть привязанным», — руководиться в выборе дела собственной способностью распознавания, *вивекой*. Для тех, кто верит в Бога, есть другой способ, гораздо менее трудный. Они все плоды своего труда посвящают Господу; трудятся и никогда не интересуются результатами. Они смотрят, чувствуют, слушают и делают для Него, и говорят: «За все, что бы мы ни сделали хорошего, мы не должны требовать похвалы себе.

Это дело Божие, и плоды его мы должны предоставить Ему. Какое бы самое великое дело мы и не сделали в своей жизни, мы никогда не должны позволять себе думать, что можем получить за него выгоду, или что сделали что-то хорошее. Всякое дело Его. Будем стоять в стороне и думать, что мы только слуги, повинующиеся Господу Богу, нашему господину, и что всякое побуждение к действию постоянно исходит от Него...» «О чем бы ты ни молился, что бы ни видел, что бы ни делал — все это предоставь Ему и будь спокоен. Будь в мире, в полном мире с собой и предоставь все свое тело, ум и все прочее Господу Богу, как вечную жертву». Вместо древнего жертвоприношения возлиянием на огонь, совершайте день и ночь это великое жертвоприношение — принесение в жертву своего маленького «я». «В поисках богатства в этом мире я нашел только одно богатство, Тебя. Приношу себя Тебе в жертву. В поисках, кого бы полюбить, я нашел только Тебя возлюбленного, приношу себя Тебе в жертву». Будем повторять это день и ночь и прибавлять: «Ничего для меня, — будь то что-нибудь хорошее, дурное или безразличное, — я не забочусь о нем и все приношу в жертву Тебе». День и ночь будем отрешаться от нашего призрачного «я», пока такое отрешение не станет нашей привычкой, пока оно не войдет в кровь, пока наши нервы, мозг и все тело не будут в каждый момент подчинены одной идее — самоотречения. Тогда идите на поле сражения, и в пылу битвы, под грохот пушек вы будете чувствовать себя свободным и спокойным, как среди глубокого мира.

Карма-Йога учит, что обыкновенное понятие о долге принадлежит к низшему плану, но что, несмотря на это, каждый из нас обязан исполнять свой долг. Мы можем, кроме того, видеть, что это странное чувство долга часто бывает причиной страданий. Долг становится нашей болезнью, постоянно влекущей нас вперед. Он захватывает нас и делает всю нашу жизнь бедствием. Он «отрава» человеческой жизни. Долг, идея долга — это полуденное солнце, опаляющее самое сокровенное человеческой души. Взгляните на бедных рабов долга. Долг не оставляет им времени ни для молитвы, ни для того, чтобы умыться, он постоянно гнетет их. Они выходят на работу с мыслью о долге и возвращаются домой с заботой о работе следующего дня. Такая жизнь — жизнь раба, падающего, наконец, под тяжестью ноши, как падает лошадь среди улицы под тяжестью клади. Это долг, как его обыкновенно понимают.

Но настоящий долг не таков. Он состоит в том, чтобы быть непривязанным и трудиться, как свободное существо, предоставляющее весь свой труд Богу. Все, что мы обязаны делать, принадлежит Ему. Счастливы мы, что присланы сюда. Мы служим нашему веку, и кто знает, служим ли хорошо или дурно. Будьте спокойны, будьте свободны и трудитесь. Этого рода свободы очень трудно достигнуть. Как легко выдавать рабство — болезненную привязанность к телу — за долг! Человек бьется и борется из-за денег или чего-либо другого, к чему чувствует привязанность; но спросите его, зачем он это делает, и он ответит: «Это мой

долг». На самом деле это просто бессмысленная жадность к деньгам и выгоде, которую он старается прикрыть цветами.

Но что же такое долг? Это побуждение тела, побуждение наших привязанностей. И когда привязанность упрочена, мы называем ее долгом. В странах, например, где нет брака, нет никакого долга по отношению к мужу или жене. Брак начинается с того, что муж и жена, вследствие взаимной привязанности, живут вместе, и этот род совместной жизни после нескольких поколений устанавливается и, установившись таким путем, становится долгом. Это род хронической болезни. Болезнь острую мы называем просто болезнью, а болезнь хроническую — природой; но она все-таки болезнь.

То же и с привязанностью: когда она становится хронической, мы окрещиваем ее благозвучным именем долга. Мы осыпаем этот долг цветами; ради него звучат трубы и произносятся священные изречения, а затем весь мир начинает борьбу, и люди грабят друг друга из-за этого долга. Долг хорош в том отношении, что сдерживает жестокость. Для низшего рода людей, не могущих иметь другого идеала, он в известной степени полезен; но те, кто хочет быть карма-йогом, могут выбросить за борт самую идею долга. Для вас и для меня нет долга. Все, что вы можете дать миру, давайте, сколько в силах, но не как долг. Не допускайте мысли об этом, не подчиняйтесь принуждению. Зачем вам принуждать себя. Все, что вы делаете по принуждению, ведет к созданию привязанности.

Зачем вам иметь какой-нибудь долг? «Предавайте все в руки Божии». «В этой ужасной геенне огненной, где долг сжигает всякого, пей чашу нектара и будь счастлив». Мы все только выполняем Его волю, и нам нет никакого дела до награды и наказания. Если вы хотите награды, вы должны получить и наказание; единственный способ избежать наказания — отказаться от награды. Единственный способ не испытывать несчастья — отбросить мысль о счастье, потому что то и другое неразрывно связано друг с другом. На одной стороне счастье, на другой — несчастье; на одной стороне жизнь, на другой — смерть. Единственное средство стать выше смерти — освободиться от любви к жизни.

Жизнь и смерть одно и то же, рассматриваемое с разных точек зрения. Идея о счастье без страданий, или о жизни без смерти хороша для школьников и ребят; но мыслящий человек видит, что вся разница здесь только в названии, и не заботится об этих противоположных по имени вещах. Не ищите ни похвалы, ни награды в ответ на свои действия вами. Мы же не успели еще сделать доброе дело, как уже начинаем желать за него славы, не успели дать денег на какое-нибудь благотворительное дело, как хотим видеть наше имя оглашенным в газетах. Результатом таких желаний неизбежно будет страдание.

Самые великие люди мира проходят неизвестными. Будда и ему подобные, каких мы знаем, были второстепенные герои по сравнению с величайшими людьми, о которых мир не знает ничего. Сотни

таких неизвестных героев жили в каждой стране, молчаливо трудясь. Молча они жили и молча ушли, но со временем их мысли нашли выражение в каких-нибудь Буддах, и только последние стали известны нам. Самые великие люди не стараются извлечь из своего знания ни известности, ни славы. Они оставили миру свои идеи, но не заявляли на них никаких претензий, не создали ни школ, ни систем своего имени, вся их природа гнушалась таких вещей. Они чистые *самтвики*, не производящие никогда никакой суеты, но только растворяющиеся в любви.

Я видел такого йога, живущего в Индии. Это один из самых удивительных людей, каких я когда-либо встречал. Он настолько утратил чувство своей индивидуальности, что человек в нем, можно сказать, совсем исчез, оставив после себя только всеобъемлющее понимание божественного. Если бы какое-нибудь животное укусило его руку, он был бы готов подставить и другую, говоря, что это воля Господня. Все, что случалось с ним, было от Господа. Он не показывается людям, но полон любви к ним и судит о них замечательно верно и снисходительно.

Дальше идут люди более деятельные, с большим *раджасом*, натуры склонные к борьбе, которые, усвоив идеи одного из совершенных, проповедуют их миру. Люди самой высшей степени молча собирают истинные и благородные идеи, а другие, как Будда и ему подобные, переходят с места на место, проповедуя их и работая ради них.

В описании жизни Гауттамы Будды мы читаем, что он постоянно называет себя двадцать пятым Буддой. Двадцать четыре, бывшие до него, не известны в истории, хотя известный истории Будда должен был строить на фундаменте, заложенном ими.

Самые высочайшие люди спокойны, молчаливы и неизвестны. Это люди, знающие силу мысли; они уверены, что если даже скроются в пещеру, запрут за собой дверь и там у них явится только пять верных мыслей, а затем они уйдут из этого мира, эти пять их мыслей будут жить вечно. И действительно, такие мысли проникнут сквозь горы, пересекут океаны, обойдут весь мир, войдут глубоко в людские сердца и головы и воспламят тысячи мужчин и женщин, которые дадут им практическое выражение в делах человеческой жизни. Эти *саттвики* слишком близки к Господу, чтобы быть деятельными и бороться, трудиться, проповедовать и делать здесь, на земле, так называемое добро человечеству.

Деятельные труженики, как бы они ни были высоки, все еще имеют в себе небольшой остаток несовершенства. Мы можем трудиться только тогда, когда наша природа еще не безусловно чиста. Природе труда свойственно быть понуждаемой каким-нибудь мотивом и привязанностью. В присутствии вечно деятельного Провидения и перед лицом Бога, замечающего даже падение воробья, как может человек придавать какое-нибудь значение своему труду. Не будет ли это богохульством,

когда мы знаем, что Он заботится о самых малейших вещах в мире. Мы должны только стоять перед Ним с благоговением и почитанием, говоря: «Да будет воля Твоя». Самые высшие люди не могут трудиться, потому что для них это привязанность. «Для тех, чья вся душа погружена в Сущего, чьи желания ограничиваются Сущим, кто всегда находится в обществе Сущего — для них не может быть никакой работы». Такие, действительно, самые высшие среди человечества; все же другие должны трудиться. Но, трудясь, никогда не следует думать, что мы можем помочь даже самому маленькому созданию во Вселенной. Это невозможно для нас; мы помогаем только себе.

Таково настоящее отношение к работе. Если мы трудимся, всегда помня, что возможность трудиться для нас милость, то никогда не будем ни к чему привязаны. Миллионы подобных вам и мне думают, что они великие люди; но все мы умрем, и через пять минут мир забудет о нас. Бог же вечен. «Кто мог бы хоть одно мгновение дышать и жить, если бы Всемогущий не захотел этого. Он — вечно деятельное Провидение; вся сила — Его сила и всегда в Его распоряжении. По Его повелению дуют ветры, светит солнце, живет земля, и по Его же повелению смерть неслышными шагами крадется по земле. Он все во всем». Мы можем только поклоняться Ему. Откажись от всех плодов труда, твори добро ради него самого; только тогда наступит совершенная непривязанность. Оковы сердца будут разбиты, и мы пожнем полную свободу. Эта свобода и есть цель Карма-Йоги.

Идеал Карма-Йоги

Самая важная идея в религии веданты — что мы можем разными способами достигать одной и той же цели. Все способы достижения общей всем религиям цели я объединяю в четыре, а именно: путь труда, путь любви, психология и знание. Надо, однако, помнить, что подразделения эти не резко разграничены и не вполне исключают друг друга, но каждое из них смешивается с другими, и их названия указывают только на главный тип, преобладающий в них. Каждый человек избирает тот способ, который более соответствует его склонностям и способностям, причем могут быть люди, способные достичь цели только одним путем, например, путем труда, но могут быть и такие, для которых возможны несколько путей, из которых они избирают тот, к которому чувствуют большую склонность. В конце концов, однако, все эти четыре пути сближаются и переходят в один.

Все религии, методы труда и молитвы ведут к одной и только к одной цели. Я уже старался выяснить, что эта цель — свобода. Все, что мы видим вокруг нас — от атома до человека, от бесчувственной частицы материи до самого высшего существа на земле — человеческой души — все стремится к свободе. Вся Вселенная, в сущности, только результат борьбы за свободу.

Во всех соединениях каждая частица стремится идти своим путем, другие частицы задерживают ее. Наша земля стремится улететь от солнца, луна — от земли. Все имеет склонность к рассеиванию, т.е. к свободе. Под влиянием этой склонности святой молится и разбойник грабит. Если идея свободы возвышенна и способ действия, избранный для ее осуществления, соответствует цели, мы называем это действие добром, в противном случае — злом.

Но в обоих случаях побуждение одно и то же — стремление к свободе. Святой подавлен сознанием своего рабского состояния, хочет освободиться от него и молится Богу. Вор подавлен мыслью, что не обладает известными вещами, старается освободиться от нужды в них и крадет. Свобода единственная цель всей природы, как чувствующей, так и бесчувственной, и, сознательно или бессознательно, все стремится к этой цели. Но, конечно, свобода, которой ищет святой, совсем не похожа на ту свободу, которой добивается разбойник; первая ведет к наслаждению бесконечным невыразимым блаженством, вторая только куёт новые цепи для души.

Во всех религиях можно найти такое стремление к свободе. Оно составляет основу всей нравственности и бескорыстия, состоящих в освобождении от мысли, что люди то же самое, что их маленькие тела. Когда человек делает доброе дело, помогает другим, это значит, что он уже не заключен внутри тесного круга «я» и «мое». Все

великие системы этики проповедуют бескорыстие как цель, к достижению которой необходимо стремиться. Но если человек достигнет абсолютного бескорыстия, что тогда будет с ним? Он уже не г-н А или Б, но нечто, бесконечно большее. Та маленькая личность, какой он был раньше, для него потеряна навеки, он вырос до бесконечности; и достижение такого роста составляет цель всех религий и всех нравственных и философских учений. Индивидуалист, слыша такую идею, философски поставленную, придет в ужас; но если сам станет проповедовать нравственность, то в конце концов начнет проводить ту же идею. Он не установит пределов человеческому бескорыстию.

Предположите, что, следуя учению индивидуализма, человек стал совершенно бескорыстен. Как мы отличим его от совершенного человека, держащегося других учений? Он слился с Вселенной, а достижение этого — цель всех учений. Только бедный индивидуалист не имеет смелости довести свои рассуждения до логического заключения.

Карма-Йога учит достижению той свободы, которая составляет предмет стремлений человеческой природы. Всякий корыстный поступок замедляет достижение этой цели, а каждое бескорыстное действие приближает к ней. Вот почему единственное определение, какое может быть дано нравственности, состоит в следующем: «То, что корыстно, безнравственно, а то, что бескорыстно, — нравственно».

Разбирая, однако, вопрос в подробностях, дело окажется совсем не таким простым. Как я уже говорил, обстоятельства часто изменяют характер действия. При одних условиях известный поступок может быть бескорыстным, а при других — тот же самый поступок будет вполне корыстным. Мы можем дать только общее определение; для выяснения же деталей надо принимать в соображение условия времени, места и окружающей среды. В одной стране известный род поведения будет нравственным, а в другой то же самое поведение безнравственно, потому что окружающие условия другие.

Цель всей природы свобода, а свобода достигается только совершенным бескорыстием; каждое бескорыстное действие, мысль, слово или дело ведут нас к цели и вследствие того называются нравственными. Это определение применимо ко всем религиям и всем системам этики.

Некоторые теории признают нравственность происходящей от Высшего Существа — Бога. Если вы спросите, почему человек должен делать это, а не то, вам ответят: «Потому что таково веление Бога». Но каков бы ни был источник происхождения правил этики, основная идея их та же самая — не думать о себе, но отрешаться от своего «я». И все-таки некоторые люди вопреки этой высокой нравственной идее приходят в ужас от мысли об отказе от своих маленьких личностей. Можно попросить человека, так сроднившегося с идеей о маленьких личностях, рассмотреть случай чело-

века, ставшего совершенно бескорыстным, который не думает о себе, ничего не делает для себя, не говорит о себе ни одного слова, и спросить его: где же его «я»? Это «я» человек сознает только в то время, когда думает о себе, действует и говорит ради себя; если же он думает только о других, о Вселенной, обо всем, кроме себя — где тогда его «я»? Оно исчезло навеки.

Карма-Йога — это нравственное и религиозное учение, имеющее целью достижение свободы путем бескорыстия и добрых дел. Она не нуждается в том, чтобы человек верил в какое бы то ни было учение. Он может не верить даже в Бога, может не спрашивать, что такое душа, не делать никаких метафизических умозаключений. Он задался своей специальной целью достигнуть состояния бескорыстия и должен вырабатывать его в себе. Каждое мгновение его жизни должно быть осуществлением этой цели, потому что ему предстоит посредством труда, без помощи каких-либо учений и теорий, разрешить ту же задачу, разрешению которой Джнан посвящает свой разум и вдохновение, а Бхакт — свою любовь.

Я не раз уже повторял, что делать добро миру мы не в состоянии. Мы можем накормить голодного, но он почувствует голод опять. Всякое удовольствие, какое вы доставите человеку, будет только временное, и никто не может навсегда излечить эти постоянно повторяющиеся пароксизмы удовольствия и страдания. Затем, как в океане мы не можем поднять волну без того, чтобы где-

нибудь в другом месте не получилось углубления, так не может быть и добра, которое бы не отразилось где-нибудь злом. Отношение всей суммы добра в мире к человеческой нужде в нем и жажде его постоянно одно и то же. Оно не может быть ни увеличено, ни уменьшено.

Возьмите историю человеческой расы, как мы ее знаем теперь. Не найдете ли вы на всем ее протяжении ту же нужду и то же благоденствие, те же удовольствия и те же страдания, то же различие положений? Не всегда ли были богатые и бедные, аристократы и плебеи, здоровые и больные? Все это одинаково у египтян и греков, у древних римлян, как и у нынешних американцев. Насколько мы знаем историю, всегда было одно и то же; и в то же время мы видим, что рядом с этим неизлечимым неравенством в распределении удовольствий и страданий всегда было стремление смягчить его.

Каждый период истории порождал тысячи мужчин и женщин, настойчиво трудившихся для облегчения жизни других. А насколько это им удалось? Мы можем играть в эту игру, только перекатывая шар с одного места на другое, — устранять страдание с физического плана и переносить его в духовный. Это похоже на ту картину Дантова ада, где скрягам дана глыба золота, чтобы они вкатывали ее на вершину холма. Каждый раз, как они вкатят ее немножко вверх, она опять скатывается вниз. Все наши толки о тысячелетнем царстве Божиим очень милы, как детские рассказы,

но не больше того... Все народы, грезящие об этом золотом веке, в то же время думают, что из всех народов мира лучше всего тогда будет им. Удивительно бескорыстное понятие о царстве Божиим!

Мы не можем прибавить счастья миру, как не можем прибавить ему и страданий. Сумма энергии удовольствия и страдания, проявляющейся здесь, на земле, всегда будет одна и та же. Мы только толкаем ее то в одну, то в другую сторону, но она останется той же, потому что это свойство ее природы; эти приливы и отливы, эти подъемы и падения — в самой природе мира. Думать иначе настолько же логично, как думать, будто мы можем жить и не умирать, — это совершенная бессмыслица, так как само истинное понятие о жизни заключает уже в себе понятие о неизбежности смерти, и истинное понятие о наслаждении заключает в себе понятие о страдании. Лампа постоянно выгорает и в этом ее жизнь. Если вы хотите жить, вы должны для этого ежесекундно умирать.

Жизнь и смерть — только различные выражения одной и той же вещи, рассматриваемой с разных точек зрения; это падение и подъем одной и той же волны; две формы одного целого. Один смотрит со стороны «падения» и становится пессимистом, другой — со стороны «подъема» и делается оптимистом. Пока мальчик ходит в школу и живет на попечении родителей, все ему кажется прекрасным; его потребности несложны, и он страшный оптимист. Но опыт охлаждает его пыл, и к

старости он является значительно разочарованным. Также и старые нации, в которых уже обнаруживаются признаки общего упадка, менее полны надежд, чем нации юные.

В Индии есть пословица — «Тысяча лет город и тысяча лет лес». Это обращение города в лес и обратно проходит во всем и делает людей оптимистами или пессимистами в зависимости от того, с какой стороны они смотрят.

Нам остается рассмотреть еще идею о равенстве. Идея о Царстве Божием на земле служила сильным побуждением к труду. Многие религии проповедовали ее, как одно из своих положений, именно, что Бог придет Сам управлять вселенной и тогда не будет решительно никакого различия в положении людей. Проповедовавшие это учение были отъявленными фанатиками, а фанатики самые искренние из людей. В основании проповеди Христианства было очарование именно этого фанатизма, и это-то и делало его таким привлекательным для греческих и римских рабов. Они верили, что при господстве религии Царства Божия рабство исчезнет и у них будет изобилие пищи и питья; это и заставляло их толпиться вокруг знамени Христианства. Те, которые проповедовали вначале эту идею, были, конечно, невежды, но невежды искренние. В новейшее время — это страстное желание Царства Божия приняло форму стремления к равенству — свободе, равенству, братству. Это тоже фанатизм. Действительного равенства никогда

не было и не будет на земле. Как можем мы все быть равными здесь? Этот невозможный род равенства равнозначен всеобщей смерти. Что делает мир таким, как он есть? Потеря равновесия. В первобытном состоянии, называемом хаосом, было полное равновесие.

Как же произошли все созидающие силы вселенной? Произошли они вследствие борьбы, соперничества, столкновений. Предположим, что все частицы материи были бы в равновесии, было ли бы тогда какое-нибудь развитие в творении? Наука говорит нам, что это невозможно. Взволнуйте поверхность воды, и вы увидите, что каждая частица воды стремится опять успокоиться, причем каждая толкает другую. Совершенно также и все явления, которые мы называем Вселенной — все в ней — стремится назад к состоянию полного равновесия. Неравенство есть настоящее основание творения. Но силы, стремящиеся к равенству, так же необходимы для создания, как и нарушающие его.

Безусловного равенства или, что то же, совершенного равновесия всех борющихся сил во всех планах существования никогда не может быть на земле. Прежде чем вы достигнете такого состояния, мир сделается непригодным ни для какой жизни и никого в нем не будет. Таким образом, все эти идеи о Царстве Божием на земле и об абсолютном равенстве не только невозможны, но если бы нам удалось осуществить их, то они привели бы нас к гибели. Что делает разницу между одним че-

ловеком и другим? В значительной степени различие мозга. В настоящее время никто, кроме сумасшедшего, не скажет, что все мы рождаемся с одинаковыми свойствами мозга.

Мы являемся в свет различно одаренными — одни более, другие менее великими людьми — и это еще до рождения predetermined различие положений устранить невозможно. Американские индейцы жили в этой стране тысячи лет, и вот маленькая горсть ваших предков пришла в их страну, и какую перемену произвела она во внешнем виде страны! Почему же индейцы не сделали таких же улучшений и не построили городов, если все равны? С вашими предками в страну пришел другой род силы мозга, пришли другие сочетания прежних впечатлений, и они выработались и проявили себя. Абсолютное безразличие — это смерть. Пока будет существовать мир, различие будет и должно существовать, и тысячелетнее царство абсолютного равенства придет только тогда, когда цикл творения закончится. До тех же пор равенства быть не может. И тем не менее, эта идея об осуществлении Царства Божия на земле — великая побудительная сила. Как неравенство необходимо для созидания, так точно необходимо для него и стремление к ограничению неравенства. Если бы не было стремления стать свободными и идти назад к Богу, не было бы никакого творения. В этом различие между двумя силами, которые определяют природу побуждений человека. Всегда будут существовать эти побуждения к труду — один влекущий к рабству и другой — к свободе.

Это колесо внутри колеса — ужасный механизм; если вы положите в него руки, то, как только вас захватит, вы погибли. Все мы думаем, что, исполнив известный наш долг, будем отдыхать. Но прежде чем сделали часть этого долга, нас ждет уже другой долг, всех тащит за собой эта мощная, сложная мировая машина. Есть только два способа освободиться от нее. Один — прекратить всякое дело с этой машиной, предоставить ее двигаться, а самому стать в стороне, отбросив всякие желания. Но это легко сказать и почти невозможно исполнить. Я не знаю, в состоянии ли это сделать один из двадцати миллионов. Другой способ заключается в том, чтобы погрузиться в мир и научиться секрету труда — это способ Карма-Йоги. Не убегайте от колес мировой машины, но станьте внутри нее и изучайте секрет работы. Работая надлежащим образом внутри машины, можно из нее выйти — есть выход через самую машину.

Мы видели, что такое работа. Она составляет часть сущности природы и продолжается всегда. Те, кто верит в Бога, понимают ее лучше, зная, что Бог не такое бессильное существо, чтобы нуждаться в нашей помощи. Хотя эта Вселенная будет всегда продолжать существование, но наша цель свобода, бескорыстие, и согласно Карма-Йоге, эта цель достигается работой, трудом.

Все идеи о том, чтобы сделать мир вполне счастливым, могут быть хороши как побудительные силы для фанатиков, но мы должны знать, что фанатизм порождает столько же зла, как и добра. Карма-йог

спрашивает, зачем вы требуете каких-либо побуждений, кроме врожденной любви к свободе. Будьте выше обыкновенных мирских побуждений. «Вы имеете право на труд, но не на плоды его». Человек может, — говорит карма-йог, — приучить себя знать и осуществлять это. Когда идея совершения добрых дел станет частью самого его существа, он не будет искать никаких внешних побуждений. Будем делать добро, потому что это хорошо. Даже тот, — говорит карма-йог, — кто делает добро, чтобы заслужить рай, привязывает себя к низу. Всякое дело, сделанное из-за какого-нибудь самого малого корыстного побуждения, вместо того чтобы освободить нас, кует еще больше цепей на наши ноги.

Итак, единственный способ достигнуть свободы — это отказаться от плодов труда, не быть к ним привязанным, не интересоваться ими. Знайте — этот мир не мы, и мы не этот мир, мы — не тело, и на самом деле работаем не мы. Мы — это Сущность, вечно находящаяся в покое и в мире. Зачем же нам быть чем-нибудь связанными? Мы не должны плакать; душа не знает слез. Не следует плакать даже от сострадания. Но нам нравятся слезы, и мы воображаем, что даже Бог проливает их на Своем Престоле. К такому Богу не стоило бы и стремиться. Зачем Ему плакать? Ведь слезы — признак слабости и рабства.

Легко говорить, что не следует ни к чему иметь привязанности, но как этого достигнуть? Всякое доброе дело, которое мы делаем без всякого расчета в будущем, вместо того, чтобы ковать новую

цепь, разобьет одно из звеньев существующих цепей. Все добрые мысли, которые мы посылаем миру, не думая о получении чего-нибудь за них, будут накапливаться, разбивать по одному звену цепи и постепенно очищать нас, пока мы не станем совершенно чистыми. Все это, однако ж, может показаться довольно сумасбродным и слишком умозрительным, больше теоретическим, чем практическим. Я читал много возражений против Бхагавад Гиты, и в числе их то, что без побудительных причин нельзя ничего совершать. Люди, говорившие это, очевидно, никогда не видели бескорыстного труда, за исключением того, который производился под влиянием фанатизма. Только поэтому они и могли говорить так.

Позвольте в заключение сказать несколько слов об одном человеке, который осуществил учение Карма-Йоги на практике. Это Будда. Только он применил Карма-Йогу в совершенстве. Все пророки мира, кроме него, имели внешние мотивы, побуждавшие их к бескорыстной деятельности. Все они, за этим единственным исключением, могут быть разделены на два разряда: одни считали себя воплощением сошедшего на землю Бога; другие — посланниками Бога; и как те, так и другие — как бы ни был возвышен в духовном отношении язык, который они употребляли, — черпали побуждение к своей деятельности извне, ожидая извне же и награды.

Но Будда был единственный пророк, который сказал: «Мне нет дела до ваших теорий о Боге и всех хитроумных теорий о душе. Делайте добро и будь-

те добрыми. Это приведет вас к свободе и ко всему, в чем истина». В его образе жизни не было и следа каких-либо личных побуждений, а кто из людей сделал больше, чем он? Покажите мне в истории хоть один характер, который так высоко парил бы над всеми. Вся человеческая раса произвела только один такой характер, одну такую высокую философию, одну такую широкую симпатию. Этот великий человек, проповедовавший самую глубокую философию, проявлял при этом удивительное сочувствие к самым низшим животным и никогда ничего не требовал для себя.

Это был идеальный карма-йог, чуждый всяких побуждений, и, как показывает история человечества, самый совершенный из известных миру людей, вмещавший в себе самые великие ум и сердце и самую громадную силу души, какие когда-либо появлялись. Он был первый великий преобразователь, какого видел мир, первый, осмелившийся сказать: «Верьте учению не потому, что оно изложено в каких-то старых рукописях, не потому, что этого требует ваша народная религия и вас заставляли с детства верить ему; но исследуйте его всесторонне, и если после этого найдете, что оно приносит добро всем и каждому, верьте ему, следуйте ему в жизни и помогайте другим согласовать с ним свою жизнь. Тот трудится наилучшим образом, кто работает без всякого побуждения, а не ради денег, славы или чего прочего. Достигнув способности так трудиться, человек станет Буддой и проявит силу работы, способную пересоздать мир. Такой человек представляет собою самый высший идеал Карма-Йоги.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ВЕДАНТА

Меня просили сказать хотя бы несколько слов о практическом значении философии веданты. Я говорил уже, что, как теория, философия она, несомненно, хороша; но как применить ее на практике? Всякая теория, если она непрактична, решительно ничего не стоит, за исключением разве того, что может служить гимнастикой для ума. Поэтому и веданта, чтобы стать религией, должна быть вполне практична и применима во всех областях нашей жизни. Однако этого еще недостаточно; веданта проповедует единство жизни во всем, и, следовательно, раз она становится религией, кажущееся различие между религией и жизнью должно исчезнуть. Религиозные идеалы должны охватывать все поле жизни, проникать к каждой

нашу мысль и все больше и больше выражаться в нашей деятельности.

Дальше я перейду постепенно к практической стороне веданты; но настоящая серия лекций предназначена быть основанием учения, и потому нам следует, прежде всего, рассмотреть теории и проследить, как они вырабатывались, зарождаясь в лесах и переходя на улицы шумных городов. Заметим, впрочем, что многие из них получили свое начало не в уединенных убежищах лесов, а исходили с тронов, от людей, занятых больше чем кто-нибудь другой в этой полной суеты жизни, — от царей.

Светакету был сын Аруни, мудреца и — вероятнее всего — отшельника. Он вырос в лесу, но потом пошел в город Панчалас и там явился ко двору царя Правахана Джайвали. Царь спросил его: «Знаешь ли ты, как люди уходят отсюда, умирая?» — «Нет, господин». — «Знаешь ли, как мертвые возвращаются сюда?» — «Нет, господин». — «Знаешь ли, как живут отцы и боги?» — «Нет, господин». Тогда Светакету были предложены другие вопросы, и, так как он не мог на них ответить, то царь сказал ему, что он ничего не знает. Мальчик отправился назад к отцу, передал ему разговор с царем, и отец сказал ему, что и он не знает, как ответить на вопросы царя. После того, они оба отправились к царю и просили его научить их этой премудрости. Царь сказал им, что эта наука, эта философия, была до сих пор известна только царям, даже жрецы ничего не зна-

ли о ней. Тем не менее, он стал учить их тому, что сам знал по этому предмету.

Таким образом, в разных Упанишадах мы находим одну и ту же мысль, что философия веданты представляет собою не результат размышлений в лесах, но большею частью была продумана и изложена умами, больше всего занятыми нашими житейскими делами. Мы не знаем людей более занятых, чем абсолютные монархи, неограниченно властвующие над миллионами народа, а вместе с тем, эти правители были и глубокими мыслителями.

Это уже показывает, что философия веданты должна быть очень практична. Позже, когда мы дойдем до Бхагавад Гиты, заключающей в себе лучшие комментарии к философии веданты, с которыми вы, может быть, уже знакомы, мы найдем сцену того, как на поле битвы Кришна учит этой философии Арджуну. На каждой странице Гиты мы увидим ясно выраженное требование самой напряженной деятельности, в основании которой лежит безусловное спокойствие. Эта идея называется секретом труда, и осуществление ее составляет цель веданты. Бездеятельность, понимая ее в смысле пассивности, не может быть целью. Если бы она составляла цель, стены, нас окружающие, оказались бы более разумными, чем мы, так как они бездеятельны. Глыба земли, древесный пень были бы величайшими мудрецами, потому что они инертны. И бездеятельность не становится деятельностью, хотя бы и сопровождалась страстью.

Настоящая деятельность, составляющая цель веданты, соединена с неизменным спокойствием, тем спокойствием, которое не может быть расстроено, тою уравновешенностью ума, которую ничто происходящее вокруг не в состоянии нарушить. И мы все, из собственного житейского опыта, знаем, что это лучшее состояние для работы. Меня часто спрашивали, как можно работать, если не испытываешь страсти, которая обыкновенно чувствуется при работе. Я так же думал много лет назад; но став старше и более опытным, я нашел, что это неверно. Чем меньше страсти, тем лучше идет работа. Чем мы спокойнее, тем лучше себя чувствуем и тем больше сделаем. Давая свободу нашим чувствам, мы тратим много энергии, расшатываем наши нервы, беспокоим ум и производим очень мало работы.

Энергия, которая должна перейти в действие, тратится, как ничего не приносящее чувство. Вся энергия расходуется полезно только тогда, когда ум вполне спокоен и сосредоточен. И, читая биографии величайших деятелей, каких когда-либо создавал мир, вы видите, что все они были удивительно спокойные люди; ничто не могло вывести их из равновесия. Если человек сердится, он многого не сделает; не склонный же сердиться всегда работает успешнее. Всякий поддающийся гневу, ненависти, или какой-либо другой страсти, не в состоянии трудиться с пользою; он только изводит себя, не достигая никаких результатов. Наибольшее количество работы производит спокойный, уравновешенный ум.

Веданта указывает идеал, а идеал, как мы знаем, всегда далек от всего реального, или, как говорят, практичного. В окружающей нас среде мы замечаем два стремления: одно — приспособить идеал к жизни, и другое — согласовать жизнь с идеалом. Помнить это чрезвычайно важно, так как эти стремления являются для нас серьезными искушениями. Я думаю, что мог совершать только известный род поступков, большая часть которых дурны, будучи результатом страстей, гнева, ненависти или эгоизма. И вот, если кто-нибудь придет ко мне проповедовать идеал, прежде всего требующий, чтоб я отказался от своего эгоизма, от потворства своим страстям, я найду этот идеал непрактичным. Но когда человек явится с идеалом, оправдывающим мой эгоизм, примиряющим меня со всеми моими подлостями, я тотчас обрадуюсь и с жадностью наброшусь на его идеал: он окажется для меня самым подходящим.

Слову «практический», подобно слову «правоверный», придается разное значение. «Моя религия — правоверна, ваша — ересь». То же и с практичностью. Только то и практично, что я считаю таким. Если я лавочник, для меня единственное практичное занятие — торговля. Если я вор, я считаю практичным знанием только умение красть; все остальное непрактично. Все мы употребляем слово «практичный» в применении к тому, что мы в данном положении и обстоятельствах можем делать. Поэтому я попрошу вас усвоить, что веданта, хотя и чрезвычайно практична, но только в смысле идеала. Проповедываемый ею идеал, как он ни

высок, не недостижим, и все-таки он достаточно высок для идеала.

Результат всего учения веданты выражается в словах: «Ты — Тот!», то есть ты — Бог! Все отдельные ее рассуждения и умозаключения приводят нас к понятию о душе, чистой и всеведущей; она нам показывает, что такие суеверные представления, как рождение и смерть, — чистая нелепость, когда мы говорим о душе. Душа никогда не рождается и никогда не умирает, и такие мысли, как «я должен умереть», или «я боюсь умереть», — просто предрассудки. Предрассудок также мысль: «я не могу это сделать или не сделать». Я могу сделать все. Веданта, прежде всего, говорит человеку, чтоб он верил в себя. Некоторые религии называют человека, неверующего в личного Бога, атеистом; веданта же говорит, что атеист тот, кто не верует в себя. Атеизмом веданта называет *отсутствие веры в величие вашей собственной души*. Для многих это, без сомнения, ужасная идея, и большинство из нас думает, что такой идеал никогда не может быть достигнут; но веданта утверждает, что он достижим для каждого нас. Ни различие расы, пола, или возраста, ни что-либо другое не составляет препятствия к осуществлению этого идеала, так как эта философия показывает, что он уже осуществлен.

Все силы во вселенной уже принадлежат нам. И мы сами закрываем себе руками глаза и кричим, что темно. Знайте, что вокруг нас нет тьмы. Уберите руки от глаз, и вы увидите, что свет всегда окру-

жал вас, а тьма и слабость никогда не существовали. Мы безумцы, когда кричим, что мы слабы; безумцы, когда кричим, что мы порочны. Веданта настаивает, что не только этот идеал осуществим, но что он всегда был таким, и что, представляясь идеалом, он на самом деле — действительность, наша собственная природа. Все прочее, что вы видите, не настоящее, фальшивое. Утверждая: «я ничтожное смертное существо», вы говорите неправду, обманываете, гипнотизируете себя, заставляя думать, что вы нечто гадкое, слабое, жалкое.

Веданта не признает никакого греха, никакого заблуждения и утверждает, что величайшее заблуждение является только тогда, когда вы говорите, что вы слабы, что вы грешное, несчастное создание, или что у вас нет силы, и вы не можете сделать то или это. Всякий раз, когда вы думаете так, вы, так сказать, приклепываете лишнее звено к цепи, которая удерживает вас внизу, накладываете на вашу душу новый слой гипноза. Поэтому неправ тот, кто думает, что он слаб или порочен; он вносит в мир дурную мысль. Мы не должны забывать, что веданта вовсе не старается примирить с настоящей жизнью, жизнью гипноза, ложною жизнью, которую мы считаем идеалом; эта фальшивая жизнь должна исчезнуть, а вместо нее должна проявиться и засиять реальность, всегда находящаяся позади нее. Ни один человек не становится чище; он только кажется более или менее чистым, в зависимости от большего или меньшего проявления его совершенной чистоты. Зло спадает, и природная чистота души начинает проявляться. У нас

уже есть бесконечная чистота, равно как свобода, любовь и могущество.

Веданта говорит также, что это может быть осуществлено не только в дебрях лесов или в глубинах пещер. Мы только что видели, что первые, открывшие нам эти истины, не жили ни в лесах, ни в пещерах и даже не вели обыкновенный образ жизни. Наоборот, есть полное основание думать, что это были самые занятые люди, командовавшие армиями, занимавшие троны и заботившиеся о благосостоянии своих подданных, и это в дни абсолютных монархий, а не теперь, когда короли, в большинстве случаев, уравнены в своем влиянии на ход событий с теми эффектными, но лишенными всякого значения фигурами, которые помещались раньше на носовой части кораблей... И при всем том они находили время обдумывать эти идеи, осуществлять их и проповедовать человечеству. Насколько же осуществимее они для нас, чья жизнь, сравнительно с их жизнью, постоянный досуг! Для нас позор, что мы не можем их осуществить, имея сравнительно свободное время и немного дел. Мои нужды — ничто, по сравнению с нуждами каждого из тех древних абсолютных монархов. Можно ли сравнивать требования от меня с тем, что требовалось от Арджуны на поле сражения при Курукшетре, когда он командовал огромной армией и все-таки находил время, среди шума битвы, беседовать о самых высших философских вопросах и проводить их в жизнь. Мы в нашей, сравнительно свободной и значительно более легкой и удобной жизни, не имеем права делать меньше.

Большинство из нас имели бы больше, чем мы думаем, возможности делать добро, если бы только захотели употребить на это наше время. При желании и том количестве свободного времени, которым располагаем, мы в течение этой жизни достигли бы двухсот идеалов. Но мы не должны принижать идеал до действительности. Это один из самых опасных, незаметно вкрадывающихся, соблазнов. Он является к нам в образе лиц, оправдывающих нас и подсказывающих нам специальные извинения для каждого нашего безумного желания, пока мы не станем думать, что мы сами представляем собою единственный идеал, какой только может быть у нас. Но это не так. Веданта учит не этому. Действительность, наоборот, должна приноравливаться к идеалу, настоящая жизнь — к жизни вечной.

Следует всегда помнить, что главная идея веданты — Единство. Ни в чем нет двух: нет двух жизней, ни даже двух родов жизни для двух разных миров. В некоторых Ведах говорится о небесах, но это только в начале; а дальше, когда доходит дело до самых высших идеалов их философии, все такие вещи отбрасываются. Есть только Одна Жизнь, Один Мир и Одно Существование. Все представляет собою Единство, и различие бывает только в степени, а не в роде. Отличие одной жизни от другой — не различие в роде. Веданта решительно отвергает идеи, вроде той, что животные представляют собою нечто совсем особое от людей, и что они сотворены Богом, чтобы служить для нас пищею.

Некоторые люди были настолько добросердечны, что основали общество противников вивисекции, и, когда я однажды спросил члена этого общества: «Как это, мой друг, вы считаете законным убивать животных для еды и недозволенным убить одно или два из них для научных исследований?», он отвечал мне: «О, животные даны нам в пищу, вивисекция же — это нечто ужасное». Но единство включает и всех животных. Если бессмертен человек, то бессмертны и животные. Различие здесь только в степени, а не в роде. Амеба то же самое, что и я; разница между нами в степени, а не в роде, и — с точки зрения высшей жизни — все это различие исчезает. Человек может видеть огромную разницу между стеблем травы и маленьким деревом, но, если вы подниметесь очень высоко, то трава и самое большое дерево покажутся вам одним и тем же. С самой высшей точки зрения, таким же образом, все идеалы одинаковы, и, если вы верите, что есть Бог, то самое низшее животное и высочайшее Его творение должны быть одинаковы, иначе Он вовсе не Бог. Бог, пристрастный к Своим детям, которые называются людьми, и такой жестокий к детям же, называемым животными, был бы хуже демона. Я скорее согласился бы сто раз умереть, чем поклоняться такому богу. Вся моя жизнь была бы войною против такого бога. Но это не так. Те, кто говорит это, не знают, что говорят. Это бессердечные люди, безответственные вследствие своего невежества. Здесь вы видите употребление слова «практический» в ложном смысле.

Мы нуждаемся в еде. Я сам могу не быть строгим вегетарианцем, но мне понятен идеал. Когда я ем мясо, я знаю, что это дурно. Если меня к этому даже принуждают обстоятельства, я все-таки сознаю, что это дурно. Но это не то, что принижать идеал к действительности и стараться оправдывать свою слабость, я при этом не тяну идеала вниз. Идеал заключается в том, чтобы не есть мяса, не причинять страданий никакому существу. Животные, будь то кошка или собака, мои братья. Если вы так смотрите на них, вы сделали шаг вперед к братству всех душ, не говоря уже о братстве людей. Но это рассуждение назовут ребячеством, и оно многим придется не по вкусу, потому что проповедует отказ от действительности и возвышение к идеалу. Если же вы предложите теорию, примиряющую ваше теперешнее поведение с идеалом, вам скажут, что она очень практична.

В человеческой натуре есть ужасная склонность к консерватизму: мы не любим делать шаг вперед. Человечество представляется мне собранием людей, замерзающих в снегу, о которых я когда-то читал. Говорят, что их сильно клонит в сон и, когда их стараются насильно разбудить, говорят: «Дайте мне спать. Так прекрасно спать в снегу!» — и во сне умирают. То же происходит и со всеми нами. Мы в течение всей жизни постоянно замерзаем, начиная с ног, и нам все хочется спать. Но мы должны проснуться и стремиться к идеалу, а если кто-нибудь сводит идеал до нашего уровня, если кто-нибудь учит вас, что религия — не высший идеал, не слушайте его. Их религия, по-моему, не-

практична. Если же человек говорит, что религия требует осуществления самых высших идеалов в жизни, я с ним согласен. Такой религии надо следовать, беречь ее. Остерегайтесь тех, кто старается оправдывать тщеславие и чувственные слабости; если вы последуете их учению, вы никогда не продвинетесь вперед. Я много видел таких примеров и довольно опытен в этом отношении, так как на моей родине секты растут, как грибы. Каждый год появляются новые секты. Но я заметил, что только те из них получают распространение, которые не стараются примирить человека *плоти* с человеком истины. Везде, где возникает ложная идея примирения плотской суеты с высшими идеалами, низведения Бога до уровня человека, везде является *болезнь*. Человека следует не унижать до состояния, в котором он находится, но поднимать до Бога.

При этом мы не должны смотреть с презрением или свысока на других. Все мы идем к цели, и разница между слабым и сильным, между светом и тьмою, между добродетелью и пороком, небом и адом, жизнью и смертью, между всем, противоположным в этом мире — только в степени, а не в роде, так как все — одно. Будь то мысль, жизнь, душа или тело — разница только в степени. А, раз это так, мы не имеем права смотреть свысока на тех, кто не достиг той же степени, что мы. Не осуждайте никого; если можете протянуть кому-нибудь руку помощи, протяните ее; если не можете, сложите ваши руки, благословите его и предложите ему следовать своею дорогой. Осуждение

и порицание дурной спутник работы. При них работа никогда не может быть выполнена.

Порицая других, мы растрчиваем собственную энергию; и со временем узнаем, что все мы имеем в виду одно и то же, все более или менее приближаемся к одному и тому же идеалу, и что наибольшее между нами различие только в словах. Возьмите даже только что высказанное мною понятие веданты о грехе, и другое: что человек — грешник. Практически они одинаковы, только одно из них ошибочно в направлении. Распространенное суеверие рассматривает отрицательную сторону, а веданта — положительную. Одно показывает человеку его слабости, другая — говорит, что слабости возможны, но несмотря на них нам предназначено расти. Как только человек родился, в нем уже замечается болезнь. Каждый знает ее сам и не нуждается, чтобы о ней говорили ему другие. Мы можем забыть о чем-нибудь для нас постороннем, можем стараться обмануть других, но в глубине нашего сердца все сознаем наши недостатки, Напоминание о наших слабостях, — говорит веданта, — не поможет; нам нужно лечение. Лечение же от слабости состоит не в том, чтобы заставлять человека постоянно думать, что он слаб, а в том, чтобы он думал о своей силе. Говорите ему о силе, которая уже есть в нем. Вместо того чтобы говорить людям, что они грешники, веданта учит, наоборот: «Вы чисты и совершенны, и все, что вы называете грехом, не ваше». Это только очень слабая степень вашего проявления; проявляйтесь в насколько возможно сильнейшей

степени. Это единственная вещь, которую надо помнить, и каждый из вас может это делать. Никогда не говорите: «у меня нет», никогда не говорите «я не могу». Этого не может быть, так как вы бесконечны. Даже время и пространство — ничто, сравнительно с вашей природой. Вы можете делать все, вы всемогущи.

Это, конечно, только принципы этики, и мы должны войти в более детальное их рассмотрение. Нам надо рассмотреть, как применить веданту к нашей повседневной жизни каждого народа, так как, если религия не может помочь человеку во всех положениях и обстоятельствах, от нее мало пользы, — она будет только теорией для немногих избранных. Чтобы помогать человеку, религия должна быть способна помогать всегда и везде, на службе и в совершенно свободной жизни, при самом глубоком падении и при самой высшей чистоте, и только когда принцип веданты, идеал религии, или как бы вы его ни называли, будет осуществлен. Этот идеал веры в себя представляет собою самую великую помощь, какая может быть оказана человечеству. Я убежден, что, если бы вере в себя более настойчиво учили, и она более широко применялась, огромная часть наших бедствий и страданий исчезла бы. Вся история человечества показывает, что, если в жизни великих людей с самого их рождения преобладала какая-либо побудительная сила, то эта сила была верою в себя. Они уже родились с сознанием, что должны быть великими, и стали великими. Пусть человек падает как угодно низко, но наступит время, когда,

после настоящего отчаяния, кривая его падения примет направление вверх, и он научится верить в себя. Лучше, однако, если мы знаем это с самого начала. Зачем нам подвергаться всем этим горьким испытаниям для получения веры в себя? Мы видим, что все различие между людьми заключается в существовании или несуществовании у них доверия к себе. Вера в себя делает все.

Я испытал это на себе и, по мере того, как становился старше, эта вера во мне делалась все крепче и крепче. Кто не верит в себя — атеист. Старые религии говорили, что атеист тот, кто не верит в Бога; новая религия говорит, что атеист тот, кто не верит в себя. Но это не эгоистичная вера, потому что веданта есть учение о Единстве. Она предполагает веру не только в себя, но и во всех людей, животных и во все, потому что вы и все прочее — одно. Любовь к себе, значит, любовь ко всем и всему. Я уверен, что эта великая вера сделает мир лучшим. Лучший человек тот, кто осмеливается говорить: «Я знаю о себе все». Знаете ли вы, сколько способностей, сил и энергии таится позади вашей формы? Что знают ученые о том, что есть в человеке? Прошли миллионы лет с тех пор, как появился на земле человек, и до сих пор проявилась только бесконечно малая часть его способностей. Поэтому, как смее вы говорить, что вы слабы? Откуда вы знаете, что находится за этой испорченной поверхностью? Что вы знаете о том, что внутри вас? Позади вас — целый океан бесконечного блаженства и могущества.

«Атман — то, к чему надо прежде всего прислушиваться и о чем надо слушать». Слушайте день и ночь, что вы — Душа. Повторяйте это себе день и ночь, пока эта мысль не войдет в вашу кровь, пока не будет звучать при каждом биении вашего сердца, пока не проникнет в ваши мускулы и кости. Пусть все ваше тело наполнит одна эта мысль: *«я нерожденная, бессмертная, блаженная, всеведущая, вечнопрекрасная Душа»*. Думайте об этом день и ночь; думайте, пока эта мысль не станет частью вашей жизни. Размышляйте о ней, и она обратится в дело. От полноты сердца уста говорят, и от полноты же сердца руки делают, — мысль переходит в дело. Проникнитесь этою идеею и, что бы ни делали, думайте о ней. Все ваши действия преобразуются, обожествятся, усилятся и станут выше одной силою мысли. Если материя могущественна, мысль всемогуща. Усвойте эту мысль и проникнитесь сознанием своего могущества, величия и славы. Дай Бог, чтобы противоположное суеверие никогда не запало вам в голову. Дай Бог, чтоб при самом рождении мы не были окружены суеверными влияниями, этими парализующими идеями о нашей слабости и порочности. Дай Бог, чтобы человечество шло более легкою дорогой к достижению самой благородной и высокой истины. Но человек должен пройти через все это; не делайте же эту дорогу еще более трудной для тех, кто пойдет после вас.

Эти учения иногда кажутся ужасными. Есть люди, которых они путают; но для тех, кто хочет быть практичным, они представляют то, что надо осу-

существовать прежде всего. Не говорите ни себе, ни другим, что вы слабы. Если можете, делайте добро, но ни в каком случае не приносите миру вреда. Вы сознаете в глубине сердца, что многие из ваших ограниченных идей, идей о смирении и слезных мольбах перед воображаемыми существами — суеверие. Укажите мне хоть один случай, когда на такие мольбы получен ответ. Все ответы, которые вы когда-либо получали, исходили из вашего собственного сердца. Все вы знаете, что никаких привидений нет, но как только вы остаетесь в темноте, вы испытываете легкое ощущение тревоги. Это потому, что в детстве все эти идеи о страхе вложены нам в голову. Но теперь правилом вашего поведения должно быть никогда не вселять в других подобных идей какого бы то ни было рода, ни боязни общества или общественного мнения, ни ненависти друзей, ни утраты предрассудков. Будьте выше всего подобного.

Что же еще есть в религии, чему нужно научиться? — *Единство вселенной и вера в себя, вот все, что нужно знать.* Все, что делало человечество в течение миллионов лет, было направлено к одной цели, — познать Единство, и люди до сих пор работают над этим. Теперь эта цель достигнута; Единство признано всеми; нас учат ему со всех сторон. Не только философия, но и материалистические науки ежедневно заявляют о нем. Где вы найдете в наши дни ученого, который бы осмелился не признать этой истины — Единства вселенной? Кто посмеет толковать о многих мирах и т.п.? Все это были суеверия. Есть только одна

жизнь и один мир, и эта одна жизнь и один мир кажутся нам многими, совершенно так, как, когда вы спите, один сон проходит и приходит другой. Вы не живете в ваших снах, но перед вами проходит один сон за другим, разворачиваются одна за другой сцены.

То же происходит и в нашем мире, этом мире, в котором девяносто процентов страданий и десять процентов счастья. Может быть, через некоторое время он покажется нам состоящим на девяносто процентов из счастья, и мы назовем его небом; но для мудреца настанет другое время, когда все исчезнет, и весь мир, и его собственная душа представится самим Богом. Поэтому нет многих миров и многих жизней. Вся эта множественность есть только проявление Одного. Этот Один проявляется как многое, в материи, духе, уме, мысли и во всем; и наша первая практическая задача состоит в том, чтобы самим усвоить это и научить ему других. Пусть мир откликнется на этот идеал, и пусть исчезнут суеверия. Говорите о нем слабым, повторяйте им: Ты чист. Встань! Проснись! То, что тебе снится, не ты. Оно совсем на тебя не похоже. О, могущественный, встань и иди вперед. Ужели ты считаешь себя слабым? Проснись! Поднимись, всемогущий, и прояви свою натуру! Не годится считать себя грешником, слабым. Говорите это миру, говорите себе, и посмотрите, какой будет результат, как все проявится с быстротою электрической вспышки, как все изменится. Говорите это человечеству и покажите ему его силу, и тогда вы научитесь применять ее в вашей повседневной жизни.

Дальше мы придем к тому, что мы называем *Вивека*. Мы научимся в каждый момент нашей жизни, в каждом нашем действии, различать правильное от неправильного, истинное от ложного, и узнаем, что *отличительный признак истины — чистота, Единство*. Все, что ведет к Единству — истина, Любовь — истина, а ненависть — ложь, потому что ненависть создает рознь. Она разделяет вас от меня, и поэтому она ложь. Ненависть — сила раздробляющая, — она разделяет и разрушает.

Любовь связывает, создает Единство. Мать и дети, семья и город становятся одним. Все человечество становится одним с животными, потому что любовь есть существование, любовь — Сам Бог, а все существующее — проявление любви, более или менее, выраженной. Различие только в степени; всякая любовь — проявление одной Всеобщей Любви. О всяком поступке мы должны судить по тому, влечет ли он за собою различие или Единство. Если он ведет к различию, мы должны отказаться от него, если к Единству, — это хороший поступок. То же и с мыслями. Мы должны выяснить, ведут ли они к разделению на многое, или к единству, к слиянию душ и подчинению общему влиянию. В последнем случае, мы принимаем их, в первом — отбрасываем, как преступные.

Вся идея этой этики не основана на чем-нибудь недоступном познанию и не учит ничему неизвестному, но только тому, что у Св. Павла выражено словами: «Я проповедую вам о Том, Кому вы поклонялись как неведомому Богу». Вы можете

знать что-нибудь только через я. Я знаю о существовании этого стула; но прежде должен знать о своем я, и уже потом о стуле. Стул известен только в я и через я. Я знаю о вас только в себе и через себя, знаю обо всем мире только в себе и через себя; а потому говорить, что это я неизвестно, чистая бессмыслица. Устраните я, и вся вселенная исчезнет. Все знание получается в я и через я. Поэтому я известно больше, чем что-либо другое. Вы сами — то, что называете моим я. Вас, пожалуй, удивляет, как это ограниченное я может быть безграничною бесконечностью; но это так. Ограниченное я только фикция. Я было скрыто, но и маленькая часть его проявилась, как я, но это последнее только часть бесконечного Я. Ограниченное я не оказывает никакого действия на неограниченное; ограниченное — это фикция. Поэтому я известно каждому из нас, мужчинам, женщинам, детям и даже животным. Без знания этого Властелина, мы не могли бы ни двигаться, ни дышать, ни жить хотя бы секунду, так как Он должен быть налицо, чтобы заставлять нас двигаться, думать и жить. Известный больше, чем что-либо другое, Бог веданты вовсе не продукт воображения.

Если это не проповедь познанного опытом Бога, то какое другое учение о Нем вы могли бы предложить? Бог вездесущ, присутствует во всех существах и более реален, чем наши чувства. Где более настоящий Бог, чем Тот, Которого я вижу перед собою? Вы — Он, Вездесущий, Всемогущий Бог, Душа вашей души. И если я скажу, что вы не Он, я скажу неправду. Я знаю это, всегда ли это очевидно для

меня или нет. Он — Единство, объединение всего, сущность всей жизни и всего существования. Эти идеи этики веданты следует рассмотреть в подробностях, и потому вы должны иметь немного терпения. Детальное и основательное исследование этого предмета нам необходимо, как я уже говорил вам, для того, чтобы видеть, как идеалы росли с самого их зарождения, как из существовавших идей возник один Великий Идеал Единства, и как он принял форму Всеобщей Любви. Этот идеал мы должны исследовать со всех сторон, чтобы избежать опасных ошибок. Мир не может не спешить подниматься вверх от самых низших ступеней.

Какая польза от того, что мы занимаем высшее положение, если мы не в состоянии передать открытых нами истин другим, идущим за нами. Поэтому лучше изучить предмет во всех его применениях, и прежде всего безусловно необходимо составить ясное понятие о его интеллектуальной стороне, хотя мы и знаем, что интеллектуальность почти ничто, а наибольшую важность имеет сердце. Бог видим сердцем, а не интеллектом. Интеллект только метельщик, очищающий для нас путь; он подручный рабочий, сторож, полицейский. Но полицейский не представляет собою положительную необходимость для образования общества. Его назначение в нем — прекращать беспорядки, препятствовать нарушению справедливости. Работа, требуемая от интеллекта, та же самая. Когда человек читает умную книгу, он, одолев ее, думает: «Слава Богу, мне не надо читать ее больше!» — потому

что интеллект слеп и не заключает в себе движения. У него нет ни рук, ни ног. Деятель — чувство, движущееся со скоростью большею, чем электричество. Весь вопрос в том, чувствуете ли вы. Если да, чувством вы узрите Бога. Чувство, которое есть у вас в настоящее время, вы должны усиливать, обожествлять, развивать до самой высокой степени, пока не начнете чувствовать всего, единства во всем, Бога в себе и в других. Интеллект не может сделать этого. «Различные методы выражения, различные способы объяснения текстов книг служат для удовольствия ученых, но не для спасения души».

Те из вас, кто читал Фому Кемпийского, видели, что он на каждой странице повторяет это, — и почти каждый великий человек утверждал то же. Разум необходим, потому что без него мы впадаем в грубые заблуждения и делаем всякого рода ошибки. *Он удерживает от них; но не пытайтесь строить на нем что-нибудь. Он недействительное второстепенное средство; действительное средство — чувство, любовь.* Чувствуете ли вы за других? Если чувствуете, вы делаете успехи в объединении. Если нет, вы можете быть величайшим умственным гигантом, какой когда-либо родился, но из вас не выйдет ничего: вы сухой разум, и им же останетесь. Если же вы чувствуете, то, даже не умея читать, и не зная ни одного языка, вы на правильном пути, вы обрели Бога.

Вам известно влияние пророков на историю человечества. Чем оно произведено? Умом ли их? Написали они хоть одну изящную книгу по филосо-

фии или сложное рассуждение по логике? — Ни один ничего подобного не делал. Они и сказали-то всего горсть слов. Чувствуйте, как Христос, — и вы будете Христом; чувствуйте, как Будда, — и вы будете Буддой. Чувство — это жизнь, сила, без которых никакими умственными усилиями нельзя постичь Бога. Разум похож на члены тела, которые могут двигаться и касаться других только тогда, когда в них войдет чувство и сообщит им движение. Этот путь (к познанию Бога) был всегда и во всем мире, и вы должны помнить его. Веданта учит, что все вы пророки и должны быть пророками. Это самая практическая ее мораль.

Книга не ценитель вашего поведения, — вы оцениваете книгу. Почему вы знаете, что книга проповедует истину? — Потому, что вы осуществляете эту истину и чувствуете ее. Это то, чему учит веданта. Какое доказательство истины Учения Христа и Будды? — То, что я и вы чувствуете так же, как Они. Вот почему мы знаем, что они были правы. Наша собственная пророк-душа свидетельствует об их пророке-душе. Наше собственное божественное естество свидетельствует о Самом Боге. Если вы не пророк, то никогда не было ничего верного о Боге. Если вы не Бог, то никогда не было и не будет никакого Бога. Это идеал, — говорит веданта, — которому надо следовать. Каждый из нас должен быть пророком, и вы уже пророки. Только знайте это. Никогда не думайте, что может быть что-нибудь невозможное для души. Говорить так — величайшая ересь. Если грех есть, то только один, — именно, говорить, что я, или другие, слабы.

Часть 2

Позвольте прочесть вам очень древний рассказ из Чхандогья Упанишада о том, как один мальчик приобрел знание. Рассказ этот очень необработан по форме, но он поясняет один великий принцип. Маленький мальчик сказал своей матери: «Я хочу изучать Веды; скажи мне имя моего отца». Мать была незамужняя, а в Индии на детей таких женщин смотрят, как на негодную ничтожность, неспособную чему-нибудь научиться вообще, а тем более изучать Веды. Мать ответила: «Дитя, мое, я не знаю твоей фамилии. Я была служанкой, служила в разных местах и не знаю, кто был твой отец. Мое же имя Джабала». Ребенок пошел к ученым и просил принять его учеником. Они спросили его: «скажи, дитя, какой ты касты и как зовут твоего отца?» Мальчик ответил: «я спрашивал об этом мать, и она сказала мне вот что». При этом он передал то, что слышал от матери. Большинство ученых были смущены ответом и не знали, что сказать; но один подозревал мальчика и сказал ему: «Ты сказал правду, не уклонился от пути чести, и так как таких называют браминами, то ты брамин, и я буду учить тебя». Он принял мальчика, обучил его и, так как тот сказал правду, дал ему новое имя — Сатьякама — жаждущий истины.

Затем в этом рассказе приводятся способы древнего обучения. Этот учитель дал Сатьякаме под присмотр несколько сот коров и послал его с ними

в лес, сказав, чтоб он вернулся, когда стадо увеличится до тысячи голов. Тот пошел и жил в лесу. Спустя несколько лет, Сатьякама однажды услышал голос одного большого быка из стада, говорящего ему: «Нас теперь тысяча, гони нас назад к твоему учителю, а пока я тебе сообщу кое-что о Брахмане». — «Говори», — сказал Сатьякама. Тогда бык сказал: «Север есть часть Господа, также как восток, запад и юг. Четыре главные точки — четыре части Брахмана. Большему тебя научит огонь». В то время огонь был великим символом, и каждый учащийся должен был добывать огонь и совершать ему приношения. Поэтому бык и сказал: «огонь научит тебя чему-то». Сатьякама вернулся и, сделав возлияния и помолившись огню, сел около него. Тогда из огня раздался голос: «Сатьякама!» — «Говори, господин», — сказал Сатьякама. — Вы, вероятно, помните подобную же историю в Ветхом Завете, как молодой Самуил слышал таинственный голос. — «Я пришел, о Сатьякама, поучить тебя немного о Брахмане. Эта земля — часть Брахмана, небо и небеса — части Его. Океан — часть Брахмана». Затем огонь сказал, что некая птица научит его остальному. Сатьякама пошел домой, там к нему прилетел лебедь и сказал: «Позволь мне поучить тебя кое-чему о Брахмане. Огонь, которому ты поклоняешься, — часть Брахмана. Солнце, луна, молния — части Брахмана. Птица Мадгу скажет тебе больше». Прилетела эта птица, и Сатьякама опять услышал голос. «Позволь мне сказать тебе нечто о Брахмане. Жизнь — часть Брахмана, зрение, слух и ум — Его части». Тогда мальчик вернулся к своему учителю,

и тот увидел его издали и сказал: «Дитя мое, твое лицо сияет, как у познавшего Брахмана». Мальчик просил учить его дальше, и учитель ответил: «Ты уже знаешь часть истины».

Читая дальше, мы видим, что здесь в форме аллегории проводится мысль, что все, чему учили бык, огонь и другие, находится в нашем собственном уме. Ученик, наконец, открывает, что все, что он слышал, верно, но что он ошибочно считал, будто голоса исходили от внешнего мира; на самом же деле, они все время раздавались внутри его самого, из его сердца. Вторая идея заключается в том, что понятие о Брахмане, как Единстве, должно быть доступно среднему пониманию. Древняя Индийская мысль постоянно стремилась к такому объяснению религии. Читая эти истории, мы видим, что Брахман с каждым днем становится все более и более понятным. Идея о Нем выясняется всем, с чем люди уже знакомы: огнем, которому они поклоняются, землею и т.д.

Дальше рассказывается об ученике этого Сатьякамы, жившего некоторое время и учившегося у него. Один раз Сатьякама ушел куда-то ненадолго, и ученик очень опечалился. Когда жена учителя пришла к нему и спросила, почему он не ест, он отвечал: «Я слишком несчастлив, чтобы есть». Тогда из огня, которому он поклонялся, послышался голос: «эта жизнь — Брахман; Брахман — эфир и Брахман — пространство. Познай Брахмана!» «Я знал», — отвечал ученик, — «что жизнь — Брахман, но что Он — эфир и пространство, это-

го я не знал». Под эфиром здесь понимается бесконечное пространство. Тогда огонь стал учить его обязанностям главы дома. «Тот, Кто обитает в земле, в птице, в солнце, которому ты поклоняешься, Он — в каждом из нас. Кто знает это и поклоняется Ему как таковому, имеет долгую жизнь, все его грехи исчезают, и он становится счастливым. Также и тот, кто живет в четырех частях света и говорит: «Я — Он» и «Я — Тот», и кто живет в эфире, в небесах и в молнии и говорит: «Я — Он». Здесь опять мы видим ту же идею практической религии. Знакомый голос берет то, чему человек поклоняется, как огонь, солнце, луна и т.п., объясняет его и придает ему высшее значение. Это практическая сторона веданты.

Веданта не разрешает мира, но объясняет его. Она не отрицает личности, или индивидуальности, но объясняет их, указывая действительную личность, действительную индивидуальность. Она не заявляет, что мир не существует, или не нужен, но говорит: «Поймите этот мир так, чтобы он не причинял вам вреда». Голос, который слышал Сатьякама, не говорил ему, что огонь, которому он поклонялся, солнце, луна, молния или что-либо прочее, не то, чем ему кажутся, но показал, что дух, обитающий во всем этом, тот самый, который живет в нем. Таким образом, все в глазах Сатьякамы становится как бы преображенным. Огонь, который раньше был для него простым материалом, на который он должен был совершать возлияния, принял совершенно иной вид и стал действительно самим Господом. Преобразились земля,

жизнь, солнце, луна, звезды, молния, и все стало обожествленным. Их истинная природа стала теперь в первый раз известна. Задача веданты — видеть во всем Бога; не только то, что нам кажется, но их истинную сущность. Затем мы встречаем очень интересное поучение. «Тот, кто сияет в глазах — Брахман. Он прекрасен. Он блестящ. Он светится во всех этих мирах». Комментатор говорит, что здесь под светом в глазах подразумевается тот свет, который бывает у чистого человека. Когда человек становится чистым, такой свет сияет в его глазах, и этот свет принадлежит душе, которая везде. Это тот же свет, который сияет в планетах, звездах и солнце.

Я хочу прочесть вам еще о некоторых странных учениях этих древних Упанишад, рассматривающих рождение, смерть и т.п. Думаю, что они будут для вас интересны.

Светакету пришел к царю Панчаласа, и царь спросил его: «Знаешь ли ты, куда идут люди, когда умирают? Знаешь ли, возвращаются они когда-нибудь, или нет? Знаешь ли, почему земля никогда не становится пустою?» Мальчик отвечал, что не знает, пошел к своему отцу и предложил ему те же вопросы. Отец сказал: «Я не знаю». И они оба вернулись к царю за объяснениями. Царь сказал, что этим знанием никогда не обладали жрецы, оно всегда принадлежало только царям, и потому-то цари и правят миром. Отец Светакету, Гаутама, остался служить царю, и спустя некоторое время царь сказал, что будет учить его. «Видимый огонь,

которому ты поклоняешься, Гаутама, представляет собою очень низший род энергии Огня. Земля — другой, уже великий его символ. Воздух — его дрова, Ночь — дым, страны света — пламя. Нижняя часть его населена тьмою. На этот огонь боги совершают свои возлияния в виде дождя, который производит пищу». Он продолжал дальше, показывая, как бесполезно делать возлияния маленькому огню. «Весь мир — наш жертвенный огонь, и мировое возлияние, мировая молитва постоянно совершаются. Боги и ангелы, и все и везде совершают молитву. Человек, его тело, о Гаутама, — величайшие символы огня».

Здесь опять видим идею, становящуюся на практическую почву, — Брахман низводится к действительности. Через все эти символические рассказы проходит одна мысль, что придуманный символизм может быть хорош и полезен, но что уже существуют символы, лучше которых нельзя придумать. Если вы хотите придумать образ для поклонения в нем Богу, знайте, что уже существует гораздо лучший образ — живой человек. Если хотите построить храм для проявления в нем Бога, это очень хорошо, но уже существует гораздо лучший храм, святая святых — человеческое тело.

Мы должны помнить, что Веды состоят из двух частей, обрядовой и сообщаемой знание. С течением времени обряды настолько умножились и усложнились, что стало практически невозможно разобраться в них; поэтому в Упанишадах они почти совсем отвергаются; но делается это осто-

рожно и с объяснением. В древнее время совершались возлияния и приносились жертвы; но явились философы, и вместо того, чтобы отнестись отрицательно к этим символам, вырвать их из рук духовенства, как, к сожалению, обыкновенно поступают новейшие реформаторы, они дали взамен их нечто другое. Существует, например, символ огня. Прекрасно! Но мой символ — земля. Какой огромный и величественный символ! Вот маленький храм. Да, но мой храм — вся вселенная; где бы я ни молился, всякое место свято. Или — вот особые изображения, которые вы приготовили, чтобы создать на земле алтари; но для меня самый величественный из алтарей — живое чувствующее человеческое тело, и поклонение ему гораздо возвышеннее, чем какому бы то ни было бездушному символу.

Есть еще странное учение. Я сам не вполне его понимаю; но на случай если вы извлечете что-нибудь из него, я вам сообщу о нем. «Когда человек, размышлявший, очистивший себя и достигший (высшего) знания, умирает, он сначала идет к месяцам, от месяцев к годам, от годов к солнцу, от солнца к луне, от луны к молнии и, придя к сфере молний, встречает кого-то, — не человека, — помогающего ему встретиться с Брахманом, с Богом. Это путь богов. Ученые и мудрые люди, умирая, идут этим путем». Что здесь разумеется под месяцами, годами и проч., в настоящее время никто наверно не знает. Каждый думает об этом по-своему, а многие говорят, что это просто бессмыслица.

Что такое идти в мире луны и солнца, кто такой проводник, помогающий душе после того, как она достигла сферы света? Среди индусов распространена идея, что луна — страна жизни, и что жизнь явилась на землю в виде дождя с луны. Те, кто не достиг (высшего) знания, но делал в этой жизни добрые дела, когда умирают, прежде всего идут через дым, потом к ночи, затем к темным пятнадцати дням, затем к месяцу и затем к году. Оттуда они идут к эфиру, оттуда в область луны и здесь становятся пищею богов, и рождаются опять богами. В этом состоянии они живут в течение времени, соответствующего количеству совершенных ими добрых дел. Когда же действие их добрых дел заканчивается, они идут назад. Сначала становятся эфиром, потом воздухом, затем дымом, затем облаком и т.д. Наконец, в виде дождевых капель падают на землю, обращаются в пищу, съедаются людьми и становятся их детьми. Те, чьи дела были очень хороши, рождаются в хороших семьях, а чьи дела были дурны, — в очень плохих, и даже вселяются в такие низкие тела, как тело свиньи. Эти ничтожные животные постоянно умирают и постоянно возвращаются на землю. Вот почему земля никогда не бывает вполне населена и никогда не бывает пуста.

После мы, может быть, будем в состоянии понять все это лучше и даже сообразить, что все это значит. Последняя часть, говорящая о том, как те, что были на небе, возвращаются назад, может быть, яснее, чем первая. Но общая идея здесь, по видимому, та, что без непосредственного познания Бога нет неба. Люди, не познавшие непосред-

редственно Бога, но совершившие в этом мире добрые дела, имея в виду наслаждения их результатами, когда умрут, идут в разные сферы, пока не достигнут неба и не родятся там детьми богов, так же, как рождаемся мы от людей, и живут там столько времени, сколько позволят им их добрые дела. Во всем этом выступает главная идея веданты, что все имеющее имя и форму — преходяще. Земля преходяща, потому что имеет имя и форму. Небеса также должны быть преходящи, как тоже имеющие имя и форму. Вечное небо было бы противоречием в словах, так же как и вечная земля, потому что все, имеющее имя и форму, должно начинаться во времени, продолжаться во времени и оканчиваться во времени. Это — установленное положение веданты, и потому небеса не признаются ею.

В Самхитах мы встречаем идею, что небо вечно, почти ту самую идею, которая преобладает в настоящее время в Европе среди магометан и христиан. Вся разница только в том, что у магометан она немного конкретнее. Они говорят, что небо — это место, где есть сады, вдоль которых текут реки. В пустынях Аравии вода — нечто очень желательное, и потому магометане всегда стараются сделать свои небеса полными воды. Я же родился в стране, где шесть месяцев в году идут дожди, и полагаю, что представлял бы себе небо, как место сухое, с чем со мною были бы согласны и англичане. Эти небеса в части Вед, содержащей Самхиты, считаются вечными. Отошедшие попадают в них, получают там прекрасные тела, встреча-

ют своих предков, детей и родственников и живут с ними вечно, ведя такую же точно жизнь, как здесь, только гораздо счастливее. Все затруднения и препятствия этой жизни к счастью там исчезают, а все хорошее в ней и все ее наслаждения остаются.

Но я должен напомнить вам, что, каким бы удобным ни находили люди все это, между удобством и истиной есть разница, и бывают случаи, пока мы не достигли совершенства, когда истина совсем не то, что удобство. Человеческая природа очень консервативна. Раз начав делать что-нибудь, ей трудно остановиться. Ум отказывается допускать новые мысли, потому что процесс мышления так утомителен. Но в Упанишадах делается страшное отступление (от прежних взглядов). В них заявляется, что эти небеса, где люди живут со своими предками, не могут быть вечны, так как все, имеющее имя и форму, должно умереть. Если небеса есть и имеют форму, они со временем должны перестать существовать. Может быть, до этого пройдут миллионы лет, но рано или поздно наступит время, когда они исчезнут. В это же время, т.е., одновременно с указанною только что идеей, возникает другая идея, что души возвращаются назад на землю, и небеса служат только местом, где души наслаждаются некоторое время плодами своих добрых дел. Когда же действие последних кончается, они возвращаются к земной жизни. Из этого ясно, что уже в эти ранние времена человечество имело некоторые понятия о философии и причинности. Здесь наши философы го-

ворят почти как дети, но дальше увидим, как они выразили те же идеи языком философии и логики. Читая эти книги, вы заметите также, что в них рассматриваются предметы внутреннего восприятия.

Если вы спросите меня, может ли веданта быть применена к практике, я отвечу, что она сначала применялась *только к практике* и уже после обратилась в философию. Вы сами можете видеть, что эти истины раньше должны быть восприняты и осуществлены и затем уже записаны. С древними мыслителями говорил сам мир; с ними говорили птицы, животные, солнце, луна; и мало-помалу они непосредственно познали эти истины и проникли в самое сердце природы. Они достигли этого не путем размышления, не силою логики, не собиранием вкладов чужих умов и составлением толстых книг, как это делается в новейшее время, и не так, как делаю теперь я, взяв одно из их творений и составляя из него длинную лекцию; нет, они должны были все открыть сами. Для них важнее всего был *личный* опыт, и это всегда будет так; религия всегда была и будет самым практическим знанием, а не какой бы то ни было теологической теорией. *Она всегда сначала — практика, а потом — знание.* Идея, что наши души возвращаются, уже есть в Упанишадах. Те лица, которые совершают добрые дела с мыслью о результате, получают его, но он не будет вечен.

Здесь мы видим прекрасно выраженную идею о причинности, — именно, что следствие соответ-

ствуует причине. Какова причина, таково и следствие. Если причина вечна, должно быть вечно и следствие; но так как все такие причины, как добрые дела и подобные им вещи, представляют собою нечто конечное, то они не могут произвести бесконечных следствий. Здесь мы подошли к другой стороне вопроса — так как не может быть вечного неба, то, на том же основании не может быть и вечного ада. Предположите, что я очень дурной человек и каждую минуту делаю зло. Но вся моя жизнь здесь — ничто, по сравнению с моей вечной жизнью. Поэтому, если я подвергнусь вечному наказанию, это будет значить, что бесконечное следствие порождено конечною причиной; бесконечное следствие в вечной жизни будет произведено конечною причиной этой короткой жизни, чего быть не может. Если я всю мою жизнь творю добро, я не могу наслаждаться плодами бесконечного неба. Думать так, — значит, делать ту же ошибку. Но есть третий путь для тех, кто познал истину, кто реализовал ее. Познавать, так сказать, воочию (реализовать) истину — единственный путь выйти из-под покрова Майи; и веданта указывает направление, какого для этого надо держаться, указывает, что следует понимать под реализацией истины.

«Надо видеть все, обитающим в Я, и все действия не хорошими и не дурными, но исходящими от Я. Я — во всем. Мы должны отвергнуть природу. Должны закрыть глаза; видеть Бога в небесах и также в аде, в жизни и в смерти». Мысль, заключающаяся в только что приведенных строках, со-

стоит в том, что эта земля есть символ Бога, что и небо, и место, которое мы занимаем, может быть названо Богом. Все — Брахман. Итак, следует видеть, а не только говорить и думать. Логическим следствием этого будет то, что если душа видит все в этой вселенной и всякое место, как полное Бога, Брахмана, то для нее будет безразлично идти на небо, в ад, или куда бы то ни было ещё. В таком случае для меня не будет иметь никакого значения, — должен ли я родиться на земле, или на небе. Все эти вещи потеряют для меня всякое значение, так как всякое место для меня будет одинаково, всякое место станет храмом Божиим, станет святым; и в небе, аде и во всем я буду видеть присутствие Божие. Для меня не будет ни неба, ни ада, ни зла, ни жизни, ни смерти. Когда человек достиг такого состояния, стал так воспринимать все, он, по словам веданты, стал свободным, и только такой человек, — говорит веданта, — способен жить в этом мире. Все другие не приспособлены.

Как может жить в этом мире человек, видящий зло? Вся его жизнь — сплошное страдание. Несчастье для человека жизнь, если он видит опасность, видит смерть. Только тот может жить в этом мире, только тот может сказать, что он наслаждается жизнью и счастьем, кто видит жизнь в истинном свете и во всем — истину. Между прочим, замечу, что в Ведах вы нигде не встретите идеи об аде. Она пришла в Индию гораздо позже, с Пуранами. Самое худшее наказание, какое знают Веды, это возвращение сюда, на землю, и получение новой возможности достижения свободы.

Таким образом, мы видим, что в Ведах уже с самого начала идея (о Боге) принимает безличный характер. Идеи о наказании и награде слишком материальны и вяжутся только с понятием о человеческом Боге, огромном человеке, который любит одного и не любит другого, совершенно так, как это делаем мы. Наказание и награда совместимы только с существованием такого Бога. Такой Бог признается в Самхитах, и там мы видим понятие о страхе; но, как только мы подходим к Упанишадам, идея страха исчезает, и безличная идея заменяет ее. Но естественно, что во всех странах понять эту идею было в высшей степени трудно. Человек всегда слишком привязан ко всему личному. Великие мыслители, или — по крайней мере — те, кого мир считал такими, возмущаются этой идеей о безличности. Но на мой взгляд это смешно, низко, грубо и, если можно так выразиться, богохульно. Думать, что Бог — человек, допустимо для детей, но не для взрослого, мыслящего человека, будь то мужчина или женщина. Которая идея выше, — идея о живом Боге или о Боге мертвом? О Боге, которого никто не видит, никто не знает, или о Боге известном? От времени до времени, Он посылает в этот мир вестника с мечом в одной руке и проклятием — в другой; и, если вы не уверуете в этого вестника, вы должны погибнуть. Почему тогда Он не придет сам и не скажет, что мы должны делать? Зачем Он продолжает посылать вестников, наказывать и проклинать нас? Однако, эта идея многих удовлетворяет.

Так неразумно наше воображение.

Безличный Бог, наоборот, — Бог живой, которого я вижу перед собой, живой принцип. Различие между личным и безличным в том, что личный — только маленький человек, тогда как безличный — и человек, и животное, и ангел, и, кроме того, нечто большее, чего мы не можем ни видеть, ни представить. Для нас Безличный включает в себя все личное, сумму всех личностей Вселенной, и бесконечно больше, чем эта сумма. «Как огонь, приходя в мир, проявляется во всех видимых нами формах и, кроме того, в бесконечно большем», так и Безличный.

Нам необходимо поклоняться живому Богу. Я всю мою жизнь не видел ничего кроме Бога, и вы также. Чтобы видеть стул, вы должны раньше видеть Бога и затем уже в Нем и через Него — стул. Он всегда, день и ночь, перед нами и говорит: «Я есмь». В момент, когда вы говорите: «Я существую», вы познаете существование. Куда вы пойдете искать Бога, если не можете видеть Его собственным сердцем, как живое существо, как человека? «Ты — человек, Ты — женщина, Ты — девочка, Ты — мальчик, Ты — старик, опирающийся на палку. Ты — юноша, идущий в гордом сознании своей силы». Все они — чудный, живой Бог, представляющий собою единственный факт во вселенной. Для многих это покажется ужасным, прямой противоположностью традиционно-му Богу, обитающему где-то за покрывалом и которого никто никогда не видел. Священники нас уверяют, что мы не увидим Его здесь, но что, если мы будем следовать их указаниям, угождать и по-

клоняться им, они дадут нам паспорт, с которым, когда умрем, можем увидеть лицо Божие.

Вполне ясно, что все идеи о небе — более или менее простые изменения этого бессмысленного обмана духовенства. Идея безличия, конечно, очень разрушительна; она отнимает у духовенства его выгоды, упраздняя все церкви и храмы. В Индии в настоящее время голод, а между тем там есть храмы, из которых в каждом находятся драгоценности, стоящие миллиарды. Если бы жрецы проповедовали народу безличную идею, их ремеслу пришел бы конец. Но мы должны проповедовать ее бескорыстно и без ухищрений жрецов. Вы — Бог и я — тоже. Кто кому повинуется? Кто кому поклоняется? Вы — самый величественный храм Бога, и я скорее буду поклоняться вам, чем какому бы то ни было храму, образу, или Библии.

Почему окружающие нас люди так противоречат самим себе? Они говорят: «Мы практичные люди». Прекрасно. Но что более практично, чем молиться здесь, молиться вам? Я вас вижу, чувствую и знаю, что вы Бог. Магометанин говорит, что нет Бога, кроме Аллаха. Веданта говорит, что нет Бога, кроме человека. Вас это может поразить сначала, но мало-помалу вы это поймете. Живой Бог в вас, а вы строите церкви и храмы и верите во всякого рода воображаемую бессмыслицу. Единственный Бог для поклонения — это человеческая душа или человеческое тело. Если это верно, то даже тела животных — храмы, человек же — самый высший из них, Тай Магал. Если я не могу поклоняться

ему, не остается ничего, чему можно поклоняться. В тот момент, когда я почувствую Бога, обитающего в храме каждого человеческого тела, когда я остановлюсь с благоговением перед каким-либо из человеческих существ и действительно с уверенностью увижу в нем Бога, в тот момент я освобожусь от рабства, все прочее для меня исчезнет, и я буду свободен.

Это практичное, самое практичное из всех богопочитаний. В нем нет никаких теоретических умозрений, а между тем, если вы скажете о нем большинству людей, они придут в ужас. Они скажут, что оно не верно и станут развивать идеи своих дедов, полученные ими от их прадедов двадцать тысяч лет назад, — о Боге, обитающем где-то на небесах и сказавшем кому-то, что он Бог. С тех пор мы не имели ничего, кроме теорий. По их мнению, это практично, а наши идеи непрактичны. Хорошо, — говорит веданта, — каждый должен идти своей дорогой, только ваш идеал — поклонение Богу в небесах, и все связанные с ним идеи, не заключая в себе ничего дурного, представляют собою только ступени к истине. Они хороши, и между ними можно встретить удивительные мысли; но веданта постоянно говорит: «Друг мой, Тому, Кому ты поклоняешься, как неизвестному, я поклоняюсь в тебе. Тот, Кому ты молишься, как неизвестному, и Кого ты ищешь по всей вселенной, все время был здесь. Ты живешь Им. Он постоянно присутствует во вселенной». «Если существует Тот, Кому поклоняются Веды, и Кто всегда присутствует в вечном Я, то существует и вся вселенная.

Он — свет мира. Если б в вас не было Я, вы не видели бы солнца; все для вас было бы темною массой, не существовало бы. Он светит, и вы видите весь мир».

Обыкновенно спрашивают, не ведет ли это учение к ужасной массе дурных последствий? Каждый из нас будет думать: Я — Бог, и потому все, что я делаю и думаю, хорошо; Бог не может делать ничего дурного. Во-первых, если даже допустить возможность такого неправильного толкования, то может ли быть доказано, что другое учение не заключает в себе такой же опасности? Люди поклоняются богу в небесах, отдельно от них, богу, которого они страшно боятся. Они рождаются, дрожа от страха, и дрожат всю жизнь. Сделался ли от этого мир лучшим?

Рассмотрим вопрос с другой стороны. Возьмем тех, кто понимает Бога как личного, и так ему поклоняется, и тех, кто поклоняется Безличному Богу. Между которыми из них было больше великих мировых деятелей, исполинов-работников, могучих нравственных гигантов? Без сомнения, между поклонниками Безличного. Как можете вы ожидать, чтобы под воздействием страха могли развиваться высоконравственные люди? Это невозможно. «Где один видит другого, где один обижает другого, — там *майя*. Когда один не видит другого, когда один не вредит другому, когда все становится Атманом, — кто там кого видит? Кто кого замечает? Там все — Он и в то же время все — Я. Душа становится чиста». Тогда, и только тогда мы

понимаем, что значит любовь. Может ли любовь явиться вследствие страха? Ее начало — свобода, и только свобода родит любовь. Когда мы действительно начнем любить мир, только тогда, но не раньше, мы поймем, что значит братство и человечество.

Таким образом, несправедливо говорить, что это учение (о Безличном Боге) поведет ко множеству дурных дел во всем мире, как будто другое учение (о Нем) никогда не вызывало зла, не затопляло мир кровью, не разрывало человечество на части, не вело к сектарианству, — «Мой Бог величайший из богов. Решим это в открытом бою». Таково было следствие дуализма везде, во всем мире. Выйдем же на яркий дневной свет. Сойдем с нашего узкого пути. Как может бесконечная человеческая душа согласиться жить и умереть в маленьком желобке? Здесь целая вселенная света. Все в этой вселенной ваше. Попробуйте протянуть руки и обнять в любви всю вселенную. Если вы когда-нибудь почувствуете желание сделать это, вы почувствуете Бога.

Вы помните то место проповеди Будды, где он посылает мысленно любовь к Югу и Северу, Востоку и Западу, вверх и вниз, пока вся вселенная не наполнилась этой любовью, великою до бесконечности. Испытывать такое чувство — значит, быть настоящей личностью. Вся вселенная станет тогда одною личностью, а мелочи пусть исчезают. Отбросьте ваши маленькие наслаждения, ради бесконечного блаженства. Какая польза наслаждаться

ничтожными частицами блаженства? Все, ведь, оно ваше, так как вы должны помнить, что Безличное заключает в себе все личное. Таким образом, Бог личен и безличен в одно и то же время.

То же и человек. Бесконечный, безличный человек проявляет себя, как лицо. Мы, бесконечные, сократили себя до размеров маленьких кусочков. Мы ограничили себя собственной кармой. Она, подобно цепи на шее, тянет нас к ограничению. Разбейте эту цепь и будьте свободны. Растопчите закон. Для человеческой природы нет закона, нет предопределения, нет судьбы. Как может быть закон в бесконечности? Ее лозунг — свобода. Свобода ее природа, ее прирожденное право. Сделайтесь только свободными, и вы будете в состоянии принять на себя сколько угодно личностей, какие вам нравятся. Тогда вы будете играть ваши партии, как актер, как король, выходящий на сцену в роли нищего, тогда как настоящий нищий идет по улице.

В обоих случаях сцена одна и та же, слова те же; и в то же время какая разница! Один наслаждается своим нищенством, а другой страдает от него. Что же делает эту разницу? — Один свободен, другой раб. Король знает, что его нищенство не действительно, что он сам принял его, взял его только для игры; нищий же думает, что оно неразлучно с ним, и он, хочет или не хочет, должен вести его. Это закон, и он несчастен. Вы и я, — пока не имеем понятия о нашей истинной природе, — такие нищие, поработанные и затолканные всем, кричащие на

весь мир о помощи, которая никогда не приходит, старающиеся везде получить ее от несуществующих, воображаемых существ и никогда не получающие. Пока мы думаем: «это время, наверно, скоро наступит», и в то же время плачем, рыдаем и надеемся, вся жизнь оказывается пройденною, а игра все продолжается.

Будьте свободны! Не надейтесь ни на что от кого бы то ни было. Я уверен, что если вы оглянетесь назад, на всю свою жизнь, вы увидите, что всегда пытались получить помощь от других, и всегда напрасно; она никогда не приходила. Вся помощь, какую вы получали, вы получали *изнутри* вас самих. Вы имели только плоды того, что *сами* делали, хотя, странно сказать, всегда надеялись на постороннюю помощь. Это похоже на гостиную богача. Она всегда полна, но если вы станете наблюдать, то заметите, что тот же состав людей не бывает в ней два раза. Люди всегда надеются что-нибудь получить от этого богача, но никогда не получают. То же делаем и мы; все надеемся и никогда не достигаем цели. Бросьте эту надежду, — говорит веданта, — зачем вам надеяться, когда у вас все уже есть? Вы царь, вы — Я. Чего вы ожидаете? Если царь сходит с ума и идет искать царя в своей стране, он никогда не найдет его, потому что он сам царь. Он может обойти все города и села, обыскать каждый дом, может кричать и плакать, но никогда не найдет царя, потому что все время он сам остается царем. Гораздо лучше для нас знать, что мы — Он, и прекратим навсегда безумные поиски царя.

Таким образом, — говорит веданта, — зная, что вы — царь, вы становитесь счастливыми и довольными. Отбросьте глупые искания и играйте в этой вселенной, как дети. Вся картина тотчас изменится. Вместо того, чтоб быть вечной тюрьмой, мир станет театром. Из арены конкуренции, он сделается страной весны, полною весело летающих бабочек. Тот самый мир, который раньше был адом, теперь станет небом. В глазах раба, — он место ужасных мучений, в глазах свободного он — только существующий мир. Небо и все подобные места — в нем. Эта жизнь — жизнь мировая. Все возрождения здесь. Все боги, прототипы человека, здесь. Не боги сотворили человека по своему образу, но человек создал богов. И здесь, между нами, есть прототипы, есть Индра с Кармою и все боги вселенной, сидящие вокруг него. Все вы проектировали своих маленьких двойников, оставаясь сами оригиналами, действительными и единственными богами, которым следует поклоняться.

Это взгляд веданты, а его практичность заключается в следующем. Из того, что мы станем свободными, не следует, что мы должны сойти с ума, бросить общество и бежать в леса или пещеры. Мы останемся там, где были раньше, только будем все понимать. Те же явления останутся перед нами, но получают новый смысл. До сих пор вы не знаете мира; только став свободными, мы увидим его таким, какой он есть, и поймем его внутреннюю природу. Мы увидим тогда, что так называемые закон, судьба, рок — составляют только

бесконечно малую часть нашей природы. Они — только одна сторона, другая же — всегда свобода. Мы были похожи на преследуемого охотниками зайца, прячущего голову в землю и пытающегося тем спастись от беды.

Мы, вследствие заблуждения, старались забыть свою природу, но никак не могли забыть ее, так как она всегда напоминала о себе. Все наши искания Бога, богов, или внешней свободы, были призывами нашей собственной природы. Мы только не разбирали, откуда исходил голос. Мы думали, что он исходит из огня, от Бога, от солнца, луны, звезд, но, наконец, нашли, что он все время раздавался внутри нас. Там есть вечный голос, говорящий нам о вечной свободе. Его музыка звучит вечно. Часть этой музыки души стала землею, законом, вселенною, но она всегда была и всегда будет наша. Одним словом, идеал веданты, состоит в поклонении человеку здесь (на земле), и она говорит, что если вы не можете поклоняться вашему брату — человеку, проявленному Богу, ваше поклонение кому бы то ни было другому и где бы то ни было, не будет заслуживать никакого доверия.

Разве вы не помните слов христианской Библии: «Если вы не можете любить вашего брата, которого видите, как можете любить Бога, Которого не видели?» Если вы не можете видеть Бога в божественном лице человека, как можете видеть Его в облаках, или чем-либо темном или мертвом, или в воображаемых пустых выдумках вашего собственного мозга? Я назову вас религиозны-

ми с того дня, когда вы увидите Бога в мужчинах и женщинах, и поймете, что значит подставить левую щеку человеку, ударившему вас в правую.

Когда вы будете видеть Бога в человеке, все, даже тигр, станет для вас желанным гостем. Все, что придет к вам, будет Богом в разных формах, Вечным, Единым, Блаженным, нашим отцом, матерью, другом, нашей собственной душой, играющей с нами.

Есть идеал более высокий, чем называть Бога Отцом. Это звать его Матерью. Но есть еще более высокий идеал, называть Его Другом. Еще выше — Возлюбленный. Самый же высший — не видеть разницы между любящим и любимым. Вы, вероятно, помните старый Персидский рассказ, как один любовник пришел к своей возлюбленной. Он постучал в дверь и, когда на вопрос: «Кто там?» отвечал — «я», дверь не отворилась. Он пришел второй раз, и повторилось то же самое. В третий раз, на вопрос: «Кто там?» он ответил: «это ты, моя любовь», и дверь была открыта. То же бывает между Богом и нами. «Ты во всем, Ты — все. Каждый мужчина и каждая женщина — Ты, Ты осязаемый, Блаженный, живой и единый Бог. Кто говорит, что Ты неизвестен? Кто говорит, что Тебя надо искать? Мы нашли Тебя от вечности. Мы от века родились в Тебе. Везде Ты вечно, вечно известен, вечно поклоняем».

Дальнейшая идея (веданты) заключается в том, что другие формы богочитания не представ-

ляют собою заблуждения. Одно из важных положений, которого никогда не следует забывать, то, что поклонение Богу совершением обрядов и церемоний, какими бы грубыми они нам ни казались, не заблуждение. Оно путь от одной истины к другой, от более низкой к более высокой. Темнота есть меньший свет, зло — меньшее добро, порочность — меньшая чистота. Это, таким образом, взгляд, что мы должны относиться к другим с любовью и симпатией, зная, что они идут той же дорогой, которую мы протоптали. Если вы свободны, то вы должны видеть, что все они поднимаются, чтоб рано или поздно также быть свободными, и если вы свободны действительно, как вы можете продолжать видеть преходящее?

Если вы действительно чисты, как вы можете видеть нечистое? Так как то, что внутри, то и снаружи. Мы не можем видеть нечистоту, если не имеем ее сами. Это один из практических выводов веданты, и я надеюсь, что все мы постараемся провести его в нашу жизнь. Вся жизнь нам дана для того, чтобы это было осуществлено на практике. При этом мы получим чрезвычайно важный результат; мы будем трудиться, после того, с чувством удовлетворения и довольства, вместо неудовлетворенности и недовольства, так как будем знать, что все в нас, все принадлежит нам, что это наше природное право, и нам остается только проявлять его, сделать его ощутимым и деятельным.

Часть 3

В том же Чандогья Упанишаде мы читаем, что мудрец по имени Нарада, пришел к другому мудрецу, Санаткумара, и предложил ему несколько вопросов. Между прочим, он спросил, объясняют ли религия вещи, как они есть. И Санаткумара отвечал ему: «Есть нечто высшее, чем земля, нечто высшее, чем это высшее земли и т.д.», пока не дошел до Акаши, Эфира. «Эфир», — продолжал он, — «выше, чем свет, потому что в эфире находится солнце, луна, молния и звезды; в эфире мы слышим, в эфире живем и в эфире умираем». На вопрос, есть ли что еще высшее, он указал на Ирану. Ирана, согласно веданте, есть жизненный принцип. Она, подобно эфиру, — везде находящееся начало, и всякое движение, происходящее в теле, или где бы то ни было, производится праной. Прана важнее и более могущественна, чем акаша. Праною все живет. Прана есть в матери, в отце, в учителе; она сознает себя самою.

А вот другое место, где мальчик спрашивает отца об истине, и отец между прочим говорит: «Все сделано из того, что составляет тонкую причину всех вещей. Эта причина — все, она — истина, она — ты, о Светакету!» А затем поясняет разными примерами: «Как пчела, о Светакету, собирает мед с разных цветов, и мед не знает, что он про-

изведен разными деревьями и цветами, так и все мы, исходя из того Существа, забыли об этом. О, Светакету, ты — Тот!» Он приводит еще пример рек, текущих в океан. «Они не знают, что много раз поднимались вверх (в виде пара); так же и мы, выходя из того Существа и не знаем, что были Им. О, Светакету, ты — Тот!»

Есть два способа приобретать знание. Один состоит в заключении об общем по частному, и другой — в исследовании, насколько возможно, собственной природы того, что ищем. Рассматривая первый способ, мы видим, что знание состоит в классификации, поднимающейся все выше и выше. Если что-нибудь происходит спорадически, мы не удовлетворены. Если же оказывается, что то же самое постоянно повторяется, мы довольны и называем это законом. Когда мы видим, что один камень падает, нас это не удовлетворяет; но, замечая, что все камни или яблоки падают, называем это законом притяжения и довольны; из частного мы делаем общий вывод.

Тот же научный процесс следует применять и при изучении религии. Он и здесь оказывается удобным, и всегда применялся. В книгах, отрывки которых я переводил вам, самая первая идея, которую я мог проследить, это переход от частного к общему. Мы видим, как «светлые существа» сливаются друг с другом и переходят в принцип и как идеи о космосе становятся все выше и выше, как элементы становятся все более и более тонкими и простыми, и из материи

обращаются во всеобъемлющую силу, или прану. И через все это проходит один принцип, что одно неотделимо от всего остального. Все в этом космосе — тот же самый эфир, который находится и в высших формах; в нем высшая форма праны как бы сгустилась и стала сначала эфиром, а потом еще более грубыми формами. Обобщение Личного Бога представляет другой вид того же процесса. Мы видели, как получилось такое обобщение, названное суммою всех сознаний. Но это еще не полное обобщение. Мы взяли только одну сторону явлений природы, — сознание, обобщили его, и наше обобщение приняло форму Личного Бога, все же остальное в природе осталось в стороне.

Таким образом, это обобщение прежде всего неполное. Затем в нем есть и другой недостаток, являющийся следствием второго принципа. Все должно объясняться также своей собственной природой. Могут быть люди, думающие, что каждый упавший на землю камень брошен вниз каким-нибудь духом, но наука объясняет его падение законом тяжести, и хотя это и несовершенное объяснение, но оно гораздо лучшего первого, потому что первое предполагает некоторую постороннюю причину, тогда как это основано только на природе самого камня. Подобным же образом, во всех областях нашего знания объяснение, вытекающее из природы самой вещи, рассматривается как научное, объяснение же, не имеющее никакой связи с рассматриваемым предметом, считается ненаучным.

Отсюда следует, что определение Личного Бога, как создателя вселенной, должно основываться на том же научном доказательстве. Если Бог вне природы, не имеет с нею ничего общего, а эта природа создана Им из ничего, то такая теория, очевидно, очень ненаучна; и в этом слабая сторона всякой теистической теории. Эти два недостатка мы находим в так называемой теории монотеизма, теории о Личном Боге, имеющем все свойства человеческого существа, хотя и значительно усиленные, и Который своею волею создал вселенную из ничего и все-таки остается отдельным от нее. Это ведет к двум затруднениям.

Во-первых, мы видим, что понятие о Боге не достаточно обобщено и, во-вторых, оно не объясняется натурой природы. Оно принимает, что следствие не то, что причина, что причина нечто совершенно отдельное от следствия, между тем, как все человеческое знание показывает, что следствие есть та же причина, только в другой форме. Это подтверждается каждый день открытиями новейшей науки, и основание последней теории развития заключается в том, что следствие представляет собою приспособленную к новым условиям причину, являющуюся, таким образом, в новой форме. Идея создания из ничего способна возбудить смех в современных ученых.

Может ли религия подтвердить свои учения такими научными доказательствами? Если бы какие-нибудь религиозные теории могли это сделать, они были бы приняты современными мыслящими

умами; всякую другую теорию, которой мы стараемся верить, уважая авторитет духовенства, церквей или книг, современный человек не может принять, и в результате получается такое огромное число неверующих. Даже в сердцах тех, кто делает вид, что верит, огромная масса неверия. Остальные совсем отрекаются от религии, отступают от нее, не хотят иметь с нею дела, смотрят на нее, как на выдумку духовенства.

Религия теперь превратилась в род национализма. Она, говорим мы, одно из самых драгоценных наших общественных наследий, и потому должна остаться. Но действительной необходимости, какую чувствовали деда современного человека, в ней больше не ощущается; человек находит ее теперь неудовлетворяющей его ум. Идея о личном Боге и о создании, известная в различных религиях как монотеизм, не может дольше держаться. В Индии она не устояла перед буддистами, которые в древние времена одержали победу именно в этом пункте. Они показали, что, если природа одарена почти бесконечной силой и может удовлетворять свои собственные потребности, то совершенно бесполезно настаивать на том, что должно быть еще что-то, кроме природы. Даже душа, по их мнению, не необходима. Это старое суеверие, идея о субстанции и качествах, оспаривалось еще в древности, но и теперь вы ее иногда еще встретите.

Большинство из вас, конечно, читали, что в Средние Века, а я, к сожалению, должен ска-

зять, что и позже, одним из предметов споров был вопрос, составляют ли качества принадлежность субстанции, или, наоборот, субстанция — результат качеств, — длина, ширина и толщина представляют ли дополнение субстанции, и, если эти качества исчезают, то субстанция остается или нет? Тут приходит буддист и говорит, что нет никакого основания признавать существование субстанции; существуют только качества. Кроме них вы ничего не видите. Совершенно того же взгляда держатся и наши новейшие агностики.

Этот спор, относительно существования субстанции и качеств, перенесенный в высший план, обращается в спор относительно нуменов и феноменов. Существует этот феноменальный мир, постоянно изменяющаяся вселенная; но, существует также нечто другое, неменяющееся. Одни эту двойственность существования нуменов и феноменов признают верной, другие же, с большим основанием, находят, что вы не имеете никакого права принимать оба, так как все, что мы видим, чувствуем, мыслим, — только феномены. Вы не имеете права считать, что есть что-нибудь кроме феноменов, и на это возразить нечего. Единственный возможный ответ на это дает веданта. Она говорит: «Верно, что существует только Одно, и что это Одно должно быть или феномен, или нумен. Не верно, что существует два, одно изменяющееся, и в нем нечто неизменное, но скорее это одна и та же вещь, кажущаяся изменяющеюся, но в действительности неизменная».

Переходя к конкретному и философскому заключению, мы начинаем думать, что тело, ум и душа — отдельные вещи; но в действительности здесь только одно, обнаруживающееся во всех этих различных формах. Возьмем хорошо известный пример веревки и змеи, приводимый монистами, как иллюстрация. Некоторые, в темноте или по какой-нибудь другой причине, принимают ошибочно веревку за змею. Но когда узнают, что это такое, змея исчезает, и остается веревка.

Из этого примера видим, что когда в уме присутствует змея, веревка исчезает, а когда присутствует веревка, исчезает змея. Когда мы видим феномен и только феномен, нумен исчезает; но когда видим нумен, т.е. неизменное, естественным следствием бывает то, что феномен исчезает. Теперь мы лучше понимаем положение реалиста и идеалиста. Реалист смотрит только на феномен, а идеалист старается смотреть на нумен. Для идеалиста, настоящего идеалиста, который действительно достиг такой способности восприятия, что может устраниваться от изменяемого, для него изменяющаяся вселенная исчезает, и он имеет право говорить: все это заблуждение; никакого изменения нет. Реалист в то же время смотрит на изменяемое. Для него исчезает неизменяемое, и он, в свою очередь, прав, говоря, что все, что он видит, реально.

Какой же вывод из этой философии? — Тот, что личная идея о Боге недостаточна; мы должны подняться несколько выше, к безличной идее.

Не для того, чтоб разрушить личную идею, не для того, чтобы привести доказательство, что Личный Бог не существует, но просто потому, что это единственный логический нуль, который мы можем избрать. На том же основании мы говорим, что человек есть личное безличное существо. Мы безличны и в то же время личны. Таким образом, наша древняя идея о Боге должна быть отставлена; она представляет собою повторение на высшем плане идеи о человеке. Для объяснения личного, мы должны, наконец, перейти к безличному, так как безличное — гораздо высшее обобщение, чем личное. *Бесконечное может быть только безличным; личное может быть только ограниченным.* Поднимаясь к безличному, мы на самом деле сохраняем личное, а не разрушаем его.

Много раз высказывалось мнение, что если мы придем к понятию о Безличном Боге, Личный Бог будет устранен; если придем к понятию о безличном человеке, личный утратится. Но правильная идея об этом та, что это не разрушение индивидуальности, но действительное сохранение. Мы не можем доказать существование индивидуального никаким другим способом, как только ссылкой на общее, показав, что это индивидуальное составляет часть того общего. Если мы думаем об индивидуальном как об особом от всего прочего во вселенной, оно не устоит ни одного мгновения, потому что такая вещь никогда не существовала.

Применяя второй принцип, что объяснение всего должно вытекать из самой природы вещей,

мы становимся лицом к лицу с еще более смелой и более трудной для понимания идеей, — что Безличный Бог, самое высшее обобщение, находится в нас самих, и что мы — Он. «Ты — Тот, о Светакету! Ты то безличное Существо, тот Бог, Которого ты искал по всей вселенной и Который все время был ты сам». Здесь следует заметить, что «ты сам» надо понимать не в личном смысле, а в безличном. Мы знаем теперь человека проявленного, олицетворенного, но сущность его безлична. Чтобы понять личное, мы всегда должны относить его к безличному; частное должно быть сравниваемо с общим, и то общее, то безличное есть Истина — Я человека; к этому же, олицетворенному, проявленному, не следует относиться, как к тому, истинному.

В связи с этим могут возникнуть разные вопросы, и я дальше постараюсь ответить на них; но прежде необходимо составить себе ясное представление о тезисе монизма, заключающемся в том, что видимая нами вселенная есть все, что существует, и нам нечего искать вне ее. В ней все, как грубое, так и тонкое, в ней следствие и причина, и объяснение. То, что известно как частное, — только повторение в малом в виде общего. Нашу идею о вселенной мы получили, изучая наши собственные души, и что верно относительно души, то считается верным и относительно внешней природы. Небо и все подобные места, если они существуют, находятся во вселенной и, сведенные вместе, все дают Одно. Все маленькие частицы образовались из одного целого, и каждая из них, как и каждый

из нас, составляет часть этого целого. Как проявленные существа, мы кажемся отдельными, но наша сущность заключается в Одном, и чем меньше мы думаем о себе, как о чем-то отдельном от этой Единицы, тем лучше для нас, а чем больше думаем о себе, как об отдельном от общего целого, тем более становимся несчастными.

Из этого положения мы выводим правила монистической этики; и я осмеливаюсь сказать, что ниоткуда больше правил нравственности мы получить не можем. Мы знаем, что самое древнее понятие о нравственности представлялось волею некоего особого существа, или существ; но в настоящее время немногие принимают такое определение нравственности, так как оно только частичное обобщение. Индус говорит, что мы не должны делать того или другого, потому что так сказано в Ведах; Христианин не соглашается признавать авторитет Вед и говорит, что не следует делать того и этого потому, что так написано в Библии. Но это не обязательно для тех, кто не верит в Библию. Нам нужна теория, достаточно широкая, чтобы она могла вместить в себе все эти разные основания.

Существуют миллионы людей, готовых верить в Личного Бога — Создателя; но есть также тысячи самых светлых умов, для которых такая теория оказывается неудовлетворительной и которые нуждаются в чем-то более высоком. И, если религия не достаточно широка, чтобы включить и их, самые высшие умы общества останутся вне орга-

низованной веры. Это никогда не было так заметно, как в настоящее время, особенно в Европе.

Чтобы включить их, религия должна быть достаточно широка. Все, что она утверждает, должно быть обсуждаемо с точки зрения разума. Почему религии могут заявлять претензию, что только они не обязаны подчиняться основным требованиям разума, этого никто не знает. Общее соглашение — это ложный довод. Если вы не признаете указаний разума, не может быть никакого суждения, даже в вопросах религии. Религия может предписывать самые гнусные поступки. Например, магометанская религия разрешает убивать всех не-магометан. В Коране ясно сказано: «убивай неверных», и если они не делаются магометанами, их следует предавать огню и мечу.

Если вы скажете магометанину, что это нехорошо, он, естественно, может спросить: «Откуда вы это знаете? Откуда вы знаете, что это нехорошо? Все ваши понятия о добре и зле получены вами из ваших книг, а моя книга говорит, что это хорошо». Если вы скажете, что ваша книга древнее, придет буддист и скажет: «а моя еще древнее»; а затем явится Индус и сошлется на свои книги, самые древние из всех. Таким образом, ссылки на книги не приводят ни к чему. Где мерило для сравнения? Вы укажете на Нагорную Проповедь, а магометанин обратит ваше внимание на этику Корана. Кто, — скажет он, — может быть арбитром для решения вопроса, которая из двух книг лучше. Ни Евангелие, ни Коран не могут быть арби-

трами в споре между нами самими. Нужно независимое лицо, и им может быть не книга, но нечто универсальное. А что же универсальнее разума?

Было говорено, что разум недостаточно силен, не может всегда помочь нам найти истину, что он часто вводит в заблуждение; и, как вывод из этого, делали заключение, что мы должны верить авторитету церкви. Это говорили римско-католики; но я не вижу у них логики. Я, со своей стороны, могу сказать: «Если разум так слаб, то духовенство еще слабее, и я не желаю слушать его, но лучше буду слушать разум, потому что, при всей его слабости, от него я имею некоторый шанс узнать истину, тогда как, слушая другую сторону, не достигну решительно никакой. Поэтому мы должны следовать указаниям разума и симпатизировать даже тем, кто, следуя им, не приходит ни к какой вере. Лучше для человечества следовать указаниям разума и быть атеистами, чем быть последователем какого-нибудь человека и верить в двести миллионов богов».

Мы нуждаемся в прогрессе, развитии, опытном знании. Никакие теории не возвысят людей. Никакое количество книг не сделает их более чистыми. Единственная возможность этого в нас самих, в опытном познании, а оно является результатом размышления. Дайте человеку думать. Человек совсем неразвитой никогда не думает, и можно поручиться, что он верит всему; но, ведь, он не больше, как ком земли. Корову, собаку тоже можно заставить чему-нибудь поверить. Но все они

и остаются собаками, коровами и глыбами земли. Величие же человека в том и заключается, что он мыслящее существо. Он только тем и отличается от животных, что должен думать. Поэтому я верю разуму и следую его указаниям. Я видел достаточно зла от подчинения авторитетам, так как родился в стране, где авторитет достиг самых крайних пределов...

Индусы думают, что создание произведено их книгами. «Почему вы знаете, что существует корова?» — «Потому, что слово „корова“ есть в Ведах». — «Почему вы знаете, что есть человек?» — «Потому, что слово „человек“ есть там же. Если бы его там не было, то не было бы и никакого человека». Вот что они говорят. Ужасный авторитет! Его не исследовали, как я теперь исследую; но несколько сильных умов приняли его, создали на нем чрезвычайно логичные теории и построили целую философскую систему. Тысячи самых светлых умов посвящали себя затем, в течение тысяч лет, разработке этой теории. Такова сила авторитета, и так велика опасность от него!

Достоинство монистической теории в том, что она более, чем что-нибудь в теологии, приближается к истине, которую можно доказать. Идея о Безличном, о Безличном Существе в природе, и о природе эволюции этого Бесконечного ближе всего к тому, истину чего мы можем доказать; другие же идеи и понятия о Боге — частичные, незначительные и личные, — не основаны на опыте и разуме. Это разумное понятие о Боге имеет еще то досто-

инство, что доказывает необходимость для многих умов в известных нам частичных понятиях, служа таким образом единственным аргументом в их пользу. Вы можете встретить людей, говорящих, что личное объяснение неразумно, но утешительно, что они нуждаются в религии, которая утешала бы их; и мы понимаем, что она им необходима.

Очень немногие в этой жизни в состоянии выносить яркий свет истины; гораздо меньшее число может вырабатывать ее. Поэтому необходимо, чтоб были утешающие религии; они помогают многим душам становиться со временем лучшими. Незначительные умы, с ограниченным, нетребовательным кругозором, никогда не осмеливаются парить мыслью. Их понятия и даже идеи о маленьких богах, символах и идеалах, очень хороши и полезны для них, но, чтобы они могли быть такими, мы должны познать Безличного, и только в Нем и через Него это достижимо.

Человек, например, понимающий Безличное и верящий в него, — пусть это будет Джон Стюарт Милль, — говорит, что Личный Бог невозможен и Его существование нельзя доказать. Я согласен с ним, что доказать нельзя; но понятие о Безличном есть самое высшее, чего может достичь человеческий разум, а сколько другого, кроме разных толкований Абсолютного, составляют вселенную? Она лежит перед нами, как книга, и каждый вносит свой собственный разум при чтении этой книги; каждый читает ее по-своему. В умах всех

людей есть нечто сходное, и потому некоторые вещи общи для умов всего человечества. То, что вы и я видим этот стул, доказывает, что в наших умах есть нечто общее.

Предположим, что сюда пришло другое существо с отличными от наших чувствами; оно могло бы совсем не видеть стула, но все существа, устроенные так же, как мы, увидят то же, что видим мы. Таким образом, сама вселенная абсолютна, неизменна, — она нумен, а феномен — ее толкование. Вы видите, прежде всего, что феномен всегда конечен. Всякий феномен, который мы можем видеть, чувствовать, или мыслить, непременно конечен, ограничен нашим знанием; и идея о Личном Боге, как мы понимаем ее, тоже феномен. — Идея о причинности принадлежит к феноменальному миру, и Он, как причина вселенной, должен естественно быть мыслим как ограниченный, а между тем Он — тот же самый Безличный Бог. Сама вселенная, как мы ее видим, есть Безличный Бог, угадываемый в ней нашими умами. Все, что действительно существует во вселенной, — это Безличное Существо, формы же и понятия приданы ему нашими умами. Действительное в этом столе есть то Существо, а форма стола и все подобные вещи приданы ему сходными между собою умами людей.

О движении, например, — которое необходимо явление феноменальное, — нельзя говорить, что оно всеобщее. Каждая маленькая частица, каждый атом этого космоса постоянно изменяется и дви-

жется; но вселенная как целое неизменна, потому что движение и изменение — вещи относительные. Мы можем воспринимать что-то движущимся, только сравнивая с чем-нибудь неподвижным. Чтобы движение было возможно, необходимо, чтоб было два предмета, а так как вся масса вселенной — единица, то двигаться она не может. Относительно чего она двигалась бы? Нельзя говорить, что она и изменяется. Сравнительно с чем она изменилась бы? Таким образом, целое абсолютно не движется и не изменяется, но внутри него каждая частица находится постоянно в состоянии движения и изменения; каждая частица в одно и то же время изменяема и неизменяема, лична и безлична. Это — наше понятие о вселенной, движении и Боге, и это то, что разумеется под словами: «Ты — Тот».

Олицетворенный человек забывает свое происхождение, подобно воде, поднимающейся из океана, забывающей откуда она произошла и думающей, что всегда была отдельна от него. Так и мы, как личные, разделенные существа, забываем свою истинную природу; и монизм учит нас, что мы должны отвергнуть эти разделения и прежде всего понять, что мы такое. Мы — то Бесконечное Существо, та самая Душа, похожи на воду, исходящую из океана, получившую в нем свое бытие и составляющую, в действительности, одно с океаном, потому что бесконечная масса существующей энергии вся принадлежит вам и мне, так как вы и я, и всякое существо представляем собою множество каналов и путей, чрез которые прояв-

ляется бесконечная действительность. Вся масса изменений, которую мы называем эволюцией, — в действительности не что иное как душа, проявляющая эту бесконечную энергию, и мы не можем остановиться нигде по сю сторону бесконечного. Мы обладаем бесконечной силой, существованием и блаженством; и они не приобретаются нами, но составляют наше предвечное достояние, которое мы должны только проявить.

Эта великая идея вытекает из монизма и одна из весьма трудных для понимания. Я знаю по личному опыту, что с самого моего детства все меня окружающие проповедовали слабость; с самого моего рождения говорили, что я слабое существо. Поэтому мне теперь очень трудно понять мою силу. Но путем анализа и рассуждения я пришел к заключению, что должен узнать мои силы и способности, и это мною сделано. Откуда получается все знание, какое есть в этом мире? — Оно в нас.

Покажите мне хотя крупицу знания вне нас. В материи его нет; оно только в человеке. Никто никогда не создавал знания; его только открывали, приносили изнутри. Оно там. Огромный баньян, покрывающий собою мили почвы, был прежде в маленьком семечке, в котором и заключалась вся масса энергии баньяна.

Самый гигантский ум, какой только мы знаем, мог лежать свернутым в клетке протоплазмы; почему же там не могла быть и бесконечная энергия? Мы знаем, что это так. Это может казаться пара-

доксом, но это верно. Все мы произошли от клетки протоплазмы, и все маленькие силы, какие у нас есть, были свернутыми там. Вы не можете сказать, что они добыты из пищи, потому что, какую бы высокую гору вы ни нагромодили из пищи, никакой силы из нее не выйдет.

Энергия была в клетке, в потенциальном состоянии, но все же была, также как и бесконечная Сила в душе человека, хотя бы он и никогда не знал о ней. Вопрос только в том, чтобы сознать ее. Этот бесконечный гигант как бы медленно поднимается, просыпается и начинает сознать свою силу; и по мере того, как он сознает ее, его оковы ломаются, цепи с треском распадаются, и наступит день, когда бесконечное сознание возвращается к нему, и он встает во весь свой гигантский рост, полный силы и мудрости. Будем же все помогать наступлению этого дня.

Часть 4

До сих пор мы рассматривали, главным образом, понятия общие, мировые; сегодня я постараюсь познакомить вас с идеями веданты об отношении к этим понятиям понятий частных.

Мы уже видели, что в более ранних дуалистических формах учений Вед встречается подробное описание личной души, особой для каждого существа. Много теорий создалось относительно этой души, отдельной для каждого индивидуума; но главный спор происходил между древними буддистами и ведантистами, из которых последние верили в существование такой самостоятельной души, первые же решительно это отвергали. Подобный же спор, как я упоминал вам раньше, был в Европе относительно субстанции и свойств; одна сторона находила, что позади различаемых нами свойств есть нечто, существующее от них независимо, называемое субстанцией, относительно которой свойство есть нечто придаточное; другая — отрицала существование такой субстанции как совершенно ненужной, так как свойства могут быть предполагаемы сами по себе. Наиболее древняя идея о душе основана, без сомнения, на самотождественности, на том, что мое я вчера было тем же, что мое я сегодня, и мое я сегодня будет тем же я завтра; что, несмотря на все изменения, какие могут произойти в моем теле, я все-

таки верю, что я тот же самый. Это, по-видимому, главный аргумент у тех, кто верит в ограниченную, но тем не менее совершенно цельную индивидуальную душу.

Древние буддисты отвергают необходимость такого допущения. Они выставляют аргумент, что все, что мы знаем, и все, что можем знать, — это изменения. Допущение неизменяющейся и не могущей изменяться субстанции излишне; и затем, говорят они, если бы даже действительно существовало такое неизменное основание, мы никогда не были бы в состоянии ни познать его, в каком бы то ни было смысле слова, ни составить о нем какое-либо понятие. То же разногласие вы найдете в настоящее время в Европе, между верующими и идеалистами, с одной стороны, и новейшими позитивистами и агностиками — с другой. Одни — представителем которых был Герберт Спенсер — верят, что есть нечто неизменяющееся, что мы схватываем как бы проблеск чего-то неизменного. Другие — новейшие последователи Конта и агностики — не признают этого. Те из вас, кто интересовался несколько лет назад полемикой между Харрисоном и Гербертом Спенсером, могли видеть то же самое старое разногласие: одна партия стоит за субстанцию позади изменяющегося; другая — отвергает необходимость такого допущения. Одни говорят, что мы не можем представить себе изменения, не представляя в то же время чего-нибудь неизменяющегося; другие утверждают, что последнее совсем не нужно; что мы способны понимать только изменяю-

щеся, неизменяющегося же не можем ни знать, ни чувствовать.

Этот важный вопрос не был разрешен в самые древние времена в Индии, потому что, как мы видели, допущение субстанции, стоящей позади свойств, но которая не есть свойства, никогда нельзя было доказать; да не могло быть доказано и то, что *Я* — нечто постоянное, ни на основании памяти, ни тождественностью *Я*, т.е. что *Я* — тот же, что был вчера, потому что я помню, чем я тогда был. Другие, обыкновенно выставляемые, софизмы — простое заблуждение. Например, кто-нибудь может взять ряд фраз, вроде: «Я делаю», «Я иду», «Я сплю», «Я двигаю» и т.д. и утверждать, что деланье, ходьба, сон и т.д. суть изменения, но я остается неизменяющимся и, как таковое, есть нечто постоянное, само по себе индивидуальное; все же изменения происходят только с телом. Такое заключение, хотя по-видимому очень убедительное и ясное, основано просто на игре слов. Я и деланье, ходьба, сон могут быть отдельными на бумаге, но никто не разделит их в своем уме.

Когда я думаю о себе, как об идущем, или работающем, я не отделяю себя в представлении от ходьбы или работы; я и мои действия сливаются, а не составляют разных вещей. Таким образом, этот аргумент не особенно строг. Другой аргумент — память, также не убедителен. Если тождество моей личности я основываю на памяти, то ведь, выйдет, что когда я делал что-нибудь забытое мною, то это был уже не я. А мы знаем, что при из-

вестных условиях многие забывают все свое прошлое; в случаях же сумасшествия, человек часто считает себя каким-нибудь животным, или даже стеклянного вещью. Если бы существование такого человека зависело от памяти, то, значит, он был животным или стеклом. Но так как это неверно, то, очевидно, мы не можем строить тождество своей личности на таком шатком аргументе, как память. К какому же заключению остается прийти? — К тому, что тождество души, отдельной, но полной и сплошной, нельзя установить независимо от свойств, нельзя признавать ограниченного существования, к которому лишь придан пучок свойств.

Мнение древних буддистов, что мы не знаем и не можем знать ничего позади видимых свойств, кажется основательнее. Согласно ему, душа есть совокупность свойств, называемых ощущениями и чувствами. Сумма этих свойств и есть то, что называют душой, и она постоянно меняется. Теория адвайты о душе примиряет обе стороны.

Положение адвайтистов состоит в том, что мы не можем мыслить субстанцию отдельно от свойств, не можем также мыслить в одно и то же время изменение и неизменение. Субстанция и качества не две разные вещи; но то, что мы называем субстанцией, есть в то же время и то, что называется качеством. Неизменяемая субстанция вселенной то же, что и наша изменяемая вселенная. Неизменяемое лишь кажется изменяемым. *Нумен не нечто отличное от феномена; но он стал только*

феноменом. Есть душа, которая не изменяется, а то, что мы называем чувствами, восприятиями и даже телом, все это — та же самая душа, и мы воспринимаем только одно. Мы привыкли думать, что имеем тела, души и т.д.; но в действительности у нас есть только одно. Когда я думаю о себе, как о теле, я только тело; а когда думаю о себе, как о душе, тело исчезает, и восприятия тела не остаются. Никто не может воспринимать свое *Я* без того, чтобы восприятие тела не исчезло; никто не может достичь восприятия субстанции, без исчезновения восприятия свойств.

Старый пример адвайты, — веревка, принимаемая за змею, — может быть приведен и здесь, для лучшего уяснения нашей мысли. Когда человек считает веревку змеей, веревка для него не существует, а когда узнает, что это веревка, змея исчезает, и остается веревка.

Наши идеи о двойном и тройном существовании получались путем анализа, а затем были записаны в книги, и мы читали или слушали о них до тех пор, пока в нас не укоренилось заблуждение, что мы имеем двойное восприятие, души и тела. На самом деле, его никогда не было. Воспринимать в данное время можно или душу, или тело. Это не требует дальнейших доказательств, и вы сами можете это проверить на себе.

Попробуйте думать о себе, как о душе, как о чем-то, не имеющем тела. Вы увидите, что это почти невозможно; но те немногие, которым это удает-

ся, знают, что в то время, когда их *Я* представляется им как душа, у них не бывает никакой идеи о теле. Вы, может быть, встречали людей, находившихся под влиянием гипноза или, вследствие истерии в особенном состоянии сознания. Из их рассказов о том, что они испытывали, вы могли видеть, что в то время, когда они воспринимали что-нибудь внутреннее, внешнее для них исчезало. Это показывает, что все, что существует, одно; что одно проявляется в разных формах и что отношение всех этих различных форм друг к другу то же, что между причиной и следствием. Отношение между причиной и следствием то, что причина становится следствием, следствие причиной и т.д. Причина как бы исчезает, и на ее месте остается следствие. Если душа — причина тела, то душа как бы исчезает на некоторое время, и остается тело, а когда тело исчезает — остается душа. Эта теория давала бы буддистам удобные аргументы против допущения дуалистами тела и души, так как она опровергает положение дуализма, показывая, что субстанция и качество — одно и то же, принимающее только различные формы.

Мы видели также, что идея о неизменяемости может относиться только к целому, но никоим образом не к части. Понятие о части вытекает из понятия об изменении и движении. Что-нибудь ограниченное мы можем понимать и знать потому, что оно изменяемо; целое же должно быть неизменяемо, потому что кроме него нет ничего другого, а изменение может быть только по отно-

шению к чему-нибудь, что сравнительно постоянно, или неизменно.

Итак, согласно адвайте, идея о мировой душе, — всеобщей, неизменяемой и бессмертной, — может быть вполне доказана. Затруднение может быть только относительно частной (души). Что же остается от старых дуалистических теорий, через которые все мы должны были пройти и которые имели над нами такую власть, — от теорий о маленьких отдельных индивидуальных душах? Мы знаем теперь, что мы бессмертны в целом, но беда в том, что нам хотелось бы быть бессмертными в отдельности. Мы видели, что *мы бесконечны и что именно в этом и состоит наша индивидуальность*. Но мы так сильно желаем сделать индивидуальными наши Маленькие души. Чем же они становятся, когда ежедневный опыт нам показывает, что эти маленькие души индивидуальны, но с оговоркою, что они — индивидуальности постоянно растущие. Они те же и не те же. Вчерашний Я тот же, что и сегодняшний Я, и в то же время не тот; в нем что-то изменилось. Освобождаясь от дуалистического понятия, что среди всех этих изменений проходит нить тождества и принимая самые новейшие понятия, например, понятия об эволюции, мы находим, что наше тождество — то, что мы считаем неизменным, — постоянно изменяется, постоянно увеличивается.

Если верно, что человек представляет собою эволюцию моллюска, то индивидуальность моллюска должна быть та же, что и индивидуальность

человека, только она стала значительно больше. От моллюска до человека было постоянное увеличение до состояния бесконечности. Поэтому отдельная душа может быть названа индивидуальностью, постоянно развертывающейся в направлении к бесконечности. Совершенной индивидуальностью она станет только тогда, когда сделается бесконечной; по эту же сторону бесконечности она — индивидуальность постоянно изменяющаяся, растущая.

Адваистические системы веданты имеют особенное стремление согласоваться с предыдущими системами. В них проводится та же идея, которую в новейшее время вы называете теорией эволюции, т.е., что все мало-помалу растет. При таком взгляде не трудно примирить все предыдущие системы, не отвергая ни одной из их идей. Ошибка буддистов заключалась в том, что они не имели понятия об этом постоянно увеличивающемся росте, и потому никогда даже не пытались примирить с идеалом предшествовавшие шаги. Они просто отбрасывали их, как бесполезные и даже вредные. Вы увидите, что такая склонность в деле религии в высшей степени опасна. Человек приходит к новой лучшей идее и, оглядываясь на все те, что отбросил, сразу решает, что они были не нужны и вредны. Он никогда не подумает, что как бы они ни казались теперь, с современной точки зрения, незрелыми и грубыми, когда-то они были очень полезны и даже необходимы ему для достижения его настоящего состояния, и что каждый из нас должен расти подобным же образом, жить

с такими идеями, извлекать из них возможную для себя пользу и с помощью их достигать высшего состояния. Поэтому адвайтист смотрит благосклонно на самые старые теории, на дуализм и все ему предшествовавшее. Он относится к ним не покровительственно, но с убеждением, что все они были верны, все представляли собой проявления одной и той же истины и все должны придти к тому же заключению, к какому пришла и сама адвайта.

Все эти ступени, по которым прошло человечество, должны сохраняться со словами благословения, а не проклятия. Поэтому дуалистические системы сохранены нетронутыми в веданте и никогда ею не отталкиваются и не отбрасываются. Даже дуалистическое понятие об индивидуальной душе, которая после смерти человека идет в другие миры, находит в адвайте место. Эти идеи сохранены здесь во всей полноте, благодаря чему представляется возможным дать каждой из них надлежащую оценку, помня только, что все они выражают собою лишь отдельные частные взгляды на данный предмет.

Смотря на вселенную с известной точки зрения, вы можете видеть только одну ее часть. Так вселенная и представляется уму. С той точки, на которой стоит дуалистический ум, вселенная только и может представиться как создание из материи и силы. Она может казаться только игрою какой-то воли, а эта воля, в свою очередь, только отдельной от вселенной. В этом положении человек дол-

жен видеть и в себе двойную природу, тело и душу, причем эта душа, хотя и ограниченная, сама по себе вполне индивидуальна и к ней применяются все идеи о бессмертии. Эти фазы развития религиозных идей сохранены также в веданте, и я считаю полезным привести вам из этой дуалистической ее части несколько общераспространенных идей.

Согласно им, мы имеем тело и за ним — другое, так называемое тонкое тело. Последнее состоит также из материи, только очень эфирной. Оно — носитель всей нашей кармы, всех наших действий. Впечатления от всей нашей прежней деятельности сохраняются в этом тонком теле, готовые проявиться опять. Всякая наша мысль, всякий поступок, по прошествии известного времени становятся тонкими, переходят, как говорят, в форму семени и в таком виде живут в этом теле, в скрытом состоянии, а спустя некоторое время всплывают опять и приносят свои плоды. Это целая история того, чем человек сделал свою жизнь. Человек не связан никакими законами, кроме тех, которые он сам для себя создал. Наши дела, мысли и поступки — только нити той сети, которую мы опутываем себя, из-за добрых или злых побуждений. Если мы приводим в действие какую-нибудь силу, то должны нести и все последствия этого. Это — законы кармы.

Позади тонкого тела находится *Джива*, или индивидуальная душа человека. Много спорили относительно размеров, формы или отсутствия формы

этой индивидуальной души. По мнению одних, она очень мала, вроде атома; по мнению других — не так мала; по мнению третьих — очень велика и т.д. Эта Джива есть часть мировой субстанции и живет вечно; как часть целого, она существует, не имея начала, и будет существовать без конца, переходя во всевозможные формы, чтобы проявить свою истинную природу и чистоту. Всякие действия или мысли Дживы, влекущие ее назад, к тому состоянию, из которого она вышла, называются дурными поступками; а действия и мысли, помогающие ей расширяться, проявить себя дальше — хорошими.

Одна удивительная теория принята в Индии, как самыми незрелыми дуалистами, так и наиболее ушедшими вперед их противниками, — именно, что все способности и силы души уже существуют в ней, а не приходят откуда-то извне. Они находились в душе в скрытой форме, и вся деятельность нашей жизни, или жизней, направлена к одной цели — проявить ее возможности. Существует также учение о так называемом перевоплощении, состоящее в том, что после того, как тело разложится, Джива берет другое тело, затем третье и т.д., и живет с ними в этом мире, или в других мирах. Но этому миру отдается предпочтение, как лучшему из миров для наших целей. Относительно других миров находят, что в них слишком мало страданий, и потому мало побуждений думать о более высоких вещах. Так как этот мир неустойчиво уравновешен огромной массой страданий и некоторым количеством счастья, то Джива

рано или поздно пробуждается и у нее является мысль о своем освобождении. Но как очень богатые лица в этом мире имеют мало поводов думать о высших предметах, так точно и Джива, если пойдет на небо, не будет иметь побуждений к этому. Ее положение в этом случае станет лучше прежнего, ее очень тонкому телу не придется думать ни о каких болезнях, не будет необходимости в еде и питье, и все его желания будут выполняться. Джива будет переходить там от наслаждения к наслаждению и забудет все о себе и всяких идеалах. Но в высших мирах есть все-таки Дживы, продолжающие совершенствоваться, несмотря на окружающие их наслаждения, и переходящие оттуда еще выше.

Очень грубая часть дуалистов представляет себе цель, которой надо достигнуть, в виде самого высшего неба, куда, наконец, попадут эти души и будут там вечно жить вместе с Богом. Они будут иметь прекрасные тела, не знать болезней и смерти и, вообще, никакого зла. Все их желания будут исполняться, и они будут вечно лицезреть Бога. Но от времени до времени некоторые из них возвращаются на землю и принимают новые тела, чтобы поучать людей. Они-то и были, по словам упомянутых дуалистов, великими учителями мира. Они были уже свободны и жили с Богом в высших сферах, но их милосердие к страждущему человечеству было слишком велико, и они воплотились опять и проповедовали людям пути к Нему. Теперь они пошли в миры ангелов и в разные другие.

Адвайта, конечно, не находит такое состояние идеальным. Идеалом должна быть бестелесность. Все, меньшее бесконечного, не может быть идеалом; бесконечное же тело немыслимо, так как самое понятие тела уже предполагает пределы или границы. По той же причине не может быть и бесконечной мысли. Адвайта говорит, что мы должны идти за пределы тела, а также и за пределы мысли.

Другое странное положение адвайты состоит в том, что нам нет надобности добывать свободу, что она уже есть у нас, но мы только забыли и отрицаем ее. Совершенства, неизменяемости и бессмертия нам тоже не приходится достигать; их также мы все время имеем. Если вы решитесь сказать себе, что вы свободны, — в тот же момент вы свободны. Если скажете, что вы связаны, — связанными и останетесь. Но дуалисты и некоторые другие держатся противоположного мнения. Вы можете выбирать то, что вам больше нравится.

Этот идеал веданты очень трудно понять, и он вызывал много споров. Наибольшее затруднение представляло то, что если принять идеи адвайты, то является необходимость отрицать и оспаривать идеи дуалистов. Берите то, что вам нравится, и предоставьте другим брать то, что они найдут для себя подходящим. Если вам очень хочется сохранить вашу маленькую индивидуальность, — остайтесь отдельным человеком, — вы сохраните также и все ваши желания. Если путем опыта вы пришли к заключению, что человеческая природа

хороша и приятна, можете сохранить ее сколько хотите, так как вы сами создаете свою судьбу, и никто не может принуждать вас. Вы будете людьми так долго, как захотите. Если захотите быть ангелом, будете ангелом. Все зависит от вас. Но могут быть люди, которые не хотят быть даже ангелами. Какое право вы имеете говорить им, что их понятия ужасны?

Вы можете прийти в ужас, если потеряете сто фунтов; но могут быть другие, которые даже не мигнут, если бы потеряли все деньги, какие есть на свете. Есть такие и этакие. Как вы смеете судить других по своей мерке? Вы льнете к вашим ограничениям и маленьким мирским идеям, и это может быть вашим идеалом. Пожалуйста. Вы получите то, что желаете. Но есть другие, познавшие истину и покончившие со всем этим; такие не могут успокоиться в этих ограничениях; они хотят вырваться из них, и ничто в этом мире не удовлетворяет их. Для них мир, со всеми его наслаждениями, просто грязная лужа. Почему вы хотите заставить их подчиняться вашим взглядам? Вы должны отвыкнуть от этого раз и навсегда. Предоставьте свободу каждому, Не тяните других к себе вниз.

Год назад я читал рассказ, как несколько судов были застигнуты циклоном у островов Самоа. На иллюстрации к этому рассказу (в «Иллюстрированных Лондонских Новостях») все суда представлены погибающими, кроме одного — английского, благополучно выдержавшего шторм, и люди гибнущих кораблей, которых вот-вот поглотит

море, стоят на палубах и аплодируют тем, которые плывут, несмотря на бурю.

Некоторые говорят, что, если мы утрачиваем нашу маленькую индивидуальность, то для человечества не будет никакой нравственности, никакой надежды. Как будто все они все время умирают ради человечества. Бог с вами, да если бы в каждой стране нашлись две сотни мужчин и женщин, действительно желающих делать добро человечеству, то через пять дней настало бы царствие Божие на земле. Знаем мы, как умирают за человечество. Все это — только громкие фразы, и говорятся они не без цели. Боже, избави нас от них!

История показывает, что те, кто никогда не думал об этой маленькой индивидуальности, были величайшими благодетелями человеческого рода, и что чем больше люди думают о себе, тем меньше они способны трудиться для других. Одно — бескорыстие, другое — себялюбие, постоянное повторение которого — крайний эгоизм. Он является не от жажды истины или желания добра другим существам, но от *чрезмерной черствости сердца*, от мысли: «Я хочу иметь все и не забочусь о других». Так это представляется мне. Я хотел бы видеть в мире больше нравственных людей, похожих на тех великих древних пророков и мудрецов старого времени, которые отдали бы сотню жизней, если б могли этим принести пользу даже одному маленькому животному. Толки о нравственности и пользе ближним в настоящее время не более как пустая болтовня.

Я хотел бы видеть нравственных людей, похожих на Гаутама Будду, который не верил ни в Личного Бога, ни в личную душу, никогда ничего не требовал, никогда не просил, держал себя настоящим агностиком, и вместе с тем всю жизнь трудился для блага всех, готов был положить жизнь за каждого. Прекрасно выразился его биограф: «Он рожден для пользы и блага многих». Он никогда не удалялся в лес, чтобы размышлять ради своего спасения. «Мир в огне; кто-нибудь должен найти выход...» «Зачем так много страданий?» Эта одна мысль управляла всей его жизнью. Думаете ли вы, что мы так же нравственны, как Он?

Чем безнравственнее человек или раса, тем они эгоистичнее. Раса, выделяющая себя из других, самая жестокая и злая. Не было религии более дуалистической, чем религия пророка Аравии, и никто не пролил столько крови, не был так жесток по отношению к другим существам, как ее последователи. У этих фанатиков есть даже учение, что человека, неверующего как они, можно убить; это будет доброе дело. И самое верное средство попасть на небо с прекрасными гуриями и всякого рода чувственными наслаждениями — убийство неверных. Подумайте, сколько кровопролития было следствием этой религии.

В религии Христа не было жестокости. Между Его чистой религией и ведантой очень мало различия. В ней проповедуется идея о Единстве, но проводятся также и дуалистические идеи, с целью дать людям за что-нибудь ухватиться, чтобы

затем подняться к высшему идеалу. Пророк, молившийся: «Отче наш, иже еси на небесах», учил также: «Я и Отец — одно». Этот Пророк знал, что через Отца на небесах путь лежит к «Я и Отец — одно». В Его религии были только благодать и любовь; но, как скоро в нее внесли черствость, она выродилась в нечто только немногим лучшее, чем религия жестоких сект пустыни. Это произошло от невежества, от борьбы за свое маленькое я, от заботы сохранить это я не только в настоящей жизни, но и после смерти. Нам говорят, что это бескорыстие, что это основание нравственности. Избави нас, Боже, от такой нравственности. Эгоизм — основание нравственности! Люди, которые должны бы иметь лучшее об этом понятие, приходят в ужас, думая, что если эти маленькие я исчезнут, вся нравственность погибнет.

Лозунг всякого благополучия, всякой нравственности, — «Не я, но ты». Кому какое дело, есть ли такие вещи, как небо или ад, имею ли я душу и, если имею, то изменяется ли она или нет? Есть мир, и он полон страданий. Идите, подобно Будде, в мир и постарайтесь уменьшить его страдания, или умрите, пытаясь сделать это. Забудьте о себе; это первое, чему надо научиться, деист вы или атеист, агностик или ведантист, христианин или магометанин. Всем нам ясно одно правило: «не я, но ты», — уничтожение маленького я и восстановление действительного Я.

Две силы постоянно действуют рядом друг с другом. Одна говорит: «Я», другая — «не Я». Они про-

являются не только в людях, но и в животных, не только в высших животных, но и в самом ничтожном из червяков. Тигрица, погружая свои когти в горячую кровь человека, отдает свою жизнь, защищая тигренка. — Самый развращенный человек, ни во что ставящий жизнь своих братьев-людей, сделает все, чтобы спасти свою умирающую с голоду жену или своих маленьких детей. Таким образом, две эти силы работают рядом во всем творении, и где вы найдете одну из них, там найдете и другую. Одна — эгоизм, другая — бескорыстие. Одна — присвоение, другая — отречение. Одна все берет, другая все отдает. Все во вселенной, от самого низшего до самого высшего, представляет арену для этих двух сил.

Это настолько всем ясно, что не требует доказательств. Какое право имеет одна часть общества приписывать всю работу эволюции вселенной действию одной из них, именно — соперничеству и борьбе? Какое она имеет право приписывать эту работу страстям, ссорам, раздорам и дракам? Мы не спорим, что все это существует. Но какое она имеет право не признавать действия другой силы? И можно ли отрицать, что любовь, отречение, выражающееся в словах «Не Я», — единственная положительная сила вселенной? Другая сила — только ложно направленное применение той же силы, любви, так как соперничество вызывается любовью. Истинное происхождение соперничества — в любви. Настоящая причина зла — бескорыстие. Создатель зла — добро, и цель его тоже добро. Человек, убивающий на улице

другого, может быть, был побужден к этому любовью к своему ребенку. Его любовь стала узкою, ограничилась одним маленьким ребенком и оторвалась от миллионов других душ вселенной. Но, ограниченный или безграничный, это все-таки тот же самый Бог.

Таким образом, движущая сила всей вселенной, как бы она ни проявлялась, не что иное как эта удивительная вещь, называемая бескорыстием, отречением. Истинная любовь — единственная живая сила. Поэтому ведантист и настаивает на Единстве, а не на двойственности. Мы также настаиваем на этом объяснении, потому что наука и знание, которыми мы так гордимся, заставляют нас признать, что, если одна причина может объяснить всю серию следствий, то такое объяснение должно быть признано верным, предпочтительно перед всякой теорией, требующей для объяснений того же числа следствий многих причин. Так, например, если мы признаем, что, вследствие ограничения того же единства, прекрасная и удивительная любовь может оказаться злом или подлостью, мы должны всю вселенную объяснить одною силою любви. Если же не допускаем возможности происхождения зла от любви, то должны признать две причины вселенной, добрую и злую, две силы — любовь и ненависть. Что же более логично? — Конечно то, что предполагает только одну причину.

Теперь я перейду к понятиям, которые никоим образом не принадлежат дуалистам. С дуалистами

я не могу дольше оставаться. Я их боюсь. Я хочу показать вам, что *высший идеал нравственности и бескорыстия идет рука об руку с высшими метафизическими идеями*; что для осуществления требований этики и нравственности нет надобности принижать свои идеи, а — напротив — необходимо достичь самых высших философских и научных понятий. Человеческое знание не враждебно человеческому благосостоянию. Наоборот, только знание спасет вас во всех областях жизни. Чем больше мы знаем, тем лучше.

Ведантист говорит: причина всего, кажущегося дурным, заключается в ограничении безграничного, в любви, которая будучи заключена в узкие каналы, кажется злом, но, выходя из них, на другом конце проявляется как Бог. Веданта же утверждает, что причина кажущегося зла — в нас самих. Не вините сверхнормальных существ, не теряйте надежды, не падайте духом и не думайте, что вы в какой-то норе и не можете из нее выбраться, если не придет кто-нибудь и не протянет вам руку помощи. Этого не может быть, — говорит веданта. Мы похожи на шелковичных червей; из собственной субстанции мы вытягиваем нити, делаем кокон и со временем оказываемся заключенными в нем. Но не навсегда. В этом коконе мы должны развиваться в бабочку и выйти из него свободными. Мы опутали себя сетью кармы, чувствуем в своем невежестве — как будто связаны и по временам плачем и вопим о помощи. Но помощь извне не приходит, хоть призывайте всех богов вселенной. *Она придет изнутри вас самих.*

Я целые годы взывал о помощи, и после долгого времени увидел, что помощь пришла. Но она пришла изнутри. И я должен был переделывать то, что ошибочно было сделано мною. Я должен был разрезать сеть, которую опутал себя, и сила для этого была во мне. Из этого я пришел к уверенности, что ни одно мое стремление в жизни, хорошо или дурно направленное, не пропало даром, но что я — результат всего моего прошлого, как хорошего, так и дурного. Я делал в моей жизни много ошибок, но уверен, что если бы исключить хотя бы одну из них, я не был бы тем, что я есть, а я вполне доволен собою. Я этим не хочу сказать, что вы должны делать ошибки. Не поймите меня в этом ложном смысле. Но не смущайтесь, если сделаете несколько ошибок. Знайте, что в конце концов все исправится. Иначе быть не может, потому что правильность действий и чистота — в нашей природе, а природа никогда не может быть никакими средствами устранена. Сущность нашей природы всегда останется та же самая.

Мы должны понять, что то, что мы называем ошибками, или злом, мы делаем вследствие нашей слабости, *слабы же мы потому, что невежественны*. Я предпочитаю называть это ошибками, так как слово «грех», хотя первоначально и очень точное, приобрело некоторый оттенок, который пугает меня. Кто делает нас невежественными? — Мы сами. Мы сами закрываем себе глаза руками и жалуемся, что темно. Уберите ваши руки, и увидите, что вам всегда светит свет, — самосветящаяся природа человеческой души. Разве вы не ви-

дите ее? Что говорят ваши новейшие люди науки? Какая причина всей эволюции? — Желание.

Животное хочет сделать что-то новое, но не находит удовлетворительных для этого условий, и потому вырабатывает себе новое тело. Кто его вырабатывает? Оно само, своею собственной волей. Вы развились из самой низшей амебы. Применяйте ту же волю, и она поднимет вас еще выше. Воля всемогуща. Если она всемогуща, — скажете вы, — почему я многого не могу делать? Но вы думаете при этом только о вашем маленьком я. Оглянитесь назад и проследите себя от состояния амебы до человеческого существа, и скажите, кто сделал все это. — Ваша собственная воля. Можете ли вы тогда отрицать, что она всемогуща? То, что подняло вас так высоко, может сделать вас еще выше. Но для этого нам нужен характер, укрепление воли, а не обессиливание ее. Поэтому, если бы я учил вас, что ваша природа зла, и говорил вам, чтобы вы шли домой, оделись в рубище, посыпали голову пеплом и всю жизнь сокрушались, что сделали несколько ложных шагов, это не помогло бы вам, но еще больше ослабило, и я указал бы вам путь скорее к злу, чем к добру.

Если бы эта комната была полна тьмы в течение тысяч лет, и вы вошли бы в нее и начали плакать и кричать: «Ой, темно!» — разве тьма исчезнет? Внесите в нее свет, зажгите спичку, и в один момент станет светло. Какая вам польза всю жизнь думать: «Я совершил дурное дело, я наделал много ошибок». Внесите свет, и зло исчезнет в одно

мгновение. Укрепляйте свою действительную природу, становитесь лучезарным, блистающим, вечно чистым, и вызывайте то же в каждом, кого видите. Я хотел бы, чтоб всякий из нас достиг такого состояния, чтобы внутри даже самого худшего из людей он мог видеть Бога, и чтоб, вместо того, чтоб осуждать его, мог сказать: «Встань, лучезарный, встань, вечно чистый, нерожденный и бессмертный, встань, всемогущий, и прояви свою истинную природу. Эти маленькие проявления не приличны для тебя!» Это самая высокая молитва, которой учит адвайта. Единственная истинная молитва состоит в том, чтобы помнить о своей природе, о Боге, Который всегда в нас, думать о Нем всегда, как о Бесконечном, Всемогущем, Вечно-Благом, всегда Благотворительном, Беспристрастном, лишенном всех маленьких я, всех маленьких ограничений.

Кого может бояться тот, кто ничего не желает для себя? Кто может утратить его? Чем страшно ему может быть зло? Если мы адвайтисты, мы должны думать, что с этого момента мы мертвы и нас нет. Старый человек ушел, он был просто каким-то суеверием, а то, что осталось, вечно чисто, вечно энергично, могущественно и всеведуще. Это остается у нас, и тогда весь наш страх исчезает. Кто может причинить вред мне, вездесущему? Таким образом, все слабости мои исчезают и мне предстоит только одно дело, — вызывать то же состояние у моих ближних. Я вижу, что они такие же, только не знают этого. Я должен научить их, помочь им пробудить в себе их бесконечную природу. Вот что

я нахожу необходимым для всего мира. Эти доктрины стары, старше, чем многие горы.

Всякая истина вечна. Она не составляет ничьей собственности: никакая раса и никакой индивидум не может претендовать на исключительное обладание истиной. *Истина есть природа всех душ.* Кто может предъявлять особенное право на нее? Но она должна быть практична, проста, так как вы видите, что высшие истины в то же время самые простые. Она должна быть настолько проста, чтобы могла проникнуть в каждую пору человеческого общества, чтобы могла стать достоянием как самого высокого, так и самого обыкновенного ума, мужчины, женщины, ребенка. Все рассуждения логики и метафизики, все теологии и обряды могут быть хороши в свое время; но попробуем упростить понятия и приблизить золотые дни, когда каждый человек станет поклонником, а сущность каждого человека — предметом поклонения.

Содержание

КАРМА-ЙОГА	3
Глава 1. Карма и ее влияние на характер	3
Глава 2. Каждый велик на своем месте	15
Глава 3. Бескорыстная благотворительность — секрет труда, ведущего к спасению	36
Глава 4. Что такое долг?	51
Глава 5. Мы помогаем себе, а не миру	65
Глава 6. Отсутствие привязанности есть полное самоотречение	79
Глава 7. Свобода	97
Глава 8. Идеал Карма-Йоги	116
 ПРАКТИЧЕСКАЯ ВЕДАНТА	 130
Часть 1	130
Часть 2	153
Часть 3	178
Часть 4	196

Так же в этой серии вышли

**Криптограммы Востока.
Напутствие вождю**
(Е.И. Рерих)

В этом сборнике читателю предлагаются две книги выдающегося духовного подвижника России Елены Ивановны Рерих: «Криптограммы Востока», вышедшие в Париже под фамилией Ж. Сент-Илер, и «Напутствие вождю».

В первой языком притч, при помощи образов и аллегорий раскрывается вся мудрость Востока.

Вторая книга ещё долго не потеряет своей актуальности, потому что, прочитав её, понимаешь, каким должен быть настоящий правитель.

**Наука о дыхании индийских йогов.
Окултное лечение**
(Йог Рамачарака)

Издавна в Индии и в других восточных странах были люди, которые посвящали своё время и силы изучению методов развития сил человека: физических, умственных и духовных. Опыт первых поколений этих искателей передавался веками от учителей к ученикам, и постепенно была сложена наука «йога», от санскритского слова «йог», что означает «соединять».

РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИН:

м. Красносельская (или Комсомольская), ул.
Краснопрудная, д. 22а, стр. 1   тел.: 8 (499) 264-13-60

В магазине представлено более 10 000 наименований литературы **ПО ЦЕНАМ ИЗДАТЕЛЕЙ** и по тематике нашего издательства — эзотерика, теософия, философия, точные методики и практики совершенствования, традиционная и нетрадиционная медицина, астрология, мировые религии и течения, а также аудио-, видео- и сувенирная продукция. Для членов клуба — постоянно действующие скидки, книги по предварительному заказу, встречи с интересными авторами.

Розничная и оптовая продажа:

Книжная ярмарка: м. Пр. Мира, СК «Олимпийский», 1-й этаж, место 13, тел.: 8 (926) 729-74-93

Вы можете заказать книги на нашем сайте: www.amrita-rus.ru,
info@amrita-rus.ru или по тел.: 8 (499) 264-73-70

Книга — почтой: 107140, Москва, а/я 37

По заявке оптовиков осуществляется электронная рассылка
полного книжного каталога

Книги «Амрита-Русь» можно приобрести в магазинах г. Москвы:

«Белые облака»	ул. Покровка, д. 4/2, тел. (495) 621-61-25, www.clouds.ru
«Москва»	ул. Тверская, д. 8, стр. 1, тел. 797-87-17, www.moscowbooks.ru
«Путь к себе»	ул. Новокузнецкая, д. 6, тел. (495) 951-91-29, www.inwardpath.ru
«Молодая гвардия»	ул. Б. Полянка, д. 28, тел. (495) 238-50-01, www.bookmg.ru
«БиблиоГлобус»	ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5, т. (495) 781-19-00, www.biblio-globus.ru
«Помоги себе сам»	Волгоградский пр., д. 46/15, т. (495) 179-10-20, www.fpss.ru
«Просветление»	ул. Долгоруковская, д. 29, тел. (495) 251-21-08, www.yogacenter.ru
«Московский Дом Книги»	ул. Новый Арбат, д. 8, тел. (495) 789-35-91, www.mdk-arbat.ru

В других городах России:

Архангельск	«АВФ-Книга», пл. Ленина, д. 3, тел. (8182) 65-38-79
Воронеж	«Амиталь», Ленинский пр-т, д. 153, т. (4732) 23-17-02, www.amital.ru Сеть магазинов духовного развития и аюрведы «ОМ», ул. Кольцовская, д. 76 (вход с ул. Куцыгина), тел. 8 (4732) 77-48-96, www.om-vrn.ru
Екатеринбург	«Дом Книги», ул. Валека, д. 12, тел. (343) 359-41-47, www.domknigi-online.ru
Иркутск	сеть «Продалить», ул. Урицкого, д. 9, тел. (3952) 241-777, www.prodalit.ru
Казань	«Таис», ул. Гвардейская, д. 9-а, тел. (8-432) 95-12-71, 72-34-55 «АистПресс», ул. Левобулачная, 42/2, (843) 525-52-14
Калининград	«Книги и книжечки», ул. Судостроительная, д. 75, тел. (4012) 353-763, 353-959
Калуга	ул. Ленина, д. 80, магазин ТамГдеНикто тел. (920) 8777353
Красноярск	«Тональ», пл. Мира, д. 1, тел. (3912) 12-48-09
Нижегород	«Дирижабль», ул. Покровская, д. 46, тел. (831) 434-03-05, 434-69-34, www.dirigable-book.ru
Новосибирск	«Топ-книга», ул. Арбузова, д. 111, т. (383) 336-10-26, www.opt-kniga.ru «Амрита», ул. Вокзальная магистраль, д. 4/1, тел. (383) 218-25-85
Омск	«Живые мысли», пр. Маркса, д. 4-6, т. (3812) 211-547 «Финист», ул. Малунцева, д. 18, тел. (3812) 387-165 «Водолей», ул. Маяковского, д. 5, тел. (3812) 320-877

Духовно-просветительное издание

Свами Вивекананда

Карма-Йога

Практическая Веданта

Подписано в печать 16.01.12.

Формат 70х90/32. Усл. печ. л. 8,2.

Тираж 2000 экз. Заказ № 170

ООО «Амрита»

109153, Москва, ул. Моршанская, д. 3, корп. 1

тел./факс: 8 (499) 264-05-89, тел.: 8 (499) 264-05-81

e-mail: info@amrita-rus.ru www.amrita-rus.ru

Книга — почтой: 107140, Москва, а/я 37

тел.: 8 (499) 264-73-70

Розничный магазин:

ул. Краснопрудная, д. 22а, стр. 1

Тел.: 8 (499) 264-13-60

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.

Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52

www.ippops.ru, e-mail: zakaz@ippops.ru